ЛИЧНОЕ ДЕЛО
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ

ФЕДОР АНИЧ

Ты — моя причина жить...

Сергей Федоранич

Ты – моя причина жить…

Серия «Следователь по особо известным делам Игорь Романов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24125822
Ты – моя причина жить… / Федор Анич: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98669-9

Аннотация

Раньше я не думал о смерти, пока однажды она не постучала в мою дверь. Это было обычное зимнее утро, которое ничем не отличалось от сотни других. Я собирался поехать в институт, а после встретиться с друзьями и посидеть в каком-нибудь баре. Выйдя из дома, я обернулся, чтобы помахать на прощание маме и сестре. Тогда я еще не знал, что больше их никогда не увижу…

Книга также выходила под названием «Расскажи, как надо жить».

Продолжение истории читайте в романе «Нет смысла без тебя»

Содержание

Глава 1 6
Саша 6
Вася 14
Ника 28
Игорь 41
Саша 52
Глава 2 58
Вася 58
Игорь 73
Саша 107
Глава 3 116
Ника 116
Игорь 120
Вася 133
Брэдли 145
Глава 4 151
Игорь 151
Вася 178
Глава 5 219
Игорь 219
Вася 229
Дима 236
Ника 251

Брэдли 276
Глава 6 311
Вася 311
Ника 319
Игорь 375
Глава 7 382
Ника 382
Дима 398
Глава 8 420
Игорь 420
Эпилог 431

Федор Анич
Ты – моя причина жить…

© Анич Ф., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Все события романа – вымышленные. Любые совпадения имен и фактов совершенно случайны.

Глава 1

Саша

Россия, Иркутск

Мама не видела, как меня скрутили. Я надеюсь, ей вообще ничего не известно о моем бизнесе и долгах.

Три месяца назад я, как самый гениальный человек на планете, решил открыть свое дело. Отец дать денег отказался и приказал не совать рога туда, где я ни бельмеса не шарю. Я его, конечно же, заверил, что все понял, но не послушал. И раздал всем своим партнерам по моему скромному бизнесу личные гарантии. Кто же знал, что так дела не ведутся?

И вот, когда стало понятно, что бизнес прогорел, все деньги съедены, а позор остался, я не успокоился и нырнул еще глубже – занял денег у бандита по имени Маруф. Мой друг по кличке Палец настоятельно рекомендовал мне не занимать у Маруфа. Однако и друга своего я слушать не стал. Я же всех на свете умнее и творю поистине великие дела.

Но хуже дурака только дурак деятельный, как говорится.

«Пятьдесят тысяч долларов сумма не маленькая, но не настолько большая, чтобы убивать человека», – рассуждал тогда я.

Но если верить моим суждениям, то сейчас я должен быть

дома, а не с вонючим мешком на голове, связанными руками, ногами и под дулом пистолета ехать в гараж, где меня прицепят к батарее, а отца заставят выплатить мой долг. А может, и вовсе убьют.

В этот момент во мне боролись несколько чувств. Я был так зол на себя, обижен на весь мир, но при этом испытывал невероятную жалость к себе. Я вдруг стал таким беззащитным, власть надо мной была в руках людей с пистолетами. И да, штаны… я, кажется, обмочился. Боже, какой позор.

* * *

А вся эта невероятная история началась с моей гениальной идеи создать комедийно-эротическое шоу. Сексуальные девушки должны были показывать смешные сценки, танцевать и исполнять каверы на главные хиты эстрады. Так как я был вхож во все известные иркутские клубы и лично знаком со многими арт-директорами, найти денег на старт не составило труда.

Мой бизнес-план оценили и на взаимовыгодных условиях заключили сделку. По моим подсчетам, через несколько месяцев я должен был вернуть кредиторам деньги с процентами, а в качестве бонуса предоставить возможность получить бесплатно по одному-два выступлению. Быстро собрал команду, арендовал помещение для репетиций, нанял танцоров и хореографов, вложился в покупку декораций и костю-

мов. Работа началась.

На первом выступлении сразу же возникли проблемы. Оказывается, не так просто заставить людей смеяться. Пришлось нанять фокус-группу. Мы заказали сценарий у известного комедийного автора. Я проводил на сцене по двенадцать часов, репетируя номера. Кое-как мы все же скомпоновали новую программу, которую назвали «Распутницы», и пригласили всех спонсоров для просмотра.

Шоу провалилось с треском не только в глазах спонсоров, но и в моих. То, что ожидалось от «Распутницы», не получилось даже на десять процентов. Шутки казались избитыми, девушки танцевали так, словно стояли в очереди в туалет, ну а петь просто не всем дано. Неудивительно, что через полчаса ушли практически все спонсоры, остались только друзья и те, кто успел много выпить. Я был готов застрелиться от стыда прямо там, за кулисами. Как отметил один арт-директор, покидая площадку, шоу «Распутницы» – это «амёбы в купальниках».

На следующий день я отправился переубеждать арт-директоров. Но ни один из них не захотел даже выслушать меня. Их интересовали лишь деньги, которые я теперь им был должен. Но у меня не было ни копейки, чтобы заплатить за свой позор. И тогда я поехал к Маруфу. Я занял денег, чтобы отдать долги и вложиться в новую программу. Тем же вечером, рассчитавшись с арт-директорами, я решил собрать свою команду, чтобы обсудить новое шоу.

Но никто не пришел.

Я остался один на один со своими идеями и долгом. Палец, узнав обо всем, испарился, как будто и не было его вовсе. Очень быстро информация о том, что моя команда развалилась, дошла и до Маруфа. Он потребовал вернуть деньги через три дня. Я пытался договориться с ним, но все усилия были напрасны. Пришлось заверить его, что через три дня деньги будут.

Через три дня – это завтра.

А сегодня я уже с мешком на голове.

Сволочь патлатая. Гад, низкопробный ублюдок! Интересно, о чем думает его дурная башка? Каким образом я теперь смогу раздобыть деньги? Он, скорее всего, рассчитывает шантажировать отца… Не на того нарвался. Мало того, что отец теперь откажется отдавать деньги, так еще и посадит придурка.

– Вам всем конец, – прохрипел я. – Вы разве не понимаете?

В ответ тишина. Только спокойный рев мотора и укачивающая тряска. Мы едем в «Газели», я лежу на полу, лицом вниз. Перед тем как мне натянули черный мешок на голову, внушительных размеров нерусский мужик показал мне пистолет и выразительно приставил его к моему лицу.

– Пикнешь – убью. Все понятно?

С этим парнем явно шутки плохи. Я кивнул, что понял его, и меня запихнули в машину. Несколько пар ног быстро

вскочили следом, и машина тронулась.

Мы ехали очень долго. У меня затекли руки, казалось, что кисти вот-вот отвалятся. Я хотел в туалет, но на мои просьбы остановить машину никто не реагировал.

– Мой отец найдет вас всех и посадит, – решил я действовать иначе и стал угрожать. – Вы не знаете, с кем связались. Я уверен, что он уже выслал группу захвата.

После этих слов машина остановилась. Я услышал нерусскую речь. Человек что-то обсуждал по телефону. Я постарался напрячь слух. Неужели они напугались и отпустят меня? И тогда я решил добавить масла в огонь:

– Если вы меня отпустите, я попрошу отца отпустить вас. Передайте Маруфу, что мы обо всем договоримся. Я отдам деньги…

– Заткнись, – прервали меня, не дав договорить.

Голос был жестким и холодным. Я решил не сдавать позиций: контакт – ведь это уже очень хорошо! И попытался снова начать диалог:

– Хорошо, но подумайте, лучше все решить сейчас, пока еще вас не успели всех повязать.

Мне было жутко страшно. Еще чуть-чуть – и в штаны вырвется еще одна позорная струйка. Кто знает этих исполнителей? Какие у них приказы?

В ответ – тишина.

Захрустел гравий, к нам подъехала машина. Меня подняли и вывели из машины. Ноги заплетались, но я был рад, что

мне позволили их размять. И похоже, сейчас все закончится. Скорее всего, это полицейская машина, отец уже нашел меня! Через секунду с головы сорвали мешок. В глаза ударил яркий свет от фар. Я зажмурился и глубоко вздохнул. Боже, как чудесен запах январского леса! После провонявшего бензином и машинным маслом коврика на полу «Газели» чистый лесной воздух опьянял. Я оглянулся – мы стояли на шоссе перед машиной, в которой ехали. По обочинам – деревья с мягкими снежными подушками на плечах. Рядом стоял черный джип. Точно такой же у Маруфа. Это точно он, сукин сын! За руки меня держал тот самый мужик, что показывал пистолет, а рядом с ним курили его приятели. Но они не были похожи на выходцев из Персии. Скорее на цыган в тяжелых тулупах и шапках-ушанках.

Дверь джипа открылась, и оттуда вывалился толстый мужик в овечьей дубленке нараспашку; голова была без шапки, в мясистом ухе – маленькая сережка-колечко. Он миролюбиво посмотрел на меня, захлопнул дверцу джипа и подошел, разгоняя мерзлый гравий на обочине дороги темно-синими мокасинами.

– Здравствуй, красавец, – сказал он все с той же мерзкой улыбкой и сильным акцентом.

– Здравствуйте, – ответил я нарочито вежливо, так, словно вся эта история происходит не со мной, ведь я вежливый, культурный мальчик.

– Я специально попросил моих парней остановить маши-

ну, чтобы объяснить тебе кое-что, Саша. – Мое имя он произнес с ударением на последний слог, на французский манер. Может, он другого Сашу имел в виду? Но, помолчав пару секунд, он добавил: – Ты можешь не переживать за Маруфа и деньги.

– Что это значит? – в недоумении спросил я.

– Маруф получил свое. Я купил его у тебя. Он получил с курьером конверт, где было написано «От Саши Лаврова». Ты очень ценный груз, красавец.

И своим толстым пальцем он провел по моему подбородку. Меня передернуло от отвращения, и я заорал, выпуская клубы пара, как лошадь на морозе:

– Идите к черту! Верните меня домой!

– Нет, дорогой, – ответил цыган, не переставая мерзко улыбаться, – ты теперь принадлежишь мне. Ты поедешь со мной и будешь делать все, что я захочу.

– Я не просил вас отдавать долг за меня! – Во мне вдруг заиграла злоба. Какого черта он себе позволяет?!

– О нет, мой дорогой, я заплатил твои долги, но деньги для меня не имеют совершенно никакого значения, мне нужен ты, – проговорил он тихо, практически по слогам и без всякого акцента.

Я сдержал судорогу, но желудок срочно требовал избавиться от завтрака. Сглотнув слюну, задрал лицо кверху и, отрывая фразы, как будто от этого они становились более весомыми, проговорил:

– Мой отец найдет меня. Вас всех посадят. Ты настоящая мразь.

Улыбка на дряблых губах цыгана померкла. Черные как вороново крыло глаза блеснули злобой. Он ударил меня ладонью по лицу с такой силой, что на секунду все вокруг закружилось, а в глазах резко потемнело. До этого дня меня никто и никогда не бил. Откуда-то изнутри выстрелило унижение, тупым ударом под желудок. Я покачнулся, но меня удержали.

Я сплюнул на сухой гравий слюну (спасибо, что без крови), а цыган скомандовал своим парням:

– Поехали.

– Вы забыли мешок, – сказал я дрожащим голосом, только что вернувшись в этот мир после удара. – Ведь я могу запомнить дорогу.

– Планы изменились, – сказал один из похитителей и приставил пистолет к моей голове. – Те, кто обижает барона, обычно не выживают. Так что можешь запоминать дорогу.

Машина барона тронулась. Мой палач взвел курок и ухмыльнулся.

Только сейчас я понял, как ошибался. Меня уже никто не найдет. Я останусь гнить здесь с пулей в виске. От страха я зажмурил глаза.

Вася

Россия, Москва

Знаете, как обычно показывают в фильмах смерть – боли, хрипы, стоны… Но ничего этого не будет. Правда, ничего. Как всегда, ровно в 23.15 мама почистит зубы, облачится в свою старенькую ночную рубашку, аккуратно счистит нежную кожицу с сочного яблока, съест его и ляжет спать. Я подожду, пока она уснет, чтобы подоткнуть одеяло у вечно стынущих ног. Каждый раз боюсь, что, подойдя к кровати, я не услышу сонного дыхания мамы. Я тихонько позову ее, но не для того, чтобы вырвать из сна, а чтобы увидеть чуть вздрогнувшие веки или слабую натугу спящих голосовых связок.

Спустя мгновение я что есть силы буду трясти бесчувственное плечо мамы, но тело будет лишь послушно колыхаться. Глаза будут прочно закрыты, губы сжаты.

Я боюсь, что мама умрет.

* * *

Ни у меня, ни у мамы больше никого нет. С раннего детства я люблю ее всем своим насквозь больным сердцем. В мире нет больше никого, к кому бы я испытывал хоть каплю такой же любви. Ни к своему без вести пропавшему отцу, ни к покойным ныне дедушкам и бабушкам.

Мы живем очень скромно: на мамину пенсию по старости да на мою по инвалидности. Полученное мы аккуратно складываем в жестяную банку из-под печенья. В месяц выходит двадцать шесть тысяч семьсот сорок пять рублей. Львиную долю тратим на наш быт – оплату «двушки», покупку лекарств и продуктов. Но мы не унываем – у нас есть все, чтобы радоваться жизни. Главное, что мы есть друг у друга. А в нашем доме тепло и уютно.

Когда я прихожу с рынка домой с полными пакетами продуктов, мама всегда говорит одно и то же:

– Васенька, повесь пальто в шкаф, не бросай где попало. И вообще, чай стынет, я пирожков испекла. Мой руки и к столу, сынок.

Я аккуратно вешаю в шкаф пальто, задвигаю дверцу и только потом приступаю к распаковке сумок. Из того, что мне удается купить на выделенные из жестяной банки деньги, мама всегда умудряется приготовить настоящие шедевры.

Каждую среду и субботу мы делаем генеральную уборку, а после усердной работы мама ставит в печь курник, мы пьем чай у телевизора под передачу Малахова. У нас нет возможности подключить кабельное телевидение, ресурсы в жестяной банке не позволяют. Но главное ведь поставить цель, верно? В этом году у нас их было две – подключить кабельное телевидение и купить маме пальто. Начали мы, конечно же, с самого важного.

Купить маме пальто мы запланировали давно, еще в середине лета. Разумно посчитав, что у меня есть теплая куртка, бобровая шапка, неплохие ботинки на эту зиму, все накопления на покупку одежды посвятили маме. И вот в день получения маминой январской пенсии последняя капля упала в жестяную банку, и мы отправились в магазин, в котором долго и придирчиво выбирали, щурясь на ценники.

– Васенька, я не хочу быть бабулькой. Это пальто безобразно в принципе, а на мне уж тем более, – причитала мама, примеряя одно за другим изделие.

В конечном счете маме понравилось драповое пальто с мехом лисицы. Кирпичного цвета, длинное, с аккуратным поясом на ажурной латунной застежке.

Вот как сейчас помню этот момент. Я нагибаюсь, чтобы посмотреть ценник, да так и остаюсь в полусогнутом состоянии. Пальто, по нашим меркам, стоит безумных денег – 8770 рублей. А на покупку мы отложили лишь 6500 рублей. В дефиците аж 2270 рублей! Нам это пальто не по карману еще целых три месяца! А о кабельном придется забыть как минимум до лета.

– Что там, Васенька? Сколько? – любуясь на себя в зеркале, спрашивает мама.

Я прячу ценник и говорю, что немного дороже. Всего на триста рублей. Но и за ними необходимо идти домой. Мама долго думает, крутится у зеркала, слушает восхищенных продавщиц и, наконец, соглашается. Она снимает пальто, на-

девает свою старенькую бобровую шубку, не раз латанную и местами весьма истертую, велит мне договориться на кассе, чтобы пальто отложили на пару часов или до завтра, а сама выходит на улицу. Я договорился, что выкуплю пальто утром, и внес задаток в 6500 рублей.

Мама хочет это пальто. Я знаю ее и чувствую, когда она по-настоящему рада. Примерив пальто с лисицей на воротнике, она расцвела и даже как-то помолодела.

Но боже, где взять 2270 рублей? В копилке такие деньги есть, но они «продуктовые». Потратив их, покупать еду будет не на что. Это очень большие для нас деньги, поверьте. Я инвалид с детства, у меня больное сердце. Даже поход на рынок дается с трудом. Мой мотор к двадцати четырем годам износился так, как будто мне все шестьдесят! Кардиостимулятор не дает ему остановиться, но примерно раз в день я чувствую острое сопротивление электроники зову природы. С таким диагнозом ни о какой работе и речи быть не может. Утром, пока мама готовит завтрак, я беру деньги из банки, иду в магазин и возвращаюсь домой с пальто наперевес.

– Васенька, протри ботинки тряпочкой, не наследи. Вчера только пол вымыли, – слышу я мамин голос.

Я снимаю ботинки, бросаю их прямо у порога и влетаю счастливый в кухню.

– Посмотри, что я принес! – Улыбка не сходила с моего лица.

Мама помешивает манную кашу. Как всегда, в домашнем

костюме, поверх которого старенький, но идеально чистый передник. На ногах мягкие байковые тапочки с отворотом из цигейки.

– Что там, Васенька?

– Это пальто, мама! Пальто! Да положи ты ложку!

– Пальто?.. – удивленно переспросила мама.

– Да! – все с той же улыбкой ответил я.

Мама берет из моих рук пакет и извлекает из него пальто. Именно то, которое мерила вчера. Драповое пальто кирпичного цвета, с лисьим воротником и ажурной латунной застежкой на поясе. Застежка все еще помнит мороз и покрыта инеем.

– Вороти его, сегодня же. – Мама строго посмотрела на меня, нахмурив брови.

Я не верю своим ушам. Мама хочет вернуть пальто, о котором так давно мечтала? В чем дело? У меня уже есть план, как восполнить дефицит. И вот, нате вам!..

– Почему, мама? Оно тебе не нравится? – удивленно интересуюсь я.

– Нравится, даже очень, – смущенно отвечает мама.

– И?..

– Это дорого для нас, Васенька. Я слепая, но не настолько. В магазине это пальто висело в секции с ценником «от 8000 рублей».

– Мама! Не переживай ты из-за денег! Это не такая уж и проблема в наше время! Люди берут кредиты. И я возьму.

Мама с грустной улыбкой гладит мех на воротнике.

– Васенька, кредит – это хомут на наши шеи. Я не могу этого допустить. Даже три тысячи на полгода это по пятьсот рублей. Плюс проценты. Выйдет почти семьсот рублей в месяц. У нас нет такой возможности, сынок. Вороти его, пожалуйста, поскорее.

Я расстроенный ушел к себе в комнату вместе с пальто. Разложив его на кровати, долго гладил мягкий мех и плакал. Понимаю, мама права, и нам придется недоедать, чтобы рассчитаться за пальто. Но ведь она так ждала, так мечтала! Мама всю жизнь со мной. Отца же рядом никогда не было. Она воспитывала меня одна. С моего рождения мама изо дня в день во многом отказывала себе, чтобы я ни в чем не нуждался и был как все. Но мои сверстники выросли, возмужали и теперь зарабатывают деньги самостоятельно, помогают матерям и покупают им шубы. Я же не могу купить своей маме даже это чертово пальто! Я инвалид, у меня нет возможности заработать.

Черт! В конце концов, я мужчина. Нездоровый, но мужчина. У меня есть мать, пришло время позаботиться мне о ней. Не может же она тащить меня на своем горбу до самой смерти. У каждого проблемы, бывают ситуации и похуже, чем моя. Я обязан не просто купить это пальто маме, я обязан его ей подарить! Что в своей жизни я сделал, чтобы отблагодарить ее за любовь и заботу? Ничего. Я вышел в коридор, решительно открыл шкаф, взял незанятую вешалку и

натянул на него пальто.

– Вася, что ты делаешь? – с испуганными глазами спросила мама.

– Мы купили это пальто, и точка.

– Василий!

– Мама, этот вопрос закрыт!

* * *

Павлу Витальевичу я позвонил тем же утром.

– Соедините, пожалуйста, с Павлом Витальевичем, – попросил я администратора.

– Как вас представить? – поинтересовалась она.

– Василий Ковалев.

– Минуту, – сказала она, и в трубке заиграла мелодия.

– Я слушаю вас, – после минутной задержки ответили на том конце провода.

– Здравствуйте, Павел Витальевич! Это Василий Ковалев. Мы созванивались с вами несколько месяцев назад.

– Доброе утро, Василий. Я помню. Как ваше здоровье?

– Все хорошо, спасибо. Я звоню вам по делу. Ваше предложение о работе еще в силе?

– Да, конечно. Но, как я понимаю, противопоказания к работе у вас никуда не делись?

– Изменились обстоятельства, – ответил я, решив не вдаваться в подробности. – Я согласен. Готов приехать в офис

сегодня же, чтобы подписать все бумаги.

– Хорошо, мы будем вас ждать.

* * *

Что бы между нами ни происходило, мама всегда приходит мне на помощь. Даже сейчас, когда я, раздираемый чувством вины, собирался с силами, чтобы извиниться перед ней за свою неоправданную резкость, она пришла сама, тихо постучав в дверь.

– Входи, мама.

В комнату она вошла в пальто со слезами на глазах, но при этом гордая и абсолютно счастливая.

– Васенька, пойдем завтракать? – нежно улыбнулась она мне.

Я поцеловал маму и спросил:

– Мама, ты в пальто завтракать будешь?

Она на секунду задумалась, зарывшись в воротник лицом, после согласно кивнула.

* * *

Ровно в четыре часа я уже сидел в офисе, ожидая встречи с Павлом Витальевичем. В издательстве все ходили в дорогих костюмах и модных туфлях. Сидя на диванчике в при-

емной в своих старых ботинках, чуть белых от уличных реагентов, мокрых и далеко ушедших от моды, я чувствовал себя ущербным. Под курткой, выцветшей от времени, у меня был свитер – предел моей гордости. Я приобрел его на рождественской распродаже с огромной скидкой в одном из бутиков города, в который в обычное время я не рискнул бы зайти. Вышло рублей на семьсот дороже, чем на рынке. Но мы смогли себе его позволить.

– Василий Ковалев? – обратилась ко мне секретарь. Она сидела за большим столом, который был завален бумагами доверху. Даже компьютера из-за кип видно не было, лишь макушку ее головы.

– Да, это я, – тут же подскочив с дивана, подошел я к столу.

– Проходите, вас ждут, – мило улыбнулась мне девушка.

– Спасибо. – Улыбнуться в ответ вышло плохо, уж слишком я нервничал. А вся окружающая обстановка давила.

Павел Витальевич восседал на троне. Ей-богу, таких огромных кресел я не видел никогда. Темно-бордовое кожаное кресло, подкатанное к стеклянному столу на бронзовых ножках – очень экспрессивно. Никаких бумажных завалов – видимо, пройдя через секретаршу, они становятся лаконичными заметками в электронном виде.

Павел Витальевич вскочил с кресла, проводил меня до гостевого трона, малость меньше хозяйского кресла темно-зеленой расцветки, и усадил в него.

– Чай? Кофе?

– Если можно, чай. Черный и две ложки сахара.

– Сейчас исполним.

Он сделал через селектор заказ и спустя пару минут секретарь с непрошибаемой улыбкой внесла на подносе чашку чая и вазочку с конфетами.

– Я очень рад, Василий, что вы передумали, – сказал Павел Витальевич, когда секретарь удалилась. На столе перед ним лежало мое резюме. – Так, специального образования у вас нет, но переводите вы очень достойно. Кроме того, албанский язык – явление в России редкое, переводчиков сосчитать по пальцам. Мы платим пять тысяч за один авторский лист. Когда будете готовы к переводу, звоните нам, и мы тут же заказываем для вас текст, который необходимо перевести за сутки. Не более, в противном случае мы теряем свежесть идеи и содержания. Если вы согласны, то можете начать уже сегодня.

– Я согласен.

* * *

Текст, который мне необходимо было перевести, был ужасным. Абсолютно бездарный, наспех набросанный, поверхностный и глупый. После ночи мучений, сидя над документом, я уже отчаялся хоть как-то вникнуть в его суть. О каких-то заключенных, то ли узниках совести, то ли смертниках. Бред полнейший. Текст надо сделать душещипатель-

ным. Чтобы вызвать у читателей сострадание и буквально заставить их сделать взнос в рекламируемый журналом фонд помощи заключенным.

Мама, как и я, не спала всю ночь. Она тихо плакала у себя в комнате, чем безумно отвлекала. Да, мне нельзя не спать по ночам – мое сердце может остановиться. Отдых должен быть полноценным. В противном случае начинались тахикардия и сбой ритма. Кончиться такое может полной остановкой сердца. Но нам нужны деньги, и это мое решение. Не надо плакать, мама!

В десять часов утра текст был готов. Дышать было трудно. Словно вместо сердца в груди образовалась свалка чугуна. Но я продолжал работу. Вычищал текст, скруглял его и старался сделать конфеткой. В конце концов я перевернул последнюю страницу своего труда и невольно загордился работой – еще немного колдовской пыли, и текст станет очень даже хорошим!

Ровно в пять часов я был в офисе издательства. Сергей Андреевич, редактор, с серьезным видом вычитывал какой-то материал и не мог оторваться ни на минуту. Не поднимая головы от бумаги, он улыбнулся мне и жестом пригласил присесть. Я уселся, сжимая в руках рукопись в обычном пакете из супермаркета. Хотел же еще забежать в канцелярский магазин и купить файл, делов-то на рубль пятьдесят, но не вышло. Так торопился, что забыл. Да еще и сердце не давало покоя.

– Я закончил, – оповестил меня Сергей Андреевич.

Он собрал бумаги в кучу и сдвинул на край стола. Потом взглянул на меня и протянул руки, чтобы взять текст. Я вытащил из пакета исписанные черными чернилами серые листы и, придерживая подолы куртки, чтобы не снести ноутбук со стола, подал редактору рукопись. Читал он недолго, выборочно.

– Отлично, Василий. Текст принят. Новый возьмете?

* * *

Мама приготовила легкий ужин, и пока мы ели, она то и дело хваталась за стакан с водой и пододвигала мне. Я мужественно терпел недомогание и всячески демонстрировал, что чувствую себя лучше, чем на самом деле. Мама, естественно, не верила. После ужина я принял душ и лег в кровать.

Сердце покалывало и металось.

Проснулся я тревожный, глубокой ночью. Работа, ожидающая меня в портфеле, не давала покоя. Выпив на кухне стакан воды, я сел за свой письменный стол и достал из сумки новую статью. Она была намного меньше той, что я переводил всю прошлую ночь, и намного понятнее, отчего – проще. Приступлю сразу же после приема лекарств.

Я нагреб горсть таблеток из баночек, которые стояли на моей прикроватной тумбочке, и вернулся на кухню. Взял

таймер, подготовил жидкости для запивания – стакан теплой воды, стакан молока и стакан холодной воды – и принялся за дело. Сначала идут гипертонические таблетки, их следует запивать теплой водой. Я тщательно разжевал три таблетки и запил их. Потом прополоскал рот и съел булочку с молоком – сердечные таблетки на голодный желудок не принимаются. Запустив таймер, я выпил две капсулы, запил молоком, выждал ровно три минуты и выпил еще две, но уже запил остывшей водой. Спустя пять минут финишировал своим любимым глицином под язык. Когда сладкая и вязкая масса под языком рассосалась, принял витамины и запил их холодной водой. Все.

Я проверил сон мамы. Она мирно посапывала у себя в комнате. Я подоткнул одеяло у стынущих ног, поцеловал ее во вкусно пахнущую ночным кремом щечку и принялся за работу.

* * *

Следующий день я помню плохо, какими-то обрывками. Помню, что перевод второй статьи лежал в моем портфеле. Портфель – у меня на коленях. Сам же я сидел на скамье. Скамья – в вагоне метро. Вагон мчался по тоннелю. За окном со свистом проносились яркие лампы в темноте. И каждая уверенным кулаком била меня в глаз. Я чувствовал себя плохо. Мне было душно, по лицу стекал пот.

В голове рождались странные мысли. Помню, как думал о том, что будет, если поезд затормозит посреди тоннеля. Смогу ли я найти в стене дверь и выйти к эскалатору? Конечно же, смогу. Мало воздуха, мало…

Потом помню бригаду «Скорой помощи» на станции… Все почему-то кричат. Я слышу лишь обрывки фраз, плавающие в душном мареве: молодой совсем… ему воздух нужен!.. какое белое лицо… не нужно ему махать перед лицом, женщина… почему врачи тащат его наверх?..

И вдруг резко и отчетливо:

– Марина, адреналин, два кубика. Быстро. Сынок, ты только держись!

Ника

Каких сил мне стоит не разреветься! Но еще больших сил мне стоит не врезать по этой наглой старой морде. Свалить бы ее с ног и растоптать, прыгая всем свои центнером по мясистой морде. В голове вырисовываются детальные картинки расправы. Я этого невероятно хочу, и только Уголовный кодекс (дай бог здоровья его создателям) удерживает меня.

В реальности дела обстоят совсем иначе. Я самая настоящая сопля и размазня. Да и картинки эти воображаемые сворованы у какого-то писателя, то ли у Дина Кунца, то ли у Чака Паланика, то ли у самого Стивена Кинга. Что-то у них там такое было. Я не способна даже на кассиршу в магазине наорать, когда она под видом отсутствия мелочи не дает мне сдачу. То, что в голове моей пылает огонь расправы, совсем не означает, что в настоящей жизни я могу сконцентрировать свое необъятное тело на причинение страдания другому человеку. Нет, ну почему я такая слабохарактерная?

Начальница цеха, куда я только устроилась, плюет мне на фартук и в очередной раз восклицает:

– Приперлась, сука толстая, теперь обучай тебя!

– Но я впервые у станка, – возражаю я с дрожью в голосе, – я еще не знаю, как работать и что мне делать.

– Да мне насрать, жиробаска ты непутевая! – орет она, брызгая на меня слюной. Уж лучше бы она сразу плюнула. –

Вы, русские, москвички, хитро сделанные, на нас выживаете! А мы работать должны за пятерых, чтобы вы получали такую же зарплату, как и мы! Убила бы суку!

Такого я выдержать не в силах. На глазах наворачиваются слезы. Несправедливо! Ну почему же так? Почему она так говорит? Боже мой, да она меня старше в два раза, я не могу ей ответить тем же. Хотя кого я обманываю, даже если бы она была моей ровесницей, я бы все равно в ответ даже не тявкнула, потому что я чмыриха! Только и умею реветь.

За что она со мной так? Я всего два часа у станка и сделала всего одну ошибку, карой за которую мне стал ушат помоев и обильно смазанное слюной лицо. Эта смена и три последующие – стажировка на заводе, мне ее не оплатят, зато наверняка руководство выпишет этой хамке премию за стажировку нового сотрудника. Ну почему она считает, что я буду лениться и не работать, а все взвалю на ее плечи?

Мордовка, так ее называют за спиной другие сотрудники, развернулась и ушла, оставив меня одну. Я выхожу за ней следом в общую раздевалку из туалета. Женщины громко что-то обсуждают, сидя где попало – кто-то облокотился о стену, кто-то прямо на полу, а кому-то досталось место на колченогом табурете. Счастливицы. Чувствую, как свело спину, кажется, я не сяду, даже если сильно захочу. Я снимаю маску, наподобие медицинской, только сотканной из более плотного материала, стягиваю фартук и бросаю в утиль.

Есть не хочется, зато хочется курить. Я вынимаю свою

сумку из ячейки, которая не запирается, и в принципе любой может ее забрать или хорошенько в ней пошарить. Где чертова зажигалка? Ну всегда так – пачка толстых сигарет лежит на виду, а маленькая черненькая зажигалка непонятно где. Я усиленно потрошу сумку, а когда наконец нахожу потерю, над головой завыла сирена. Женщины бросают свои недоеденные бутерброды, закрывают пластиковые контейнеры с домашними салатами и отбивными, прячут все в сумки. У выхода уже собралась очередь за новыми халатами, слышен стрекот скотча, которым надлежит перетягивать заднюю часть перчаток, чтобы они не свалились во время работы.

– Толстуха, ты вообще первой должна быть у станка! – орет мордовка, завязывая фартук. Ее глаза смотрят злобно, без какой-либо человечности или сочувствия. Я прячу сигареты обратно в сумку и встаю в очередь.

Раздатчица швыряет мне в лицо фартук и пару перчаток. Я натягиваю все на себя.

– Что ты медленная такая! Толстуха! Быстрее давай! Работа не ждет!

Я замотала скотчем сначала одну, затем другую перчатку и покорно поплелась за мордовкой. Ее внушительных размеров ягодицы явно больше моих. Важно перекатываясь, как валуны в шторм, они сообщают всем, что эта мордовка – важная шишка в цеху мясного комбината. В цеху мордовки мы делаем очень важную и ответственную работу – пакуем сосиски в пачки по полкилограмма, ровно десять штук в

упаковку. А есть еще цеха, в которых пакуют по килограмму и по два в пачку. Там женщины убиваются за одну смену полностью, рыдают прямо в намордниках.

Сосиски вываливают на стол справа от меня, а по контейнеру передо мной едут упаковки, в которые мне нужно сначала собрать, а потом уложить десять сосисок. На то, чтобы укомплектовать одну упаковку сосисками, мне отведено не больше десяти секунд. Я не укладываюсь, и мои упаковки едут полупустые к мордовке, она доукомплектовывает их, сопровождая каждую пачку матом в мой адрес. Я пытаюсь ускориться, но все равно не выходит: хоть сосисок в пачку я успеваю всунуть ровно десять, но ссыпаны они у меня соломой, а нужно – аккуратным рядочком.

Мордовка вскоре не выдерживает и швыряет в меня упаковку с сосисками.

– Сука рукожопая! – орет она. – Сколько я могу за тобой все переделывать?

Сосиски прилетают мне в лицо, достаточно сильно, мокро и унизительно. Они распадаются, рассыпаются под ногами. Я пинаю их под конвейер, стараясь держать себя в руках. Женщина напротив меня делает вид, что ничего не происходит. Она уже разрезала сосиску на пять частей и теперь тихонько просовывает кусочки под намордник в рот. Не дай бог охрана увидит, за каждую сосиску вычтут семьсот рублей из зарплаты. А камеры установлены напротив каждой комплектовщицы.

Я беру себя в руки и снова приступаю к работе. Если я не буду совершать ошибок, то мордовка перестанет на меня кричать? Все, что было мне сейчас нужно, чтобы меня оставили в покое, дали сосредоточиться – и у меня все получится.

Ведь я не глупая дура, не безмозглая! Нет, я сноровистая, терпеливая, и руки у меня пришиты куда нужно. Просто сейчас нелегкий период в моей жизни, и это новая работа, новый опыт. Я никогда не работала руками, и этот навык мне нужно приобрести, чтобы я могла им пользоваться в рабочих целях. Ну почему не понятно, что человеку нужен опыт? Почему эта женщина на меня орет, кидается сосисками?

Чувствую, как к глазам снова подступают слезы. Ника, Ника! Видела бы тебя сейчас мама! Но ее тут нет, и я никогда не позволю себе рассказать ей о сегодняшнем дне и о последующих, если все так и будет продолжаться. Я не стану волновать маму ни за что на свете. Ничего исправить она не сможет, а переживать будет еще как! Нет, это исключено.

Но, боже мой, как хочется после смены поехать не домой, а к родителям, зарыться в теплое одеяло, чтобы мама легла рядом, гладила меня по голове, как в детстве, и тихонько напевала мою любимую колыбельную. Отец будет сидеть в своем кресле в очках с толстыми стеклами и читать газету с безразличным видом, а в душе рваться к нам в кровать. Но он же мужчина, кремень! Все эти нежности не для него!

Я смеюсь про себя. Папа всегда был мужественным и ред-

ко проявлял чувства, а когда все же снисходил, то предела этой нежности не было. Мы были счастливой семьей… Но время идет, мне уже двадцать шесть, пора становиться самостоятельной.

Из родительского дома я ушла в двадцать, когда училась на третьем курсе университета международных отношений. Родители жили далеко, в Котельниках, а бабушкина квартира, которая после ее смерти досталась мне, была в десяти минутах пешком от «Водного стадиона». И под предлогом более близкого расстояния к университету я перебралась в бабулину «однушку». Родителям, конечно же, пришлось разориться на ремонт. Квартира получилась уютной. Сразу видно, сделано с любовью.

Пожалуй, это все, что у меня есть. После окончания университета я поняла, какую глупость совершила. Работать по специальности мне противопоказано – с моей внешностью только ворон пугать. Я толстая, некрасивая, совершенно не женственна. Короче, в международных отношениях я никому оказалась не нужна. Пару лет я работала переводчиком газетных статей, а потом мне так это надоело, что я забросила работу, и вскоре меня уволили. Пару месяцев повалялась на диване, скатываясь в долги по кредитке. Вскоре пришлось приступить к поиску новой работы. Там, где работать я могла по специальности или хотя бы используя свой диплом, меня не брали. А брали меня только туда, где мой диплом был не нужен, как и голова. Бери больше – кидай дальше. Я посиде-

ла у эскалатора в метро, проспала час пик и была с позором уволена. Ой, вою было! На самом деле, функция человека у эскалатора очень важная: в час пик говорить: «Занимайте левую и правую сторону на подъем», в противном случае скапливается очередь. Сами люди не хотят конфликтовать с «бегунами» и встают только на правую сторону. Моя очередь скопилась настолько, что образовался затор, мешающий выходить людям из вагонов. Разбудил меня град, обрушившийся на мою будку – пассажиры возмущенно барабанили по стеклу с требованием сделать хоть что-нибудь. Нет, в тот период я еще не думала, что трудиться на любой работе нужно с максимальной долей ответственности, а не спустя рукава.

После метрополитена я устроилась продавцом в магазин одной крупной торговой сети. В первый же день я сделала недостачу в шесть тысяч рублей. Такого просто быть не могло! Я внимательно следила за кассой и деньгами, но каким-то непостижимым мне образом наколола себя на шесть тысяч! Я выплатила недостачу, и мне указали на дверь. После этого ко мне пришло осознание моей никчемности. Депрессия длилась недолго – что-то надо было жрать. Я порыдала пару дней, а потом в магазине отказала кредитка. Я исчерпала весь лимит! Шестьдесят пять тысяч! Мамочки!

Занимать у родителей не позволяла совесть. У мамы пенсия двадцать тысяч, у отца – восемнадцать. Почти половина уходит на лекарства отцу, остальное родители экономно расходуют на проживание. Так еще нужно учесть, что ком-

мунальные платежи за мою квартиру платят родители – три тысячи. Мама настояла, когда поняла, что с работой у меня туго. Так что родители сами на мели, хотя отдадут мне последнее. Но я твердо решила, что со своими проблемами справлюсь сама. И скрепя сердце заложила бабушкино кольцо в ломбард, оформила медицинскую книжку и подала документы на мясокомбинат. Вообще-то у меня была медицинская книжка, но в отделе кадров мне сказали, что чужие медкнижки не подходят, и я должна пройти их медкомиссию, заплатив три тысячи сразу или же их вычтут потом из зарплаты. Я решила не откладывать это на потом. Еще мне сказали, что каждая смена будет приносить мне две тысячи рублей, но первые четыре придется отработать бесплатно, в счет неоплачиваемой стажировки. Трудовой договор я подписала, но на руки его не выдали.

– Мы не выдаем на руки, – сказала кадровичка, – вы потеряете, потом мы виноваты. Когда вам будет нужно, можете ознакомиться с ним.

Я помню из курса правоведения, что трудовой договор – это именно договор, а не кабальный лист, и составляется в двух экземплярах по одному каждому. У работника должен оставаться документ с условиями работы, подписанный обеими сторонами, чтобы в случае чего он мог обратиться в суд и у него были доказательства, что он работает. Но спорить не стала: мне позарез нужна работа.

– Есть место в упаковочном цеху, – сочувственно посмот-

рела на меня кадровичка, – работа тяжелая, но оплачивается хорошо. Двенадцать часов на ногах, в морозилке, три перерыва по пятнадцать минут, с восьми утра до восьми вечера, два через два. Смена – две тысячи на руки.

– Согласна, – вздохнув, ответила я.

– Первые четыре смены бесплатные, – строго предупредила меня женщина.

Я хотела возразить, что бесплатного труда не бывает, но опять-таки не стала. Два через два – это пятнадцать смен, то есть тридцать тысяч на руки. Пусть в первый месяц я получу двадцать две тысячи, зато у меня будут деньги и работа. Что поделать, раз условия такие.

И вот я приперлась на работу. В хорошем настроении, надо заметить. И сразу попала в ад. Все началось с того, что встречающая меня на пропускном режиме женщина спросила:

– Новенькая? В какой цех выходите? – с улыбкой спросила меня она.

– В упаковочный.

– В полукилограммовый, поди? – уже менее радостно поинтересовалась женщина.

– Вроде да.

– Бедная. Ну ты крепись, – сочувственно сказала она мне, а потом шепотом добавила: – Там мордовка всем заправляет, мафию создала. У нее там ад кромешный, развела Саранск!

Я не поняла, при чем тут Саранск и жители Республики

Мордовия, поэтому молча прошла через турникет и направилась по указателям в сосисочный цех, где и должна была провести ближайшие двенадцать часов. В раздевалке я тут же словила свой первый плевок. В самом прямом смысле – необъятная бабища в цветастом платье, сгущающемся на пожухлой груди, смачно сплюнула на пол мне под ноги, не успела я войти.

– Приперлась-таки, сука, – сказала она.

– Что, простите? – переспросила я, подумав, что показалось.

Я правда думала, что ослышалась. Ну не может же женщина так знакомиться.

– Я тут главная, – сказала она, – и ты моя раба до конца смены. Снимай свои тряпки, быстро переодевайся в халат и тулуп и бегом к станку. Чтоб не халтурила мне! Работать вместо тебя никто не будет!

И удалилась с важным видом. В комнате было несколько женщин, но они все сделали вид, что ничего не происходит. Одна женщина азиатской внешности подошла ко мне и тихо сказала:

– Не обращай внимания на нее, она больная. Ты спокойно переодевайся, давай я тебе все покажу. Меня зовут Соэль.

– Ника, – представилась я, все еще оторопевшая.

Соэль показала мне шкафчик без дверец, куда следовало ставить обувь, а на нее – сумку. Где брать халаты и перчатки, как надевать ботинки на толстой резиновой подошве, чтобы

не мерзли ноги, как повязать фартук и натягивать перчатки. Когда раздался звонок, оповещающий о начале смены, я была укомплектована и чувствовала себя защищенной. Соэль стояла рядом, и мы намеревались всю смену работать вместе, спасая друг друга от мордовки по имени Людмила.

Но не тут-то было. В раздевалку зашла мордовка, так же упакованная. Выразительно прочистив горло, она сказала:

– Работаем так. Китаеза сегодня пашет в браке, а новенькая на упаковке. Остальные как обычно. Вперед, бабы, не простаиваем, сосиски уже несут!

Соэль помахала мне и побежала куда-то, а Людмила, сильно сжав мое запястье, потащила меня за собой к огромному подиуму, по которому толстым слоем ползла резина, а на ней целлофановые упаковки.

– Отпустите, мне больно, – попыталась возмутиться я.

– Заткнись. Тебе слова не давали.

С этими словами «мордовка Людмила» для меня стала просто «мордовкой». Она швырнула мою руку и указала на место у железного стола, абсолютно чистого.

– Сюда свалят сосиски, по контейнеру плывет упаковка. Все просто: бери десять сосисок и клади ровными рядами.

И ушла, встав через метров десять от меня.

– Где сосиски? – заорала она. – Где эти дармоеды ходят?

В помещении было прохладно, но не холодно. Напротив меня стояла женщина, смотрела на проплывающие мимо контейнеры, которые сваливались где-то далеко с тихим

стуком. Наверное, их потом соберут с пола и выкинут, ведь нельзя же взять пакет с пола и упаковать в него сосиски?

Оказалось, именно это и следует сделать! Когда конвейер остановился перед перерывом, мордовка расшвыряла нам пустые упаковки с пола и велела запаковать остатки сосисок в них.

Первый запуск я не успевала даже набрать сосиски и упаковывала каждый третий контейнер, за что мордовка покрывала меня дичайшим матом. Второй запуск я не успевала укладывать, а на третий у меня получилось набрать сосиски и даже запихнуть их в пакет, но не ровно, и мат с оскорблениями не прекратился.

В перерыве я еле добежала до туалета. Из-за того, что простояла в очереди целую вечность, не успела покурить. Пришлось отложить это до следующего перерыва. Но и в следующий перерыв удалось лишь сходить в туалет. Еле дождавшись третьего перерыва, я решила однозначно, что буду курить, тем более в туалет не хотелось. Захотелось, как только я встала к станку, но отойти было нельзя. Одно заикание об этом вызвало усмешку у женщины напротив и дикий ор мордовки.

– Ты что, дрянь московская, думаешь, мы тут за тебя работать будем? Не поссала – терпи до конца смены! И не смей нассать в штаны, мыть весь цех будешь!

Скажем, мыть весь цех куда проще, чем пописать в штаны, но говорить я ничего не стала. К концу смены у меня

буквально сочилось желание сесть и желательно на унитаз.

В раздевалке я с наслаждением села на пол и дала себе минутку отдохнуть, прежде чем начать собираться домой. Да, уработалась. Но ничего, привыкну.

– Девчонки, Соэль на «Скорой» увезли. Говорят, что у нее кровотечение открылось, надорвалась, – сказала одна из женщин.

Я напряглась. Действительно, Соэль в раздевалке не было.

– И правильно, я бы всех узкоглазых поубивала, – ответила мордовка и плюнула в сторону, – видеть их не могу. Что за нация? Убожества, а не люди! С этими словами она покинула раздевалку. За ней потянулись и остальные. Никто даже не вступился за Соэль.

Даже я.

Игорь

Россия, Иркутск

С фотографии на Игоря смотрел красивый молодой человек. Таких принято называть баловнями судьбы. Шикарные волнообразные волосы, пронзительные изумрудные глаза, немного нахальная улыбка. На фото, помимо жертвы, присутствовала еще девушка, которую парень обнимал свободно, без волнующего намерения прикоснуться к чему-то запретному. Фотография была сделана в одном из ночных клубов Иркутска, вокруг парочки в забавных позах замерли другие посетители заведения. Нарядные и изрядно выпившие, это можно было определить, даже особо не всматриваясь в их лица. Сам же Александр Лавров выглядел трезвым, как и его спутница.

– Саша не любил алкоголь, – рассказала Игорю Валентина Соколова, девушка с фото. – Он и мне не разрешал пить, хотя я считала, что вольна делать все, что угодно моей душе. Но Саше удалось меня переубедить, и я, так сказать, втянулась в трезвый образ жизни. Саша умел веселиться без допинга. Нам было хорошо вместе.

– Насколько мне известно, вы расстались? – спросил Игорь.

– Да, Саша предложил разойтись, я не стала возражать. Вернее, у нас не осталось другого выхода. К тому моменту

мы оба этого хотели, поэтому просто мирно друг друга отпустили. Никто ни на кого не в обиде.

Игорю стало очевидно, что девушка его обманывает. Ее мимика и жесты говорили об обратном, она до сих пор таит обиду. В глазах читался не столько страх за парня, сколько разочарование, что все надежды на возможное воссоединение рухнули.

Валентина попыталась задать вопросы, но Игорь отмахнулся от них, встал и вышел из кабинета следователя, оставив девушку в полном недоумении. Он сталкивался уже с подобными особами. Они считают, что если выложили следователю все, что знали, то он должен им рассказать что-то в ответ. Но они слишком самонадеянные, он ничего никому не должен, кроме этого парня, чье фото по-прежнему сжимает в руке.

Игорь должен найти его, спасти и задержать похитителей, чтобы они предстали перед судом и ответили за свои действия.

Игорь Романов вот уже без года двадцать лет занимается расследованием особо важных дел, он всю свою жизнь посвятил работе. Игорь не был женат, но у него была дочь – малышка Виктория, его любовь и отрада, единственная женщина на свете, которой разрешается вмешиваться в жизнь Игоря и дробить ее как пожелает. Дочка живет с мамой, которой так и не удалось стать единственной и неповторимой женщиной в судьбе Игоря. Они расстались тихо, без громких

скандалов и битья посуды. Катя просто собрала свои вещи и ушла от него. После него она так и не нашла себе никого. Они познакомились еще в университете, когда Игорь был на втором курсе и только-только стал влюбляться в юриспруденцию и следственную работу. Катя же училась там не по зову сердца, а по велению отца. Их роман продлился шесть лет, за которые Игорь успел защитить с отличием диплом, поступить на работу в прокуратуру и отработать там помощником следователя три года.

Первый раз Катя ушла от него еще будучи беременной. Вика родилась в июне 2000 года. Еще год с небольшим они жили в режиме «ухожу, но возвращаюсь», но когда дочери исполнилось два, в отношениях с Катей была поставлена точка.

– Ты невыносим, Игорь. Я люблю тебя так же сильно, как и ненавижу, – сказала она в тот вечер, собирая чемодан.

После нанесенной душевной раны Игорь еще больше ушел в работу, которая с удовольствием сжирала все его время, выплевывая его на поверхность только для того минимума, чтобы он мог удовлетворить свои биологические потребности, и засасывала обратно.

Постепенно из рядовых следователей Следственного комитета при прокуратуре России он вырос в следователя по особо важным делам. Стал заниматься особо тяжкими преступлениями, дежурил сутками, повышая свой рабочий день практически до восемнадцати часов.

Похищения были всегда его главным козырем. Он участвовал в спецоперациях, процент раскрытия дел, которыми он занимался, был очень высокий. Игорь старался быть лучшим в своей области. Постепенно из его работы стали уходить рутина, грабежи, разбои, простые убийства, – руководство не желало тратить время ценного сотрудника на дела, которыми могут заниматься молодые салаги.

В 2011 году следственный комитет вышел из-под управления прокуратуры, став самостоятельным органом, не относящимся к какой-либо ветви власти. Вместе с комитетом из прокуратуры ушел и Игорь.

Он получил предложение занять место следователя в следственном комитете и заниматься резонансными делами, львиную долю которых составляли похищения и заказные убийства.

В штате следственного комитета в том самом отделе, где работал Игорь, работало всего сто человек, восемьдесят из которых следователи. Несмотря на то что их отдел был внутри следственного комитета, у него было собственное неофициальное название – Федеральное судебное следствие (ФСС). ФСС работает на территории всей России, по закону каждый следственный орган и суд должны оказывать посильную помощь следователям ФСС, проводящим расследование.

Нельзя сказать, что все дела были одинаково сложными или идентичными. Абсолютно нет. Каждое похищение или

заказное убийство отличалось как по мотивам, так и по содержанию.

Последний раз с похищением Игорь работал месяц назад, и тогда дело было совсем легким: похитители требовали выкуп, обещая убить ребенка. Когда в дело вступил Игорь, переговорщики дошли до предъявления требований. Игорь, изучив все материалы дела, пришел к выводу, что, к сожалению, ребенок давно мертв. Он закрыл розыскное дело и возбудил уголовное, которое было передано в следственный комитет. Родители похищенного мальчика долго пытались убедить следователя в обратном, но Игорь был на сто процентов уверен, что ребенка невозможно спасти и теперь преступление необходимо квалифицировать как убийство, сопряженное с похищением человека с целью вымогательства средств. Родители бились в истерике, но сделать было уже ничего нельзя. Они решили проявить самостоятельность и отправились на встречу с похитителями. Деньги они поместили в черный мусорный мешок. Ровно три миллиона рублей. Им пришлось продать квартиру, чтобы собрать необходимую сумму. Как только родители ребенка появились на месте, их убили двумя точными выстрелами. Снайпер сработал чисто. К убитым тут же подбежали люди в масках, схватили мешок с деньгами и скрылись. Правоохранительным органам слишком поздно стало известно о том, что родители пошли на встречу с похитителями.

Наутро тело ребенка было выброшено в один из мусор-

ных баков. По заключению судебно-медицинской экспертизы, ребенок был мертв уже две недели, то есть его убили еще в день похищения.

Игорь еще несколько недель вспоминал это дело. Как раз тогда он проходил медицинское освидетельствование в связи с повышением звания, и на приеме у психолога выяснилось, что Игорь частично винит себя в смерти семьи.

– Что заставляет вас ощущать свою вину? – поинтересовался психолог.

Игорь и сам бы очень хотел знать ответ. Он никак не мог разобраться в своих чувствах, и такое с ним было впервые. Ведь он мог постараться убедить родителей ребенка в том, что уже нельзя ничего исправить и их дитя невозможно спасти, что стоит смириться с потерей и дать следователям сделать свою работу. Обычно ему было плевать на чувства людей, и он не утруждал себя работой, не связанной с расследованием. Из-за этого его считали заносчивым, жестким и даже бездушным. В свой адрес Игорь неоднократно слышал оскорбления и угрозы, но продолжал поступать так, как считал нужным. Он не думал о людях, которые приходились жертвам преступлений близкими. Они ему были безразличны, как и то, что они чувствуют и думают.

– Я не знаю причин, которые заставляют меня ощущать вину. Обычно меня не заботит кроме дела ничего. Но, наверное, в этот раз я облажался и тут. Дело развалилось благодаря самодеятельности родителей ребенка. Ведь я мог убе-

дить их не идти на поводу у вымогателей. Тогда бы все было как надо.

– Игорь Сергеевич, мне кажется, что вы сейчас нечестны даже с самим собой. Только ли по этой причине, что дело вышло из-под контроля, вы осуждаете себя?

– Вы ошибаетесь. Я говорю как есть.

– То есть вы хотите сказать, что вам абсолютно безразличны судьбы людей, которые зависят от вас?

– От меня никто не зависит. Но от моей работы зависят жизни жертв. Все остальные сами по себе.

– Возможно, вы правы. Вы испытываете ненависть к людям?

– Нет, но и любить их не за что, – резко ответил Игорь. – Люди убивают друг друга, похищают, грабят, насилуют. При этом, как правило, этими убийцами, мошенниками и насильниками являются самые близкие люди. Преступники – самые добрые и порядочные люди, по утверждению самих жертв! Мне мерзко от понимания этой истины. Именно за это я и не люблю людей.

– В ваших словах есть логика. Но все же, может быть, вы дадите шанс людям доказать вам обратное? Не все видят единственный способ справиться с проблемой совершить преступление? И такие люди достойны того, чтобы проявить заботу об их чувствах. Вы можете со мной не согласиться, но подумайте хотя бы над моими словами. После похода к психологу в душе Игоря появилось некоторое смятение. Он

искренне не понимал, почему его жизненная позиция стала вдруг так неприятна психологу? Из-за того, что он сказал правду? Все люди друг друга ненавидят, это факт. Они делают вид, что любят, испытывают симпатию, но в реальности это не так.

Люди так и говорят чаще всего: «Я думаю, что люблю».

Когда Игорь впервые увидел фото Саши Лаврова со своей девушкой, то сразу понял несколько вещей. Во-первых, они расстались вскоре после того, как был сделан снимок. По запечатлённому на фото положению руки на плечах девушки Игорь сделал вывод, что у парня отпала необходимость скрывать свое безразличие, а значит, он намерен с ней расстаться. А во-вторых, девушка без ума от фотографа. Ведь она знала, что это фото увидит ее парень, но тем не менее не смогла сдержать лукавого взгляда на человека, который и сделал этот снимок. Хотя, что в голове у девушек, понять сложно даже тогда, когда все очевидно. Ведь вполне вероятно, что этот лукавый взгляд должен был пробудить в Саше ревность.

Следователь, который возбудил дело по факту похищения Александра Дмитриевича Лаврова, выдвигал одну-единственную версию и обсуждать какие-либо иные даже не собирался. Игорю было плевать на мнение следователя, он знал, как нужно делать свою работу.

Игорь запросил у следователя план, изучил его и внес несколько корректировок. С этим планом они отлично до-

живут до завтрашнего утра. А тем временем ему предстоит отбросить другие версии.

Первая была связана с похищением парня из личных мотивов. Судя по собранной информации, жизнь у Александра била ключом: он занимался спортом, заканчивал обучение в университете по специальности «юриспруденция» и встречался с Валентиной до недавнего времени. В день похищения Саша был свободен от отношений, в ссорах ни с кем не состоял, заклятых врагов не имел. И вообще был душкой и рубахой-парнем.

Игорь сильно сомневался, что этот парень мог быть «рубахой», ибо с такой внешностью и такими возможностями мало кто остается адекватным человеком без короны на голове. Да и к тому же, если ни мать, ни сестра, ни девушка не знали о возможных проблемах и недоброжелателях парня, это вовсе не значит, что у него их не было. Как правило, родственники большинства убийц никогда даже не могли подумать, что их «хороший парень» может быть душегубом.

Он еще раз вгляделся в фотографию. На заднем плане в экстазе замерли два молодых человека, по их выражению лица было понятно, что они кайфуют. А вот девушка, стоящая прямо за Валентиной, танцевала, не сводя глаз с камеры. И тут два варианта: либо она хотела просто попасть в кадр, либо у нее была конкретная цель.

Игорь вернулся в комнату, в которой допрашивал Валентину. Она все еще находилась там, заполняла какие-то бума-

ги. Он сел напротив и указал на фото:

– Вы знаете эту девушку?

– Знаю, ее зовут Алина. А что? – недоумевая, какое это отношение имеет к делу, спросила девушка.

– Саша ее знал? – проигнорировав вопрос Валентины, продолжил Игорь.

– Да, она с нами учится. С соседнего курса, финансист.

– Хорошо. Вы сейчас встречаетесь с кем-нибудь? – Его вопрос явно заставил Валентину занервничать.

– Нет.

– Хорошо. Вы будете не против, если мы вызовем для допроса человека, который сделал этот снимок? – Игорь внимательно наблюдал за реакцией девушки.

– Мишу? Зачем? – уже не скрывая волнения, спросила Валентина.

– Потому что вы мне лжете, – сказал Игорь.

– Я не лгу, неправда! Я просто еще ни в чем не уверена! – тут же попыталась оправдаться девушка.

– Оставьте следователю все известные вам контакты этой девушки Алины и Михаила. Василий Александрович, доставьте их для допроса как можно скорее.

– Но уже восьмой час вечера! – Следователь был явно недоволен, что ему придется задержаться на работе.

– Я знаю, – сказал Игорь и вышел из комнаты.

Ему выделили небольшой кабинет, поставили стол и разрешили в помещении курить, хотя Игорь не курил. Он вы-

глянул в окно. В январе в Иркутске холоднее, чем в Москве, но днем так же солнечно. Осматривая место преступления, Игорю даже пришлось надеть солнцезащитные очки. Отражающийся от белоснежного снега солнечный свет слепил глаза. По утверждению матери, Александра забрали прямо возле его машины, на которой он собирался поехать в университет.

По словам коллег Игоря, сестра Саши – Лиза Лаврова – бьется в истерике, обвиняет во всем отца, уже не раз пыталась свести счеты с жизнью. Игорю хотелось поговорить с ней, но делать этого было нельзя до тех пор, пока в его руках не окажется очевидная версия произошедшего. У Игоря на руках была копия бумаг с допроса Лизы, но у него имелся еще ряд вопросов к ней.

Игорь был уверен, что парень жив. Он чувствовал, любовные дрязги здесь ни при чем. Все гораздо сложнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Саша

Приближается время кормления. Бесстыжая луна шарит по каменному полу в камере, заливая своим светом засохшие пятна крови и вчерашнего супа.

Я не свожу взгляда с входной двери. До моей камеры долетают отголоски громких мужских голосов, смеха и пения, несколько раз я слышу свое имя. Болит голова, я измучен бессонницей. Тело дрожит. В легких надрывно и болезненно гуляет воздух, вдыхаемый неразборчиво, вне такта.

Я сижу, обхватив колени, и пытаюсь согреться. Раны на теле покрыты корками, болезненными, грязными, они постоянно чешутся. Я стараюсь сконцентрировать все внимание на двери, но боль не дает мне ни малейшего шанса.

Это третий восход луны, который я вижу сквозь маленькое окошко. Значит, я здесь уже трое суток. И до сих пор жив. Я слаб, избит, голоден, болен, но жив.

Глазами больно шевелить, словно у меня высокая температура. Ноги, обутые в кроссовки, прилипли к полу, но мне не хватает сил их переставить. Затекшая спина требует разогнуться. Но я не шевелюсь, экономлю силы. Я слышу шаги в коридоре, сердце начинает биться чаще, трепещет как мотылек у светильника. Внутри разливается горячая кровь, словно кто-то открыл кран, и она бурлящим потоком бередит меня, заставляет подняться на ноги, занять уверенную

позицию. Мне страшно. Я голоден, но каждый раз не могу заставить себя съесть хоть что-то из рук этого извращенца, который навещает меня в камере.

В комнату входит человек в тяжелых берцах и камуфляже. В руках у него поднос с тарелкой, на которой что-то навалено горой.

– Еда, – говорит мужчина. У него дикий акцент, и получается что-то вроде «ита». Этот голос мне не знаком, значит, это не тот человек, что приходил ко мне предыдущие дни. Совершенно новая личность в моей погребной яме.

Я чувствую запах жареной курицы. Желудок тут же сводит, в глазах мутнеет. Боже, как же я голоден. Рот наполняется слюной.

Мужчина делает несколько шагов ко мне навстречу, куски жареной курицы подрагивают в лунном свете, над ними поднимается ароматный пар. Я осторожно делаю несколько маленьких шагов. Приблизившись к человеку, я протягиваю руку к еде. Ничего не происходит, он не пытается ударить меня или отнять еду. Я нетерпеливо хватаю горячий кусок мяса и сую в рот. Божественно вкусно. Курица приготовлена отлично, сочная, немного смочена лимоном, идеально посоленная. Хотя сейчас мне не до гастрономических изысков, едва ли я отличу вкусного цыпленка от непроваренного супового. Жадно проглотив кусок, я протягиваю руку за следующим, но брать не осмеливаюсь.

– Еда, есть, не бойся, – миролюбиво говорит человек.

В отличие от предыдущего надсмотрщика, этот без маски. Не переставая есть, я поднимаю на него глаза, чтобы внимательно рассмотреть. Пытаюсь поглубже впечатать снимок его лица в память. Когда освобожусь, я буду должен максимально точно описать его. Хотя уже сейчас мне кажется, что я опознаю его из миллиона таких же, как и он.

Я плохо разбираюсь в национальностях и не могу точно определить, к какой относится этот охранник. Он смугловат, с большими темными глазами, острым носом и толстыми губами. Зачесанные назад волосы напоминают вареную китайскую лапшу.

Вожу носом, пытаясь учуять запах чего-либо, кроме курицы, но не могу.

Доедая второй кусок курицы, я понимаю, что сыт.

– Пить… Я хочу пить, – говорю я.

– Пять минут идти в душ, – отвечает человек. – Еда все?

Я киваю. Человек разворачивается и уходит.

– Спасибо, – говорю ему вслед.

Мужчина молча запирает за собой дверь. Я облизываю остатки жира с губ. Меня клонит в сон, но нужно сделать над собой усилие, потому что охранник сейчас вернется, чтобы сопроводить меня в душ.

Через пару минут, за которые я несколько раз чуть не рухнул на пол, не в силах побороть сонливость, он вернулся. Еда умиротворяла, и теперь мне хотелось одного – лечь на каменный пол и заснуть.

Но в душ хотелось сильнее.

Дверь открывается с громким лязгом.

– Выходить, – сказал охранник.

На ватных ногах я плетусь к двери, осторожно выхожу за порог камеры и замираю возле охранника. Наверное, он наденет на меня наручники, но ничего подобного предложено не было. По темному коридору, подталкиваемый в спину, я, спотыкаясь, бреду до комнаты, откуда несет канализацией. Света в ней нет.

Душевая комната похожа на мою камеру, с тем исключением, что в одном углу унитаз, а в другом – неуклюже торчащая палка с лейкой на конце, табурет у входной двери.

– Полчаса, – говорит охранник и запирает дверь снаружи.

* * *

Горячая вода льется тонкими струйками, стекая по дрожащему телу. Я не нахожу мыла и мочалки, поэтому просто стою под водой и наслаждаюсь каждой отведенной минутой. Я обтираюсь своим свитером, так как полотенца тоже не нахожу. Когда дверь в комнату открывается, я уже полностью одет, в руках мокрый свитер. Мне намного лучше. Чистое тело, горячая вода и еда вернули меня к жизни.

Когда мужчина выводит меня в коридор, я поворачиваюсь по направлению к камере, но охранник, неожиданным мягким прикосновением, поворачивает меня в другую сторону,

туда, где вдалеке горит свет, пахнет вкусной едой, слышатся голоса и смех людей.

– Другая камера, – говорит он.

Мне тут же становится не по себе. Я помню, как отец рассказывал о смертной казни в СССР. Дату казни заранее никто не знает: ни родственники, ни сам заключенный. В день, когда все должно произойти, заключенного кормят, выводят в душ, после чего сообщают, что его переводят в другую тюрьму, и во время конвоирования казнят, пуская пулю в затылок. Ничего не подозревающий заключенный засыпает мирным сном со свинцом в мозгах.

Дрожащими ногами измеряя каждый метр длинного коридора, приближаясь к свету и голосам, я думаю, дойду ли я до вон той трещины в каменном полу или упаду на нее лицом, получив пулю в затылок? Будет ли больно? Услышу ли я звук выстрела? Почувствую ли, как горячий свинец дробит затылочную кость и впивается в мягкую ткань мозга? Увижу ли, как стремительно приближается каменный пол? Или все закончится в один миг? Отец рассказывал, как расстрельная команда извращалась над приговоренными к казни, специально выстраивая траекторию выстрела таким образом, чтобы пуля прошла по касательной, раздробила часть черепа, но оставила человека в живых мучиться до тех пор, пока он не истечет кровью.

Я напуган настолько, что хочется просто упасть замертво и все это прекратить. Чувствую, как желудок сжимается, в

глазах мутнеет.

Темнота.

Глава 2

Вася

Россия, Москва

«*Парализация нижних конечностей на фоне инфаркта миокарда и тяжелого течения сопутствующих заболеваний*». Такой диагноз мне написали в эпикризе. Федор Петрович вручил листок с синей печатью, его закорючкой внизу и потрепал меня сочувственно по плечу.

Восемь лет Федор Петрович Михайлов является моим лечащим врачом. Никогда в жизни я не позволял себе усомниться в его профессионализме. Я чрезмерно благодарен Федору Петровичу за его работу. Как и всем врачам, во всех больницах, во всем мире. Но сегодня мне было тяжело даже смотреть на него. И дело не в моей болезни и даже не в том, что теперь я прикован к инвалидному креслу.

Мое сердце разорвала совсем другая боль. Нет, не от перенесенного сердечного приступа, не от осознания необратимой парализации ног. Я больше не чувствовал себя целым, потому что мир, где есть мама и я, перестал существовать. Я аккуратно сложил заключение врача в папку с остальными медицинскими документами и уже собирался разворачивать свои новые ноги-колеса в сторону двери, но вдруг Фе-

дор Петрович меня остановил:

– Вася, подожди.

Он обогнул мое кресло и запер дверь. Подошел ко мне и положил руку на плечо.

– Я сожалею о твоей маме, сынок, – сочувственно произнес он.

– Спасибо, Федор Петрович. – На глазах наворачивались слезы, но я сдерживал их.

– Послушай меня, сынок. Ты доверяешь мне свою жизнь вот уже восемь лет, запомни то, что я сейчас скажу. Ты не виноват в смерти мамы. Когда приехала бригада «Скорой помощи», она еще была в сознании. Ее схватил приступ прямо на остановке, возле метро. Она везла тебе яблоки и теплые носки. Помнишь, я передал их тебе? Твоя мама ехала к тебе не для того, чтобы обвинить тебя в безответственности, а чтобы заглянуть в твои глаза и сказать, что любит. Гордится твоей силой воли. Она просила непременно передать тебе ее слова.

В его речи я как будто слышал мамин голос. Я до сих пор не могу прийти в себя после ее ухода. В день смерти мамы мне приснился странный сон. Будто она умерла ровно так, как я себе это представлял. В своей постели, скушав очищенное яблоко на ночь. Мирно и безболезненно. А не на улице, брошенная и никому не нужная.

– И вот еще что, – сказал Федор Петрович, – я принес тебе его. Пальто, в котором твоя мама… оно у меня… здесь.

Доктор открыл шкаф и достал пакет, а из него извлек и положил мне на колени пальто. Оно было чистым. Я понюхал лисий воротник. Мамой пахнет. Моей мамой.

– Разве это случилось не на улице? – переспросил я, заметив, что пальто абсолютно не испачкано.

– Лариса почистила его, – сказал Федор Петрович.

Лариса – это жена Федора Петровича, добрая женщина, страдающая астмой.

– Спасибо, – сказал с благодарностью я.

– Досталось тебе, сынок. Твой инфаркт, ноги, еще и мама. Это самое малое, что мы можем для тебя сделать.

* * *

Когда я вернулся домой, мне предстояло сделать много дел. Самое главное – похоронить маму. А все, что у меня есть – это семнадцать тысяч рублей. Остатки от нашей последней пенсии плюс гонорар за вторую статью. Мама успела отвезти материал в редакцию вместо меня, предупредив Павла Витальевича, что я заболел.

Чтобы не дать себе умереть от тоски и страха, я запретил себе плакать. Сердце щемило постоянно, но так теперь будет всегда – единственная, кто могла его успокоить, ушла навсегда. Я обзвонил несколько похоронных агентств. Никогда не думал, что для того, чтобы достойно проводить человека в последний путь, необходимо так много денег. Недолго думая

я решил взять кредит. Агент должен был приехать в шесть вечера. А до этого времени у меня есть два часа, чтоб обзвонить всех маминых подруг и знакомых. Дядя Яков, хоть и неформальный родственник, придет к семи, чтобы помочь всем, чем сможет.

Без пятнадцати шесть в дверь позвонили. Открывал я долго. Пока докатился до двери, пока примостился, чтобы открыть замок, пока отъехал, да пока палкой зацепился за ручку, чтобы потянуть на себя… Целая вечность.

На пороге стоял Павел Витальевич.

– Здравствуйте, Василий, – удивленно посмотрел он на меня.

– Здравствуйте, Павел Витальевич. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо.

Павел Витальевич разулся и прошел на кухню. Я предложил чаю, но он отказался и сразу перешел к делу.

– Прошу прощения за вторжение, Василий, но обстоятельства выше нас и наших манер. Я пришел, чтобы сообщить вам неприятную новость. Вы неверно перевели статью. Дело не в тонких мелочах, а в принципиальных различиях – вы не смогли достоверно донести мысли. В то время как в оригинале статьи указано, что заключенные все еще содержатся под стражей в колонии, вы пишете, что смертные приговоры приведены в исполнение и деньги нужны для организации похорон. Разумеется, наши спонсоры жертвовали

деньги людям живым, а не мертвым.

– Простите, Павел Витальевич, но я не понимаю. Это невозможно.

Сказать, что я расстроился, услышав это, не сказать ничего. Меня затошнило от накатившей головной боли. Стальной горячий обруч стянул голову, казалось, из ушей сейчас польются мозги.

– Тем не менее это так. Все переводы подписаны вами. Мы сравнили, что напечатано в журнале и что приносили вы.

– Павел Витальевич, не могли бы вы принести мне папку на моем столе в комнате? Она там одна, вы не перепутаете. Я буду делать это очень долго и задержу вас.

– Конечно. Я еще хочу сказать кое-что. Мой визит – это не стремление вас унизить или оскорбить. Единственная цель – разобраться в ситуации.

Пока Павел Витальевич отсутствовал, я вспоминал свой перевод. Я не мог перепутать время и додумать то, чего в материале не было! Больше того, я отчетливо помню тот текст. Однозначно, речь в нем шла не о похоронах!

Когда редактор вернулся и вручил мне папку, зазвонил телефон в кармашке моей коляски, которую мне выделило государство бесплатно. Громоздкий, неповоротливый сундук на колесах. Но спасибо и за это, ведь без него я бы не смог передвигаться вообще.

Звонила подруга мамы, которая получила сообщение на автоответчик.

– Клавдия Степановна, это правда. Я не стал бы вас разыгрывать, поверьте мне. Похороны мамы послезавтра, в час дня. В похоронном зале около кладбища. Да, в котором мы прощались с вашим мужем. Спасибо, мне тоже очень жаль.

Я повесил трубку и положил ее под плед, на колени. Звонков еще будет много, а тянуться несподручно.

– Василий, у вас умерла мама? – недоумевая, спросил Павел Витальевич.

– Да, вчера.

– Мои соболезнования, Василий, самые искренние!

Я поднял глаза, чтобы увидеть его реакцию. Он ведь пришел разобраться в серьезной ошибке переводчика, которому доверился из жалости, и вовсе такого не ожидал. Мне стало интересно, искренне ли он мне сочувствует или это просто из вежливости? По лицу Павла Витальивеча читалось, что он шокирован.

– Спасибо.

Он залез в карман пиджака и достал бумажник.

– Пожалуйста, не сочтите за грубость, но мне не нужны ваши деньги, – сказал я. – Более того, если вы правы и в моем переводе такая грубая ошибка, я верну вам гонорар.

– Нет, я пришел не за тем, чтобы потребовать с вас деньги.

– Тут не о чем дискутировать. Вы не против, я проверю?

– Конечно.

Я раскрыл папку и достал черновики статьи и распечатку текста, который напечатан в журнале. Нашел то место, о ко-

тором говорил редактор и прочитал.

Рукопись:

Фонд помощи призывает всех неравнодушных ознакомиться с подробным отчетом на сайте фонда о делах Г. и П. и попытаться помочь им, внеся небольшое пожертвование, которое пойдет на открытие судебного процесса по проверке приговоров в Европейском суде по правам человека.

Журнал:

Фонд помощи призывает всех неравнодушных ознакомиться с подробным отчетом на сайте фонда о делах Г. и П. и попытаться помочь им, внеся небольшое пожертвование, которое пойдет на похороны казненных и открытие судебного процесса по проверке приговоров в Европейском суде по правам человека.

– Это не мой перевод, Павел Витальевич, – сказал я.

– Как не ваш? – Он явно был удивлен таким заявление.

– Вот так, не мой.

– Но в журнале точная копия вашего перевода. Смотрите, он у меня с собой, здесь даже есть ваша подпись.

Павел Витальевич указал на правый нижний угол страницы. Там действительно стояла моя подпись. И тут я вспомнил тот день, когда оказался в больнице. Мама тогда вместо меня отвезла рукопись в редакцию, а потом заехала ко мне и сказала, что Сергей Андреевич, редактор, просит подписать

чистые листы, на которых будет набран текст, потому что я пишу от руки.

– Почему у вас рукописный текст? Вы сначала переводите на бумаге, а потом перепечатываете? – прервал мои воспоминания Павел Витальевич.

– Нет, я сдаю перевод в рукописном варианте. У меня, к сожалению, нет компьютера.

– Но Сергей Андреевич сказал, что эта рукопись-оригинал, – настаивал Павел Витальевич.

– Нет, это перепечатка с оригинала. Мой текст был написан моей рукой на серых листах. Черными чернилами. Пара клякс, простите за них.

Редактор читал текст черновика и сравнивал с «оригиналом». Когда он закончил, то сказал:

– Я разберусь в этом. Очень сожалею о вашей потере и еще раз предлагаю свою искреннюю помощь.

– Спасибо, я справлюсь. Если вам не сложно, сообщите мне, когда все станет известно. Можно просто позвонить, не обязательно тратить время на визит.

* * *

Похороны прошли тихо. Было много приятных слов, греющих душу. Я в последний раз посмотрел на маму и поцеловал ее в щечку. Она выглядела умиротворенной. Я знал, что скоро мы с ней увидимся – она обязательно навестит меня

в моих снах. Надеюсь, она поймет меня, и мне не придется объяснять ей свой следующий поступок.

* * *

Дядя Яков ездит чрезвычайно неаккуратно. Может быть, от того, что он слеп, как курица ночью, или от того, что страдает от расстройства желудка, из-за которого теряется пространственная ориентация, или еще черт знает от чего, но когда его старенький фургон подъехал к магазину, где я купил маме пальто, я готов был выбежать сам, без коляски.

Он помог мне выбраться из машины и вкатил в магазин. Мы подъехали к прилавку, и я сказал:

– Три недели назад я покупал у вас пальто для своей мамы. Я бы хотел его вернуть.

– Почему? Оно пришло в негодность? – поинтересовалась продавец.

– Нет, с пальто все в порядке. Но я хочу его вернуть. – Мне не хотелось объяснять истинную причину своего поступка.

Продавец сдула темный локон со смуглой щеки и посмотрела на меня со смесью раздражения и жалости. Мне надо привыкать к этому взгляду – другого уже не будет никогда.

– То есть изделие качественное? – возмущенно спросила она.

– Верно.

– Почему же вы хотите вернуть его? – непонимающе по-

смотрела на меня девушка.

Потому что мне нужны деньги. У меня их нет даже на хлеб. Решение вернуть мамино пальто далось мне тяжело. До пенсии ждать еще полмесяца, а, из нее еще половину выдернет похоронное агентство. А маме это пальто уже никогда не пригодится. Но я не мог сказать об этом продавцу. Поэтому молчал.

– Так нельзя, мы не можем принять пальто. Вы могли вернуть его только в течение двух недель с момента продажи. Но прошло больше. Извините.

– Правда? – Я вдруг растерялся.

– Да.

– Ну что же, простите за беспокойство. Дядя Яков, мы можем уезжать.

Дядя Яков мужчина крупных размеров. Проблемы с сердцем заставили его тело стать больше, хотя и природой ему дарован рост под метр девяносто. Весит он более ста килограммов. Лицо всегда красное, как будто бы в нем постоянно закипает ярость. Откатив меня подальше от кассы и поставив мою телегу на «тормоз», он подошел в упор к продавщице, отчего та прогнулась в страхе, и гневно зашептал ей в лицо, но я все равно все услышал:

– Послушайте, леди, у этого парня две недели назад случился инфаркт. У него отнялись ноги – и это навсегда. А неделю назад его мать умерла, когда ехала к нему в больницу с теплыми носками. Позавчера он ее похоронил, влез в кре-

дит. Знаете, сколько стоит сейчас упокоить человека? Я скажу вам – самая скромная церемония обойдется в пятьдесят тысяч. Работать он не может, у него небольшая пенсия. Деньги за пальто ему жизненно необходимы. Попробуйте что-нибудь решить, я оставлю номер его телефона. Вы еще слишком молоды, чтобы понять это, но вы дочь. У вас есть мама. От нас двоих – здоровья ей и вам благополучия, чтобы вы не оказались в его положении. До свидания!

* * *

Я махал всеми подвижными частями своего тела, когда дядя Яков привез мне продукты. Я возражал, говорил, что не собираюсь быть нахлебником, что придумаю что-нибудь. В конце концов сяду на диету до пенсии. Но он просто разгрузил продукты в холодильник и, собираясь уходить, потрепал меня по голове. Я подъехал к холодильнику, открыл его и стал швырять в дядю яблоками, требуя, чтобы он все немедленно забрал. Дядя Яков велел мне съесть все, потому что послезавтра привезет еще. После этого он захлопнул за собой входную дверь, и я остался один на один с полным холодильником еды.

Я кинул последнее яблоко. Оно попало в дверь, после чего вернулось мне в лицо. Наверное, будет шишка. Я схватил яблоко и разгрыз его прямо в прихожей.

Неожиданно в квартире раздался телефонный звонок, вы-

дернув меня из раздумий о том, что же мне теперь делать.

– Алло!

– Василий? Это Павел Витальевич. Я не вовремя? – поинтересовался он.

– Здравствуйте. Я слушаю вас.

– Мы выяснили, что случилось с вашим переводом.

– Расскажите скорее, – попросил я Павла Витальевича.

– Открывайте.

В этот момент раздался звонок в дверь. Я повесил трубку и подъехал к двери. Проделал все манипуляции, расчистил дорогу от яблок и потянул тростью дверь на себя.

– Вы просили позвонить, – улыбнулся Павел Витальевич, – вот я и позвонил. Но все же заехал, если вы не против.

– Проходите, – улыбнулся я в ответ. – Извините за яблоки.

– Варенье варили? – поинтересовался он.

– Нет, прогонял кое-кого. Угощайтесь, если не брезгуете. Пол чистый.

– С удовольствием.

Павел Витальевич нагнулся, выбрал самое вкусное, по его мнению, яблоко, собрал и положил на тумбочку другие. Выбранное яблоко он все же потер о джинсы, отполировал лацканом пиджака и с хрустом откусил.

– Вкусно! Чаю не предлагаете? – спросил Павел Витальевич.

– Отчего же, проходите, я сейчас.

Редактор разделся и прошел на кухню. Я залез в холо-

дильник. Достал конфеты, которые купил дядя Яков, цикорий вместо кофе и молоко. Когда приехал в кухню, чайник уже вскипел, а редактор доедал яблоко. На столе лежали три больших конверта формата А4.

– У меня только цикорий. – Мне было неловко, но выбора не было.

– Устроит.

Павел Витальевич залез в портфель и достал бутылку коньяка.

– Мне нельзя…

Редактор выбросил огрызок в мусорное ведро под раковиной, достал кофейные чашки и за процессом разведения цикория, игнорируя мои попытки стать гостеприимным хозяином, начал рассказывать:

– Знаете, Василий, жизнь действительно полосатая. Кажется, что полоса темного цвета длится вечность, а светлая пролетает вмиг. Все хорошее мимолетно. Но если бы не было темного, как бы мы узнали, что существует белое? Банально вышло, не так это у меня в голове звучало. Мы каждый день видим смерть и стараемся сократить эти зрелища. – Тут он резко перевел тему разговора. – Василий, ваш текст перепечатывала девушка, имеющая диплом престижного лингвистического вуза, но я не взял ее на работу, потому что у нее был только диплом. Знаний не было. С вами все наоборот. Она даже не удосужилась прочитать ваш перевод до конца. Сергей Андреевич поручил ей тоже переводить текст, пото-

му что не был уверен, что вы уложитесь в сроки. Когда вы сдали перевод, она заменила его на свой и выдала за ваш. После того как вышел номер, она пришла ко мне и показала результат в журнале, надеясь, что я вышвырну вас и повышу ее в должности. Выяснил все Сергей Андреевич. Он очень извиняется перед вами за произошедшее. Пейте цикорий, конфеты очень вкусные.

Павел Витальевич капнул в свою чашку коньяку, и уже было собирался продолжить разговор, как телефон зазвонил вновь. Я извинился и ответил:

– Алло.

– Добрый день, моя фамилия Шемантье. Я бы хотела услышать Василия Ковалева.

– Я слушаю.

– Василий, я управляющая магазином, в котором вы приобрели пальто. Наш продавец рассказала мне о вашей ситуации. Прошу принять наши искренние соболезнования по поводу скоропостижной смерти вашей мамы, а также извинения за доставленные неприятности в магазине. И еще хочу сообщить вам, что мы ждем вас в любое удобное время, чтобы вы могли вернуть пальто.

– Спасибо.

– Всего доброго, – сказала женщина.

Я положил трубку и посмотрел на Павла Витальевича, давая понять, что готов продолжить разговор.

– Хочу предложить вам работу, Василий. Ситуация с ва-

шим переводом навела меня на мысль, что нам необходим эксперт, который бы проверял переводы наших авторов и давал бы заключения о проделанной работе. Если захотите, то сможете брать переводы сами. Что скажете? В этих конвертах статьи, которые необходимо отредактировать.

В этот момент я подумал, что жаль, мама меня не видит.

Я немного помолчал и отпил цикорий с коньяком вкуса светлой полосы.

– Все-таки оставлю его у себя, – многозначительно произнес я.

– Оставите? – переспросил Павел Витальевич. На его лице отразилось недоумение. – Что оставите, Василий?

– Мамино пальто.

Игорь

Россия, Иркутск

– Сын начальника госнаркоконтроля, похищенный два дня назад, до сих пор не найден. В полиции говорят, что на поиски Александра Лаврова направлены все силы, но результатов пока нет. Сегодня утром стало известно, что начальник госнаркоконтроля Дмитрий Лавров ушел в отставку. Ему и его семье выделена охрана.

Игорь выключил телевизор. Утренние новости его раздражали. Там всегда показывали то, что хотели видеть зрители. Но если этого хотят люди, то понятно, почему совершаются преступления. По телевизору показывали идеальную инструкцию для потенциальных преступников. Никакая передача о природе или культуре не может сравниться с рейтингом передачи о тяжких убийствах, жестоких изнасилованиях или изощренных мошенничествах. Люди любят чернуху, нуждаются в ней ежедневно, прикрывая свой неутолимый голод смерти любопытством или необходимостью знать, в каком мире живут. Это не добавляет людям привлекательности, в который раз подумал Игорь.

Вчера вечером он позвонил в Москву и доложил своему начальству о ходе расследования. Инструкций ему никто не давал, это понятно, но он очень хотел получить хотя бы рекомендации. Шеф не выразил уверенности, что похищение

Александра Лаврова связано с деятельностью отца, поэтому посоветовал не отметать пока другие версии.

Игорь внимательно изучил документы по делу, прежде чем звонить в Москву, и обнаружил, что некоторые протоколы допросов из материалов изъяты.

– Я думаю, есть засекреченные сведения, – сказал он боссу. – Мне нужно разрешение на ознакомление с ними.

– Выясни, какой там режим секретности. Ты знаешь свои пределы, если будет нужно больше, позвонишь, – ответил босс.

Следующим утром Игорь первым делом заехал в прокуратуру, чтобы уточнить насчет режима секретности. Прокурорша, молодая энергичная женщина, провела процедуру ознакомления с порядком предоставления доступа к сведениям, содержащим государственную тайну, и запросила разрешение. Бумаги ожидались к вечеру. У Игоря не было на это времени.

– Доставьте меня к семье жертвы, – приказным тоном попросил он.

Прокурорша согласовала данную встречу с начальством, и уже через пять минут за Игорем приехали.

– У входа вас ждет автомобиль, водитель знает дорогу.

Игорь встал и вышел. Около здания прокуратуры его ждала черная «Волга» с государственными номерами, за рулем которой ожидал спокойного вида мужчина. Машина была заведена, выпуская клубы пара на морозный воздух. Игорь сел

на заднее сиденье и скомандовал:

– Поехали.

Не задавая вопросов, водитель тронулся с места. Погода была солнечной, Игорь все никак не мог привыкнуть к тому, что в Сибири такая морозная, но солнечная зима. Он всегда считал, что Сибирь живет в ледяном холоде и мраке. Они проезжали по центральным улицам Иркутска, города-музея, сплошь состоящего из памятников старой архитектуры. По бокам узких центральных проспектов какой век подряд доживали старинные деревянные дома, вросшие в землю по самые окна. Некогда величественные усадьбы, а сейчас откровенные развалины соседствовали с недавно выстроенными торговыми центрами, создавая коллапс архитектурного вида. Это было странно и пугающе. Как будто город не желал упокоить своих мертвецов, оставляя их у всех на виду, безжалостно заставляя людей смотреть на гниющую историю. Никто не реставрировал старые дома, они просто рассыпались на глазах. Но что самое страшное: внутри по-прежнему жили люди.

Когда в очередной раз подобное сооружение сгорит или обвалится, похоронив под своими обломками маленьких детей или целые семьи, власти начнут бить себя кулаком в грудь и кричать, что никто не мог даже представить себе, что подобная трагедия может случиться.

В цивилизованных странах старые сооружения спасают в единичных экземплярах, реставрируя и перемещая из цен-

тра города в удаленные районы, организовывают там музеи. Таким образом все находится на своих местах: город свободен от зловонных и опасных мертвецов, а музеи полны экспонатами. Но, видимо, у старожилов Иркутска несколько другие задачи.

Игорь отвернулся от окна, раскрыл портфель и извлек материалы дела. Ему необходимо еще раз убедиться, что он ничего не упустил.

Итак, согласно показаниям сестры жертвы, Саша проснулся в тот день очень рано. Это не свойственно для него в последнее время, потому что он учился на пятом курсе и проходил преддипломную практику в одном коммерческом предприятии, которое не требовало приезжать к девяти утра. Практиканты собирались к часу или двум и занимались давно определенными делами. В тот день молодой человек быстро позавтракал, собрался и около одиннадцати утра попрощался с семьей и вышел из дома. Он не был взволнован, не говорил о неприятностях. Саша вообще был весьма позитивным человеком, мало когда грустил, чаще улыбался. В то утро он был в самом обычном своем расположении духа. Возле дома семьи Лавровых было четыре парковочных места. Машины отца уже не было, он в отличие от сына работал с раннего утра, и в восемь уже был на работе. Мать Саши была на больничном, а у сестры в этот день не было занятий. Женщины вышли на балкон второго этажа дома, чтобы помахать Саше. Они видели, как он подошел к своей машине,

поднял голову и помахал им в ответ. А потом на территорию, открыв ворота, ворвалась «Газель» с тонированными стеклами, оттуда выбежали трое, схватили Сашу и погрузили в машину.

Никто не успел ничего даже сообразить, как след автомобиля уже остыл. Мама и сестра Саши Лаврова, сначала опешив, просто кричали в голос, а потом ринулись в дом, чтобы выбежать на улицу. Когда они обе выбежали, на расчищенном асфальте в клубах вонючих выхлопов валялась Сашина шапка.

Внятно описать автомобиль женщины не смогли; похитителей – тоже. Самые обычные фразы – черный автомобиль с тонированными стеклами. Сзади двустворчатая дверь, через которую в салон забросили Сашу и запрыгнули сами. Номеров у авто не было.

Похитители – трое мужчин, крепкие, высокие, в черных куртках, синих джинсах и шапках на головах, натянутых до подбородков. Других свидетелей похищения – охранника, соседку – допрашивали следователи, но ничего нового они не сообщили.

Первичный допрос не дал никаких результатов. В деле появилось еще больше вопросов. Игорь открыл протокол повторного допроса и стал внимательно читать. Здесь следователь выяснял детали личной жизни Саши Лаврова. Никаких новых сведений ни мать, ни сестра дать не смогли. Показаний отца, Дмитрия Анатольевича Лаврова, в материалах де-

ла не было; но это понятно, наверняка его показания касались работы, а это в большей части – государственная тайна.

По словам матери, Саша был прекрасным молодым человеком, джентльменом. Он всегда знакомил семью со своими девушками, и на памяти Елены Сергеевны их было пять, последняя – Валентина. Друзей у него много, но близких – всего двое. Один парень, Владик, из простой семьи, работает официантом. Владик часто приходил в гости и всегда приносил какой-нибудь вкусный кофе, чем завоевал расположение Елены Сергеевны, но чем безумно раздражал Лизу. Девушка из состоятельной семьи, ей были присущи циничные нотки, но в целом, насколько мог судить Игорь, основываясь на словах следователей, Лиза неплохая, просто избалованна. Второй товарищ жертвы – Максим, сын ректора одного из иркутских университетов, мальчик богатый и заносчивый, по утверждению Елены Сергеевны, и невероятно обаятельный, по словам Лизы. Увы, третьего варианта не было: показаний Александра в деле, естественно, не было, а сам Максим Владимирович сейчас находился за границей на стажировке. Владика допрашивал следователь-первогодка, поэтому показания собраны скудные, из них практически ничего не усматривалось. Владик, видимо, парень сообразительный и секретов друга не выдал. Из его показаний выходило, что Саша практически постоянно находился в состоянии активного поиска новой пассии, поскольку со своей прежней собирался расстаться и в конце концов сделал это.

Елена Сергеевна на втором допросе подтвердила, что Максим не особо интересовался личной жизнью друга, и она часто слышала от Саши слова упрека о том, что ему не с кем, кроме Пальца (прозвище Владика Пальцева), поделиться своими проблемами. Но и Палец, человек занятой, не всегда мог уделить Саше столько времени, сколько ему было нужно.

То есть либо проблемы личной жизни, из которой вполне могло вырасти похищение, остались при Саше, либо о них знает Влад, но по какой-то причине молчит. Игорь сильно сомневался, что Лиза была доверенным лицом брата, что она знает о существовании девушки по имени Алина. А вот с Владом нужно побеседовать.

Игорь позвонил следователю и велел доставить Пальцева на повторный допрос.

После чего сложил материалы дела обратно в портфель и спросил у водителя, долго ли им еще ехать. Тот ответил, что не больше трех минут. Семья находилась в своей резиденции за городом. Возле большого двухэтажного кирпичного коттеджа, огороженного мощным кирпичным забором со стальными шпиками, водитель и остановился.

– Вас подождать? – осведомился водитель.

– Конечно.

Игорь вылез из машины и вошел на территорию коттеджа. К нему тут же подоспел охранник, а с ним – сотрудник в форме полицейского.

– Добрый день, – вежливо сказал полицейский, – вы Игорь Сергеевич?

– Да.

– Покажите, пожалуйста, ваше удостоверение.

Из внутреннего кармана пальто Игорь извлек документы, раскрыл их перед носом у полицейского.

– Все в порядке, Леша, проводи Игоря Сергеевича.

– Минуту, я бы хотел осмотреться, – сказал Игорь.

Дом семьи Лавровых располагался не на территории коттеджного поселка, а стоял в небольшом углублении на Байкальском тракте, шоссе, соединяющем Иркутск и побережье Байкала. Парковочные места находились внутри ограды дома, а не рядом – выезд из углубления сразу же на тракт. Сейчас на парковке всего четыре автомобиля – голубой «Мерседес» (наверное, принадлежит матери Саши Лаврова), розовый «Мини-купер», очевидно, что это машина Лизы. Черный джип «Лендкрузер» начальника госнаркоконтроля и белая «Тойота Премио».

Игорь помнил из схемы похищения, составленной следователем, что автомобиль Саши Лаврова – белая «Тойота Премио», стояла крайней, у самого выезда.

Он представил то утро. Вот Саша подходит к своей машине и оборачивается, чтобы помахать маме и сестре. Где-то вдалеке шумит оживленное шоссе. На часах одиннадцать утра. Вдруг неожиданно открываются автоматические ворота и к дому на большой скорости подъезжает машина, из ко-

торой выбегают трое. Никто не понимает, что происходит. Мать с дочерью на балконе охвачены тревогой, но еще не паникой. Саша даже не делает попыток убежать.

Мужчины в масках подбегают к Саше, хватают за ноги и руки и очень быстро грузят в «Газель». Двери захлопываются, автомобиль, выпустив облако сизого дыма, резко стартует с места.

– Я закончил здесь, – сказал Игорь, – ведите в дом.

Охранник понимающе кивнул и попросил следовать за ним.

– Мы входим не через парадный вход? – поинтересовался Игорь.

– Там все заблокировано. Вход теперь через дверь со двора.

Дмитрий Анатольевич Лавров, видимо, был очень хорошим работником, если смог построить на бюджетную зарплату такой коттедж. Или же, наоборот, плохим, и построил такой дом на деньги из бюджета и взятки. Так или иначе, здание было добротным. Игорь мало что понимал в профессии строителей, но в домах разбирался очень хорошо. Он до сих пор выплачивал ипотеку за дачный дом в Подмосковье, который построил в прошлом году. Он тоже хотел выложить кладку дома из красного кирпича подобного качества, но стройматериалы оказались безумно дорогими, и пришлось купить более дешевый кирпич. А вот на окнах сэкономили – обычные пластиковые, не деревянные, современные и без-

опасные, а токсичные и откровенно безобразные. Себе в дом Игорь купил более дорогие, но надежные и экологичные.

Дорожка была расчищена от снега, выложена хорошим булыжником. Приятно идти. Игорь поднялся вслед за охранником по ступеням и вошел в дом. Он сразу попал на кухню. Интерьер был традиционно американский – большой стол посреди, по левую стену под окном кухонный гарнитур, по правую стену – углубление в небольшой зал-столовую. Семья из трех человек сидела за столом, о чем-то тихо переговариваясь.

Не разуваясь и больше не осматриваясь, Игорь прошел в столовую, поймал неодобрительный взгляд хозяйки дома (наверное, потому что проигнорировал тапочки у входа и прошел в ботинках), уселся напротив троицы, раскрыл портфель, извлек рабочий блокнот, ручку, скинул пальто и сказал:

– Меня зовут Игорь Сергеевич Романов. Я буду задавать неприятные вопросы, возможно, потребуется беседа с каждым по отдельности.

Лавровы во главе с Дмитрием Анатольевичем любезно поздоровались. Они не привыкли к такому тону общения. Едва ли кого-то из женщин до этого случая допрашивал следователь или кто-то из правоохранительных органов. Несмотря на то что Дмитрий Лавров был начальником регионального госнаркоконтроля, женщины в этом доме были далеки от системы правосудия и понятия не имели, какую должность за-

нимает Игорь, а разъяснять им он ничего не хотел.

Его правила были приняты главой семейства, поэтому женщины помалкивали.

– Вы сами ушли в отставку или вас попросили? – начал беседу Игорь.

– Сам ушел.

– Причина?

– Об этом поговорим отдельно. У членов моей семьи нет доступа к государственной тайне, а эти сведения ее содержат.

– Не продолжайте, – ответил Игорь и обратился к Лизе: – У вас есть что добавить к своим показаниям? – Игорь внимательно следил за реакцией девушки.

– Нет, – ответила Лиза и зачем-то посмотрела в сторону родителей.

– У меня несколько вопросов по поводу личной жизни вашего брата. Вы знаете, кто такая Марина?

Игорь достал фотографию и показал Лизе девушку на фото с безразличным видом, которую звали, конечно же, Алиной. Этот способ он позаимствовал у своего босса. Сделай намеренную ошибку, и, если человек знает правду, его будет грызть это чувство и рано или поздно, как бы ни хотел он скрыть правду, из него вылезет превосходство.

– Нет, я ее не знаю, – едва взглянув на фото ответила Лиза.

– Когда вы последний раз видели Валентину?

– Ну, в участке, когда нас допрашивали всех…

– А до этого?

– Недели две назад, когда они еще встречались с Сашей, она приезжала с ним сюда. Они тогда повздорили еще.

– Из-за чего? – спросил Игорь.

– Ну, она выпендривалась все время, то ей не то, это не так… Не знаю точно, в чем у них там дело было, мне как-то по фигу их отношения, у меня своих проблем хватает.

– Почему же вы не занимаетесь своими проблемами сейчас? – поинтересовался следователь.

– Что вы имеете в виду? – Девушка явно разозлилась. – У меня брата похитили!

– Ну так это его проблемы, не ваши, – подлил масла в огонь Игорь.

– Простите, – не сдержалась Елена Сергеевна, – почему вы так разговариваете с моей дочерью? Кто вам позволил?

– Лена, не вмешивайся, – велел Дмитрий Анатольевич, – это его работа.

– Пап! – возмутилась Лиза. – Что это вообще такое?!

– Лиза, вы лжете, это очевидно. Говорите правду, из-за чего поссорились ваш брат и Валентина?

– Да не знаю я! – Девушка перешла на крик.

– Кто-нибудь знает? – спросил Игорь и обвел семейство безразличным взглядом.

– Игорь Сергеевич, я не думаю, что Лиза в курсе происходящих в личной жизни Саши событий. А до недавнего времени у нас у каждого были больше свои дела и заботы, чтобы

вмешиваться и контролировать личную жизнь Саши, – ответила Елена Сергеевна.

– Он не делился с нами своими проблемами с девушками, – ответил Дмитрий Анатольевич, – но из того, что я слышал в обрывках фраз, к моменту расставания и у Саши, и у Вали уже кто-то был на примете. Когда они здесь выясняли отношения, Валентина никак не могла смириться с тем, что Саша так быстро нашел себе новую девушку. Сашу же возмущало то, что она уже встречается с другим парнем. В общем, самая обычная ситуация у молодежи. Я не понимаю, почему вы эту версию вообще рассматриваете. Очевидно же, что дело в другом.

Для женщин семейства Лавровых это было новостью, и Игорю стало немного не по себе. Зря он наехал на Лизу, она не обладала такой информацией. Лиза и Елена Сергеевна многозначительно переглянулись, округлив глаза.

– Я попрошу вас оставить нас наедине с Дмитрием Анатольевичем, – обратился Игорь к женщинам.

– Девочки, пожалуйста, оставьте нас, – попросил отец семейства.

Мать и дочь поднялись и вышли. Игорь остался наедине с полковником Лавровым.

– Вернемся к вашей отставке, причины? – спросил Игорь.

– Вероятнее всего, моего сына похитили, чтобы оказать давление на меня, – сказал Дмитрий Анатольевич. Лицо у него было напряженное, но руки спокойные. Он был уверен

в своих словах, скрывать ему было нечего. Но что он чувствовал по отношению к своему поступку, оставалось непонятным, и Игорь должен обязательно это узнать. Тем временем бывший начальник продолжил: – Мы разрабатывали операцию по устранению перевалочной базы в Ангарске, это город недалеко от Иркутска. По оперативной информации, там происходит приемка и расфасовка сыпучего сильнодействующего наркотика, которым снабжают всю область. Это одна из крупных точек. Есть еще две, одна в Братске, вторая в Усть-Куте, это все у нас в регионе. Когда Сашу забрали, я сложил с себя полномочия, чтобы не иметь возможности повлиять на операцию.

– Вы пожертвовали своим сыном? – безжалостно спросил Игорь.

– Я сделал его похищение бесполезным. Я никак не могу повлиять на операцию. Он больше им не нужен, – ответил Дмитрий Анатольевич спокойно, но руки сжались. Значит, чувствует вину.

– И вы думаете, что они его отпустят? Нет, Дмитрий Анатольевич, они его убьют.

– Нет, вы не понимаете…

– Это вы не понимаете, – оборвал его Игорь. Его бесило, что этот человек, проработав в органах столько лет, говорит глупость. – Похищение по таким мотивам предполагает справедливый обмен. Теперь у вас нет козырей, чтобы выманить похитителей на переговоры, понимаете? Это объ-

ясняет, почему до сих пор нет требований.

– Я думаю, они его отпустят! – ответил полковник.

– Как они это сделают? Извинятся и отпустят вашего сына, а вместо этого захватят в заложники семью нового начальника? И будут так делать до бесконечности, пока наконец-то не удастся под всю эту возню реорганизовать базу? Я думал, что вас попросили сложить полномочия, но я и представить себе не мог, что вы сделали это сами!

Дмитрий Анатольевич держался достойно. Он считал, что принял верное решение. Игорю не было его жаль. Это еще раз подкрепило его уверенность в том, что любить людей не за что. Если отец так легко может предать сына, ради спасения операции. Но Лавров, видимо, считал иначе.

– У нас очень мало шансов, Дмитрий Анатольевич, – сказал Игорь. – И мне жаль. Перевалочная база, снабжающая наркотиками регион, приоритетнее жизни вашего сына.

– Убирайтесь, – вскочил со стула Лавров и указал на дверь.

– Обязательно, когда закончу. На какой стадии операция была, когда вы подали в отставку?

– Уже были выписаны ордера на аресты, выемку, прослушку. Шел сбор доказательств. В банду внедрили людей, – выдохнув, сел на стул полковник.

– У вас есть доступ к списку внедренцев?

– Уже нет, – ответил мужчина.

– У вас есть хоть какая-то информация, которая сможет

нам помочь? Планы, списки, имена людей, которые могут что-то рассказать?

– Есть.

– Отправьте мне все, что сможете раздобыть.

– Хорошо.

– Займитесь этим сразу же, как только за мной закроется дверь. Когда я приеду в город, все необходимое у меня должно быть на почте.

– Что вы будете делать?

– Я попытаюсь связаться с возможными внедренными лицами в банду, чтобы постараться спасти вашего сына.

– Но это может подорвать всю операцию!

– Это вас сейчас должно волновать меньше всего. Вы должны только дать информацию, ничего не говорите бывшему начальству, я сам займусь этим.

С этими словами Игорь встал, накинул пальто, сложил свои вещи в портфель и вышел.

* * *

За окном падал мокрый снег. Игорю было хорошо и тепло в машине, а главное – спокойно. Он мог подумать над делом в тишине, не отвлекаемый бесчисленными просьбами и разговорами.

Если отбросить версию с похищением из мести бывшему руководителю госнаркоконтроля, то вариантов не остается

никаких. Следователи изучили круг общения Саши и установили лиц, с которыми парень общался чаще всего. Из их показаний не выходило ровным счетом ничего.

Отработали и версию о долгах. Лавров-старший почему-то не сказал, что Саша попросил у него денег на открытие собственного бизнеса. Видимо, потому что отказал сыну и решил, что тот послушал совета отца и забросил эту глупую затею. Но отец Саши даже не мог предположить, что его сын пойдет и займет денег у бандита. Маруф, услышав в «Новостях» о похищении Саши, испугался, что его заподозрят, и быстро прибежал в полицию сам. Он сказал, что Лавров-младший действительно занял у него деньги, но все вернул. Утром в день похищения к нему приехал курьер, передал ему ровно пятьдесят тысяч долларов в конверте, на котором было написано «От Саши Лаврова». Конверт Маруф не сохранил, человека в лицо не запомнил. Камеры видеонаблюдения у подъезда дома, где проживает Маруф, не установлено. Купюры, на которых могли быть следы отпечатков пальцев, давно розданы.

Даже если бы Маруф сам не пришел бы в полицию, ситуация с долгом рано или поздно всплыла бы. Да и не похищают сейчас людей ради таких денег, максимум – пугают и бьют. Если бы похищение было спланировано и исполнено Маруфом, он бы не прибежал в полицию с испуганными глазами. Едва ли дело в долге Саши.

Здесь замешаны более серьезные люди.

Автомобиль затормозил возле входа в Главное региональное следственное управление, где Игорь разместил штаб. Следователи были далеко не рады покидать свои рабочие кабинеты в здании следственного комитета, но Игорь наотрез отказался работать в старом прокуренном помещении, и им пришлось подчиниться и переехать вместе с ним. К тому же он надеялся, что ему могут пригодиться силовики следственного управления, а также их ресурсы.

Игорь вышел из машины, даже не поблагодарив водителя. Человек выполняет свою работу, за которую ему платят. За что его благодарить?

У входа в управление стояли трое полицейских. Одного из них Игорь знал – невысокого пузатого мужичка лет сорока пяти. Он работал в дежурной части, был приветливым и вежливым. Игорь поздоровался с ним за руку, проигнорировав протянутые руки остальных. Ему в принципе не нравилась процедура рукопожатия, а уж тем более с людьми, которых он не знает.

Возле дежурного поста на проходной маялся бомж. Заискивающе, словно что-то выпрашивая, он сгорбился, чтобы упереть лицо в окошко. Игоря всегда возмущали окошки, расположенные на уровне пояса визитера. Понятное дело, что дежурному это удобно, он ведь сидит, а вот остальным…

– Господин полицейский, – лебезил бомж, – ну очень нужно поговорить с господином Лавровым, поймите.

– Или ты сам отсюда сейчас уйдешь, или я тебе помогу! – рявкнул дежурный.

Игорь остановился.

– Я Лавров, что вы хотели? – сказал он.

Бомж резко обернулся. Он был одет в старое пальто, видавшее лучшие годы на чужих плечах. Под пальто у него была спортивная куртка, когда-то она была ярко-красной, а теперь покрытая бурыми пятнами, местами засаленная и залитая чем-то темным. Спортивные брюки в цвет куртки, явно неподходящая одежда в морозном январе, обвисали на тощих ногах, обутых в тяжелые пыльные раскуроченные ботинки. В опухших от мороза и алкоголя руках он сжимал чистый бумажный конверт синего цвета. Конверт никак не подходил его образу, и поэтому Игорь протянул руку, чтобы выхватить конверт у бомжа, но тот вдруг юрко спрятал его в недра своей куртки.

Игорь посмотрел ему прямо в глаза своим самым строгим и тяжелым взглядом, от которого подозреваемые сразу начинали просить воды и адвоката. Но в глазах этого человека читалось превосходство. В них не было страха, сейчас он был выше всех, кого считал небожителями.

– Сначала покажите документы, – попросил бомж.

Игорь поставил портфель на пол, извлек удостоверение из нагрудного кармана, раскрыл его перед лицом бомжа. Шевеля губами совершенно беззвучно, тот внимательно изучил раскрытое удостоверение.

– Но вы не господин Лавров, – сказал мужчина и посмотрел на Игоря строго, как на провинившегося первоклассника.

– Именно, – ответил Игорь. – А теперь давайте конверт.

– Не могу, мне поручено вручить исключительно в руки Лаврову!

– Кем поручено? – поинтересовался Игорь.

– Я не вправе раскрывать личность моего работодателя, – хмыкнув, заявил бомж.

Игорь за весь день устал от разговоров и объяснений, поэтому он просто схватил бомжа за руку, завел сначала одну, потом другую за спину, впечатал его лицом в стену и сказал дежурному:

– Давай наручники!

Дежурный с перепуганным лицом выскочил из каморки с наручниками наперевес, быстро щелкнул им по запястьям бомжа, взял его под локоть и спросил:

– Оформлять?

Игорь не ответил. Он запустил руку бомжу за пазуху, где было жарко и липко. Он нащупал карман, а в нем что-то, что ему совершенно не понравилось. Это были какие-то проводки. Осторожно потрогав их, Игорь спросил:

– Что это?

– Это мое сердце, – ответил бомж. – А теперь не двигайся.

Произнеся это, мужчина вдруг резко подался вперед, и рука Игоря уперлась ладонью во что-то твердое. Раздался щел-

чок – ладонью Игорь нажал на кнопку на коробочке, которая оказалась зажатой между грудью бомжа и рукой Игоря.

Он попытался отвести руку, но кнопка пошла вместе с ним.

– Эта пружина взорвет нас, – сказал бомж. – Не убирай руку.

– Эвакуировать всех, быстро, – закричал Игорь дежурному.

Застывший от неожиданного поворота событий дежурный активизировался и испарился. По зданию раздалась сирена, после чего тут же послышался грохот хлопающих дверей и топот сотен ног. Сотрудники выбегали через запасной вход, в проходную никто не входил.

Игорь по-прежнему стоял, держа руку на кнопке у сердца бомжа.

– Ну и что дальше? – спросил Игорь. – Что будем делать?

– Сюда должен приехать Лавров, как можно скорее. Иначе мы взлетим на воздух. Вокруг моего тела обвязан тротил, можете сами проверить.

Свободной рукой Игорь ощупал живот и спину бомжа. Под пальто прощупывались небольшие тубусы, из которых торчали проводки. Игорь задрал пальто бомжа, расстегнул куртку и поднял грязную футболку. На скотч были намотаны красные тубусы тротила, соединенные между собой разноцветными проводками. Они были аккуратно заправлены за резинку спортивных штанов. Игорь насчитал десять тубу-

сов, прикрепленных к голому торсу бомжа.

– Как тебя зовут? – спросил Игорь.

– Валера.

– Валера, зачем ты пришел в следственное управление, обвязанный тротилом?

– У меня есть дочка, – ответил мужчинка. – Она живет в детском приюте, ее туда поместили, когда нас с ее матерью лишили родительских прав. Я живу в подвале возле Цирка, но холодными ночами я прихожу в приют для бездомных. Это возле усадьбы Кузнеца, – объяснил он. – Ночью туда ворвались люди с оружием и повязали нас всех. Человек десять нас было. Сотрудники приюта не ночуют в здании, кроме нас там никого не было, а больше мы никому и не нужны. Нас всех схватили и увезли на «Газели» за город. Там нас вывели из машины и повели в лес, где была вырыта яма. Всех из приюта поставили на краю этой могилы. Когда мы выстроились, кое-кто из наших начал задавать вопросы. Прозвучал выстрел, и человек упал в яму. Я был уверен, что скоро тоже стану покойником, но они вдруг спросили, у кого из нас есть родственники. Кто-то подходил сзади, упирал дуло пистолета в затылок и спрашивал. Три ответа, три выстрела, три падения. Глухие такие, знаете, как мешки с землей. Я ответил, что у меня есть дочь. Меня и еще троих посадили в автобус, что с остальными, кого при мне не расстреляли, я не знаю.

Валера замолчал. Игорь пошевелил пальцами затекшей руки. К ним вернулся дежурный.

– Все эвакуированы, приехали саперы. Мы заводим их?

– Нет, не надо! Они ничего не смогут сделать! – закричал Валера. – Приведите сюда Лаврова!

– Игорь Сергеевич, что делать?

– Вызовите Лаврова, кто-нибудь из саперов пусть зайдет.

– Я сказал нет! – занервничал бомж.

– Подожди, ты хочешь, чтобы мы взорвались втроем? Ты, я и Лавров? Это твоя цель? – поинтересовался Игорь.

– Нет! Я должен передать ему письмо!

– Ну хорошо, передашь. А дальше что? Мы будем вечно жить с моей рукой у тебя на груди?

Валера замолчал.

– Сними наручники с Валеры и выполняй мой приказ, – велел Игорь дежурному. – Продолжай, Валера. Что было дальше?

– Мы поехали к приюту, где живет моя дочь. Они оставили там человека, который убьет ее, если я не передам этот конверт Лаврову.

– Ты мог просто сказать нам, где твоя дочь, и мы бы ее защитили!

– Я так и хотел, но ведь ты полез в карман! Я понял, что тебе ничего объяснить невозможно, что ты упертый, как баран, и теперь мы в этой ситуации! А они наблюдают за входом! Если бы все было тихо, они бы заподозрили и убили мою дочь! Мне все предельно ясно сказали! Лавров должен прибыть сюда!

Игорю захотелось отпустить кнопку и быстро скрыться за металлической дверью. Но судя по количеству тротила, которым был обвешан Валера, дверь его не спасет.

– Ты не знаешь, детонатор на радиоуправлении или нет?

– Я не знаю, – ответил Валера.

В здание вошел сапер в специальном скафандре.

– Постарайтесь не двигаться, – сказал он. – Детонатор со временем?

– Нет, – ответил Валера. – Он придет в действие, если мы отпустим кнопку.

– Понятно. Кнопка зажата между рукой и грудью? – поинтересовался сапер.

– Да, – ответил Игорь. – Посмотрите на тротиловые шашки, может быть, это муляж?

– Сомневаюсь: разве вы не чувствуете запах? – поинтересовался сапер.

Игорь не чувствовал запаха тротила. Вонь, исходящая от бомжа, перебивала все другие запахи. Он потянул носом, пытаясь уловить нотки пороха, но безрезультатно. Только запахи пота, немытых волос и грязного тела.

Сапер приподнял на бомже пальто и маленькой стальной палочкой легонько коснулся тротиловых шашек. Палочка издала тихий писк и залилась красным цветом.

– Устройство активировано, – сказал сапер, – и да, это тротил. Я скажу больше: здесь обратная цепь, и разминировать ее очень сложно, но возможно. Главное понять, где точ-

ка отсчета, где источник питания…

Руками в защитных перчатках он аккуратно ощупал туловище бомжа, нащупал коробочку, к которой была прижата рука Игоря, потрогал ее и спросил:

– Какова возвратная сила пружины?

– Как я должен вам это объяснить? – возмутился Игорь. – Я не умею руками измерять ньютоны!

– Плавно идет или туго? – спросил сапер.

– Плавно, сразу же за рукой.

– Я сейчас вернусь, – сказал сапер и быстро вышел из здания.

Игорю стало страшно. Он знал, что в случаях, когда сапер убеждается в отсутствии возможности разминировать устройство, он говорит «Скоро вернусь» и уходит, чтобы больше не вернуться никогда. Неужели это все? Он даже не успел подумать о своей дочери, о своем неудавшемся браке, о своем безобразном отношении к людям. Но вот вернулся сапер в сопровождении своего коллеги.

– Я так понимаю, никто не против, чтобы мы разминировали устройство? – спросил один из саперов.

– Пока в здание не войдет Лавров, никто ничего не делает, – сказал Валера грозно.

– Валера, Лавров уже едет. Он в любом случае зайдет сюда. Но если устройство на радиоуправлении? Как только он сюда попадет, мы взлетим на воздух. Ты понимаешь? – спросил Игорь.

– Я боюсь за свою дочь. – В глазах мужчины читалась тревога. Игорю было знакомо это чувство, ведь у него самого есть дочь.

– В каком она приюте? – спросил Игорь.

Валера назвал номер и адрес приюта, Игорь велел дежурному организовать защиту девочки. Саперы приступили к разминированию бомбы.

– Валера, Лавров получит конверт и передаст его мне. Сам он ничего читать не будет. Поэтому ты можешь отдать его мне.

– Я не советовал бы вам его смотреть, – ответил Валера. – Я не могу сказать точно, что там, но ничего хорошего. Они сказали, что, если я хочу жить, я должен быть в другом помещении, когда конверт откроют.

Саперы, тихо переговариваясь между собой на каком-то странном языке аббревиатур, ощупывали проводки на тубусах тротила, подключали к ним какие-то устройства. Пищали приборы, мигали разноцветными огоньками.

– Все серьезно? – спросил Игорь.

– Насколько это возможно, – ответил один из саперов. – Но вы не волнуйтесь, ничего сверхсложного, мы справимся. Главное, постарайтесь не двигаться.

– Хорошо. Но моя рука уже начинает дрожать.

– Придется потерпеть.

Игорь это и сам знал. Что может находиться в конверте? Он вспомнил, как выглядит конверт. Обычный бумажный

конверт синего цвета, без надписей. Значит, внутри может оказаться биологически активный порошок, но явно не жидкость и не газ. Что? Сибирская язва?

Лавров приехал через сорок минут. Саперы продолжали возиться с тубусами, приборы все пищали. Бывший начальник госнаркоконтроля вошел в дежурную часть в сопровождении двоих полицейских.

– Лавров пришел, – сказал Игорь бомжу.

– Документы… покажите документы.

Лавров показал паспорт. Валера все так же беззвучно прочел данные паспорта и сказал:

– Мне несколько неудобно сейчас передать вам конверт, поэтому скажу на словах. Но это не та информация, которая находится в конверте. Те люди сказали, что убьют вашего сына ровно через трое суток. Больше мне ничего не известно.

– Ты сможешь описать тех людей? – оживился Игорь.

– Смогу.

– Ребята, как у нас дела? – спросил следователь у саперов.

– Ничего не получается. Нам нужно еще оборудование. Все лишние уйдите.

В голосе сапера Игорь уловил беспокойство, но не стал заводить себя. А Валера, облокотившись о стену, вдруг часто-часто задышал.

– Только не это… аура…

– Что? Какая аура? – Игорь забеспокоился.

– Скажите, им чтобы поторопились. У меня сейчас нач-

нется припадок. Эпилепсия.

– Нам нужен врач! – закричал Игорь. – Срочно позовите врача!

Лавров поспешил позвать на помощь.

Валера глубоко и часто дышал. Он закрыл глаза, его лоб покрылся испариной. Игорь почувствовал, как тело бомжа слабеет. Он начал оседать. Игорь следовал за Валерой, сначала на колени, потом тот лег на спину, закинув голову назад из-за топырящихся тубусов с тротилом на спине.

– Как купировать припадок? – спросил Игорь.

– Никак, – ответил Валера. – Разгон долгий, минуты три-четыре. Но припадок неизбежен. Ты не успеешь убежать.

– А если придет врач? Как-нибудь можно купировать припадок? Валера? Ты слышишь меня?

– Да… никак. Никак нельзя. Если бы было можно, неужели бы люди во всем мире мучились бы? Купировали бы…

Его глаза затуманились, тело лихорадило. Пот на лбу превратился в ровную влажную пленку. В дежурку влетели двое медицинских работников. Один совсем молоденький рыжеволосый паренек с оранжевым чемоданчиком в руках и в синей робе с надписью «Скорая помощь» и серьезного вида женщина примерно возраста Игоря. Она внимательно осмотрела Валеру, проверила зрачки и вопросительно глянула на Игоря.

– У него начинается эпилептический припадок, – сказал Игорь. – Но нельзя, чтобы он дергался. Вы можете купиро-

вать это?

– Конечно.

– Но он сказал, что это невозможно.

– Это давно можно купировать, – ответила она и обратилась к своему коллеге: – Леша, три кубика фенобарбитала, я сама поставлю. И два кубика брома в отдельный шприц.

Леша кивнул и стал торопливо натягивать перчатки и брякать ампулами в чемоданчике. Женщина между тем задрала штанину на Валере и громко сказала:

– Мужчина, я поставлю вам укол фенобарбитала, это поможет купировать ваш припадок.

Валера не отвечал. Его глаза закатились, дышал он прерывисто.

– Доктор, ситуация опасная. Сейчас начнутся судороги? – спросил Игорь.

– Необязательно. Припадок может быть и без судорог. Леша, препараты готовы?

– Да, Марина.

– Давай, – скомандовала она.

Марина схватила шприцы в одну руку, другой смочила на ноге ваткой со спиртом небольшую область. После этого сняла колпачки со шприцев и поочередно и точными ударами поставила два укола. Игорь перевел взгляд на лицо Валеры, надеясь увидеть улучшение тут же. Ничего не менялось.

Саперы тем временем подключали какие-то устройства к тубусам.

– Доктор, вы сделали все, что могли? – поинтересовался Игорь.

– Практически.

– Вам нужно уйти, – сказал Игорь.

– Я не могу. А вдруг у него начнутся судороги? Я должна оказать помощь.

– Что нужно делать? – спросил Игорь.

– Держать голову набок, следить за дыханием, траекторией судорог.

– Я справлюсь.

– Нет, я останусь, – запротестовала Марина.

– Вы понимаете, что ваш пациент заминирован? Если начнутся судороги, все здесь взлетит на воздух. Поэтому уходите, вы сделали все, что могли, – сказал Игорь.

– А вы? – обеспокоенно посмотрела на Игоря женщина.

– А я держу руку на детонаторе, – нервно улыбнулся Игорь.

Марина встала, посмотрела на Игоря, у которого на лбу выступил пот. Он не отказался бы снять пальто и принять более удобную позу, чем в полусогнутом положении готовый побежать в любую секунду.

Кивнув своим мыслям, она обошла лежащего Валеру, подтянула чемоданчик поближе к его голове и сказала своему коллеге:

– Леша, иди отсюда.

Парень особо не сопротивлялся и смылся, словно его и

не было. Только морозный заснеженный ветерок ворвался в жаркую дежурку. Марина тем временем села возле головы Валеры, подложила под голову свою куртку, после чего смочила марлевую тряпочку жутко пахучим веществом – наверняка нашатырный спирт – и приблизила к носу пациента.

– Марина, уходите! – велел Игорь.

– Не командуйте, – ответила она. – Мужчина, вы слышите меня?

– Слышу… – тихо ответил Валера совершенно другим голосом, словно язык его не слушался.

– Есть признаки ауры?

– Да, она повсюду… Зеленые круги, они повсюду…

– Концентрируйтесь на моем голосе. Вы чувствуете запах хлороформа?

– Нет…

Она практически прижала марлю к его носу.

– А так?

– Да.

– Постарайтесь прогнать ауру. Слушайте мой голос. Чувствуйте запах, концентрируйтесь на нем. Все хорошо, у вас не будет припадка. Вы слышите меня? Говорите со мной.

– Меня тошнит, – сказал Валера.

– Это вам кажется. Все в порядке. Чувствуете запах? Мужчина?

– Его зовут Валера, – сказал Игорь.

– Валерий! – громко сказала Марина. – Ответьте мне!

– Да.

– Говорите со мной. Зеленые круги все еще здесь?

– Да. Мне плохо.

– Валерий, потерпите немного, скоро все пройдет. Вы чувствуете запах? – продолжала спрашивать женщина.

– Он же сказал, что чувствует, что вы спрашиваете его раз за разом? – взбесился Игорь.

– Если он перестанет чувствовать запах, значит, начался припадок. То есть сознание изменилось. Поэтому я спрашиваю его постоянно. Вы можете массировать его мизинец? Сильно, но не травмировать. Его нужно постоянно держать на связи с реальностью.

Игорь схватил мизинец Валеры. Он был грязным и горячим. Он стал массировать его.

– Не массажировать, а массировать. Сильнее нажимайте, это должно быть неприятно.

Игорь усилил движения, Валера стал легонько вытягивать руку из тисков.

– Он вытягивает руку, – сказал Игорь.

– Это хорошо! Валера, слышите меня?

– Да.

– Вам лучше? – спросила Марина.

– Немного…

– Вам нужно пройти курс лечения. Вы не наблюдаетесь у врача?

– Я бомж.

– Какая разница? Ваши припадки можно купировать совсем, главное – вовремя принимать лекарства. Это очень опасно. Чувствуете запах?

– Да. Можете убрать его немного подальше, меня уже тошнит от этого.

Марина немного отвела в сторону марлю.

– Можете отпускать кнопку, – сказал один из саперов и снял цилиндр с головы. – Мы обезвредили механизм.

– Вы уверены? – подозрительно спросил Игорь.

– На сто процентов. Устройство деактивировано, смотрите сами.

Все той же палочкой, что и в прошлый раз, он прикоснулся к каждому тубусу с тротилом, и она не среагировала ни разу.

– Хорошо, Марина, уходите отсюда.

– Я не могу. Человек в опасности, – ответила она.

– Вам жить надоело? Игорь посмотрел на женщину со всей серьезностью. Он не привык, что его кто-то может ослушаться. Если в первый раз он оставил это, то теперь был настроен довести дело до конца.

Марина смело выдерживала взгляд. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Игорь вдруг поймал себя на мысли, что не злится на эту женщину. Ему было интересно, кто победит в этой битве.

– Вам же сказали, что бомбу обезвредили, – ответила она ледяным тоном.

– Может быть, они ошиблись.

– Не только вы не ошибаетесь, – почти язвительно сказала Марина. – Ребята профессионалы, я им верю.

– Так и напишут на вашем памятнике, – в том же тоне парировал Игорь.

– Обязательно проследите за этим, – улыбнулась женщина.

Саперы, освободившись от тяжелых спецодежд, недовольно смотрели на Игоря, но ему было плевать. Как эта женщина смеет перечить ему? Что в ней такого, что она позволяет себе так с ним разговаривать? Он, и только он мог решать, что и кому делать в пределах своей юрисдикции.

Но Марина считала по-другому. Она смотрела в упор на Игоря, практически не моргая, держа в ладонях изможденное лицо бомжа Валеры. Пахучая марля лежала у нее на руке, недалеко от его носа.

Игорь чувствовал запах нашатырного спирта, видел Марину, которая была тверже камня, и вдруг понял, что ему все равно. Хочет упираться – пусть. Она вольна делать, что хочет. Пусть хоть на воздух взлетит, упертая дура.

Он убрал руку и отпустил мизинец Валеры.

Бомж издал громкий вздох, полный ужаса. Игорь отпрянул.

Ничего не произошло. Секунды длились вечность. Никто не двигался и не дышал.

Через мгновение раздался оглушительный взрыв, а затем крик, полный боли и ужаса.

Саша

В голове тихо играет мелодия. Все, что сейчас мне нужно, – музыка.

Упорная луна находит меня повсюду, куда бы я ни пристроился своим ноющим от побоев телом, она находит меня, заливая глаза желтоватым светом, заставляя пульсирующую боль в голове взрываться с новой силой.

Я чувствую, что это мои последние минуты перед ужасом.

За окном давно ночь. Наступает время моего кормления. Я пытаюсь не заснуть, чтобы не оказаться перед врагом беззащитным.

Тело болит, ссадины на спине и животе кровоточат, оставляя на футболке липкие пятна. Периодически я отрываю ткань от ран, испытывая при этом жгучую боль. Она возвращает меня в реальность, не позволяя окунуться в беспробудный сон.

Спать мне приходится на холодном бетонном полу. Это, конечно, не моя шикарная домашняя двуспальная кровать с мягким матрасом. Я переворачиваюсь со спины на бок, поджимаю к груди колени, но быстро выпрямляюсь обратно с тихим воем. Боль сковывает мое тело.

Я слышу, как по коридору раздаются шаги. Пытаюсь сесть, но тут же теряю сознание. Резкая боль в ребрах отдается эхом в голове. Я широко распахиваю глаза и встаю сна-

чала на четвереньки, а потом – на ноги. Прижимаюсь сухими кровяными корками на спине к стене и не свожу взгляда с маленького окошка для глаз на двери.

Моя новая камера ничем не отличается от той, в которой я провел первые трое суток. В окошке я никого не вижу, но знаю, что там, за дверью, стоит человек, который смотрит прямо на меня.

Через секунду дверь открывается. В камеру входит человек. Лунный свет отражается на его кожаных берцах, мягко ощупывает заправленные в сапоги брюки цвета хаки, пропитывает толстый серый свитер грубой вязки. Лишь голова остается вне света. На ней у мужчины надета вязаная шапка до носа с прорезями для глаз. Его исламскую улыбку, чуть желтоватые зубы и синюю щетину на подбородке и скулах я запомню на всю жизнь.

– Ужин, – говорит надзиратель.

– Я не хочу есть, – морщусь я.

– Подойди ко мне и жри, – приказывает он.

Я отлипаю от стены. Помню, что, если не повиноваться, будет только хуже. Он снова станет меня бить, не реагируя ни на какие мои крики: прямо этими берцами по лицу, телу, голове, без сожаления и сострадания.

Делаю шаг к нему навстречу. В нос ударяет запах немытых волос и пота. Меня мутит, я заглядываю в кастрюлю, которую он принес, и еле сдерживаю рвотный рефлекс. Там плавают какие-то порубленные куски, запах еды я не чувствую,

только смрад охранника и затхлый запах человеческих испражнений, оставленных в камере. Я опускаю руку в кастрюлю, нащупываю кусок чего-то большого, средней твердости, похожего на вареный овощ. По рукам течет жидкость, овощ распадается в пальцах, но я доношу его до рта и откусываю. Это свекла, безвкусная, словно вата. Я проглатываю ее и кусаю снова.

– Давай, жри, – с ухмылкой на лице говорит мужчина.

Меня тошнит, знобит, больше нет сил все это терпеть. Я на грани. Ненавижу… Ненавижу этого садиста. Сколько еще издевательств мне надо пережить, прежде чем все это закончится? Стоит, тварь, ухмыляется… Чувствует свое превосходство.

Надзиратель делает резкий выпад, чтобы напугать меня, я инстинктивно вздрагиваю. Кастрюля наклоняется и из нее выливается ледяной бульон, прямо мне на ноги. Охранник ржет и опрокидывает остатки мне на голову. Меня трясет от отвращения и злости. Во мне вдруг просыпается невероятная сила. Я вырываю из его сальных пальцев кастрюлю и со всего маху ударяю ею по его извращенной голове. Кастрюля отлетает в сторону, а надзиратель остается стоять как ни в чем не бывало.

Я опираюсь о стену, выплевываю недожеванную свеклу, которая скатывается по футболке как сгнившая плоть.

Он трясет головой, приходит в себя, а потом достает из кармана пистолет. «Вот он, конец», – проносится у меня в

голове. Я закрываю глаза. Не хочу видеть, как он нажмет на курок и довольно улыбнется. Ну же! Стреляй, сука! Раздается выстрел.

Я замер. Жду. Боль все не приходит. Тогда я напрягаю слух, по-прежнему боясь открыть глаза. Раздается глухой стук, словно кто-то кинул на пол мешок с картошкой.

Я осторожно открываю сначала один, а затем и другой глаза.

Садист лежит на полу, вокруг его головы растекается черная жижа. На входе в камеру стоит охранник, который водил меня помыться.

– Гнида, – говорит он.

Мужчина прячет пистолет в карман штанов, нагибается, хватает за берцы убитого и тянет на себя. Тело Садиста, размазывая жижу по каменному полу, медленно уезжает сквозь проем двери, а потом, повернувшись, исчезает.

* * *

Новый охранник по имени Магди говорит по-русски и просто бесценная находка для шпиона. Ему не больше двадцати пяти лет, но выглядит он намного старше. Высокий, черноволосый, с зализанными назад курчавыми волосами, худой, но сильный. Он сам рассказал, что родился в Хургаде, долине туристических курортов, но горбатиться на богатых иностранцев не хотел, и в двадцать лет уехал в Эмираты,

где познакомился с большими и серьезными людьми, занимающимися торговлей наркотическими средствами по всему миру. Эти люди для него боги, как и его босс – Наркобарон. Несколько раз я закинул удочку с целью узнать, до каких глубин я смогу добраться доброжелательной беседой. Оказалось, что практически до любых.

Я выяснил наконец, почему я здесь. Все дело в отце, вернее, в его работе. Оказывается, отдел, который он возглавляет, собрался накрыть бизнес Наркобарона. Поэтому босс Магди и его помощники ищут пути отхода: позволить порушить многомиллионный бизнес они не дадут.

Один из способов – захват заложника. Сына начальника госнаркоконтроля.

После того как Магди убил предыдущего надзирателя, жить стало легче. Магди кормил меня, выводил в душ, даже прибрался в камере и кинул на бетонный пол матрац. Но в его поведении две вещи меня настораживали.

Во-первых, Магди не скрывал своего лица. Во-вторых, рассказывал мне обо всем, что я спрашивал, и даже не переживал, что выболтал лишнего. Не явный ли это признак того, что в конце концов меня убьют?

Хотя если бы хотели, то давно убили бы. Но и тут есть нюанс. Им может потребоваться, чтобы я подтвердил, что жив, здоров по телефону. Пока все требования не будут удовлетворены, я точно не умру. А дальше по ситуации.

Меня волнует вот еще какой момент. Магди сказал, что

сейчас они в довольно затруднительном положении, что ситуация выходит из-под контроля, и вероятнее всего, нужно будет принимать иные меры. Как это скажется на мне, я пока не понял. И это пугало еще больше. Из фильмов о заложниках я помнил, что стимулировали к выполнению требований захватчики частями тела заложника. Эта мысль не дает мне покоя. Возможно, что в скором времени Магди вернется, чтобы отрезать у меня палец, ухо или целую кисть.

* * *

Кровоточащие раны на теле затянулись и больше не оставляют следов на одежде. Меня перестали бить и вполне приемлемо стали кормить. А может, я просто привык ко вкусу пищи, которую мне дают. По крайней мере, аппетит не отбивают отловленные из жидкого супа волоски, семечная скорлупа в каше, недоваренная курица и черствый хлеб. Я ем все быстро и без разбору. Магди держит поднос с едой в руках, пока я обычно подчищаю все, что на нем находится. Как-то раз я просил Магди поставить поднос на пол и оставить меня наедине с едой, но получил категорический, но обоснованный отказ: заложник должен есть с рук врага.

Я давно потерял счет дней. Не могу вспомнить, сколько я уже нахожусь здесь. Наверное, дней семь или восемь.

Магди заменил матрац на узкий топчан с подушкой и тонким пледом, который не согревал совершенно, но позволял

ощущать легкое тепло. Лежа на кровати, на которой даже перевернуться нельзя без упора ногой в пол, я со слезами вспоминал домашний уют. Свою шикарную двуспальную кровать с мягким матрацем, теплым пушистым одеялом и воздушными подушками. Дни невыносимо тянутся один за другим, ничего не меняя в жизни. Я очень скучаю по матери, отцу и Лизе. Мне страшно не только за свою жизнь, но и за жизнь своей семьи. Эти люди способны на все. Но я благодарен Магди хотя бы за то, что он меня не бьет, позволяет периодически ходить в душ и туалет. В знак благодарности я выполняю все его требования и никогда не перечу ему.

В какой-то момент я заподозрил, что схожу с ума. За стеной я стал слышать до боли знакомый тихий плач. На самом ли деле это происходит или же мое сознание разыгралось? Я тихо позвал человека за стеной, но тут же появился Магди и приказал замолчать.

Таким строгим я его еще не видел, поэтому не стал злить Магди и повиновался.

Пока не понял, что он лжет.

Когда Магди в очередной раз повел меня в туалет, я заметил, что в отсеке, где находится моя камера, есть еще две. Моя камера посередине, две другие с точно такой же дверью и окошком для глаз по краям.

Когда мы проходили мимо, я уловил мающуюся тень в одной из камер. Там кто-то был и явно против своей воли. Значит, я здесь не один. В голове тут же созрел вопрос. А может,

я всегда был не один?

Озарение пришло утром следующего дня. Когда Магди принес завтрак, я неожиданно для него сказал:

– Передай, пожалуйста, моей маме и сестре, что я их люблю. Магди растерялся, но быстро взял себя в руки. На его лицо налегла неприятная тень, а в голосе зазвучало раздражение:

– Если ты с ними не общался, то откуда знаешь, кто там? – подозрительно посмотрел он на меня.

– Я догадался, – ответил я.

– Как?

– Ты сказал, что вы в затруднительном положении, потеряли контроль. Учитывая ваши методы, вам нужно больше, так скажем… ммм… аргументов. Мой отец начальник госнаркоконтроля, а значит, его семья – идеальное средство шантажа. С моим похищением у вас не вышло, вот вы и подкрепили свои силы.

Магди молчал.

Я съел манную кашу холодную и комковатую, выпил компот вприкуску с вафлей, поблагодарил Магди и лег на свой топчан. Перед тем как закрыть дверь, он тихо сказал:

– Твой отец больше не работает в госнаркоконтроле. Он мертв.

После чего закрыл дверь и удалился.

* * *

Известие о смерти отца окончательно меня добило. Я проплакал весь оставшийся день и всю ночь, поэтому, когда на следующее утро ко мне зашел Магди и сообщил, что больше мы не увидимся, я не сразу понял, что он имеет в виду. Он принес мне поесть, но аппетита не было, впрочем, как и вчера. Но Магди умеет убеждать людей.

– Послушай, я сказал тебе про отца, чтобы ты знал. Я не должен был этого говорить. Барон заметил, что ты отказался от еды, и спросил меня, в чем дело. Я соврал, но если он узнает, у меня будут проблемы. К тому же тебе лучше поесть, потому что неизвестно, когда тебе в следующий раз выпадет эта возможность. Сегодня вечером тебя увезут отсюда.

– Куда? – До меня вдруг стал доходить смысл всего сказанного. Я нехотя встал с кровати, подошел к Магди и через силу впихнул в себя тарелку жидкого холодного куриного супа с вермишелью и единственной плавающей в жирном бульоне морковкой, которую пришлось разрубить ложкой, чтобы съесть. От рисовой каши с тушенкой я отказался.

– Я не могу тебе сказать. И так выболтал слишком много. Прощай.

– Спасибо, Магди, – тихо, еле шевеля губами сказал я.

Магди кивнул и молча закрыл дверь.

Глава 3

Ника

Россия, Москва

– Толстая, ты на брак, – сказала мордовка в начале смены, как всегда плюнув на пол. Я уже отработала четыре стажировочные, и вот сегодня первая за деньги. Морально я была готова к чему угодно, но только не к тому, что меня отправят на верную смерть.

Я словно услышала смертный приговор. Мои ноги стали ватными, но я покорно поплелась за мордовкой, не видя ничего вокруг, словно мы в цеху одни. Она подвела меня к столу, на котором горой выше моего роста лежали кое-как сосиски в упаковках. Они выпирали наружу, словно грыжи.

– Ты должна все сосиски аккуратно уложить, а потом отправить их по конвейеру вниз, – с этими словами мордовка указала на ленту, которая изгибом уходила вдаль, – там их запечатают и после вернут тебе. Упаковки разложишь по коробкам и все поставишь на поддон. Приедет грузчик и заберет.

Я кивнула, что все поняла, и приступила к работе.

Вот же я удивилась, когда поняла, что это брак со всех трех цехов! На столе оказались упаковки и полукилограм-

мовые, и по килограмму, и по два. Их необходимо было разделять по разным коробкам, проставлять соответствующие маркировки и тащить на три разных поддона. Каждая коробка по двадцать килограммов. Когда из сосисок была гора, мне было более или менее комфортно, я хотя бы стояла в рост. Но когда куча потихоньку разошлась по коробкам, мне пришлось согнуться сначала немного, а потом и совсем пополам. Лента конвейера находилась на уровне пояса, а мой стол – под лентой, коробки, в которые нужно было свалить исправленные упаковки – под столом. От стола до поддона ровно три метра. К первому перерыву я физически ощущала, где у меня находится матка. Я перетаскала почти восемьсот килограммов.

Наученная предыдущими сменами, я закурила прямо в туалете, сидя на унитазе. Три в одном, так сказать. Наверное, скоро смогу тут же и обедать.

– Там что, толстая курит? – За дверцей раздался мерзкий голос мордовки.

Я быстро потушила сигарету и вышла из кабинки. В лицо мне тут же прилетела оплеуха.

– Как ты смеешь, мразь! – заорала мордовка. – Курить в цеху!

– Я не в цеху курила, а в туалете, – сдерживая слезы, отвечаю я.

И в это мгновение я поняла, какую ошибку совершила. Не с того я начала разговор. Я открываю рот, чтобы исправить

ситуацию, но не успеваю ничего сказать, потому что получаю еще одну пощечину.

– Я тебе покажу, сука такая, как перечить! Толстожопая мразь! Пошла вон отсюда! – брызжа слюной, орет мордовка.

Быстро выхожу из туалета, надеваю фартук, перчатки и иду к своему столу, стараясь все же не заплакать. Там уже снова гора, которую я распихиваю по коробкам. Когда набиваются три полные коробки, я пытаюсь поднять одну, но не получается. Болит спина. Я пинаю коробку к поддону и оставляю ее там. То же самое делаю с оставшимися.

Не успеваю я заполнить следующие коробки, как в цех вваливается молодой парень с наглой мордой.

– Это что? – спрашивает он, удивленно таращась на коробки возле поддона. – И как я должен их на погрузчик взять?

Я разгибаю спину с лицом мученицы.

– Не смогла поднять коробку, – виновато говорю я. – Не поможете?

– Не помогу, – отвечает парень и удаляется.

Вот ведь мужчины пошли, удивляюсь я и возвращаюсь к работе. Но поработать мне не дают, грузчик приводит мордовку.

– Смотри, – говорит он ей.

– Эта толстуха любит за чужой счет зарабатывать, – вздыхает мордовка, – слышь, жирдобаба, подхватила коробку и погрузила быстро на поддон. Сосиски не должны лежать на

полу.

– Не могу, – отвечаю я, и обращаюсь к парню: – Вы же мужчина, помогите девушке!

– Если бы ты не была такой толстой, я бы показал тебе, что такое мужчина, – говорит он с мерзкой улыбкой и сжимает свои яйца. Мордовка хохочет.

– Сынок, ты меня не пугай, жирная невестка мне не нужна! Ты представь, сколько она жрет! Давай, бери коробки, жирдяйка, тащи их на поддон.

Я чувствую, как глаза становятся влажными. Учитывая намордник, слезы они увидят сразу – ведь на моем лице остались только глаза. Я закидываю еще несколько упаковок в коробку и хватаю ее. Морщась от боли, под гогот мордовки и ее сына делаю несколько шагов и слышу, как в спине что-то хрустнуло.

В глазах резко темнеет, коробка выпадает из рук, а потолок стремительно падает перпендикулярно полу.

Игорь

Игорь знаком с Ириной уже много лет. Им не требуется лишних слов, чтобы понять друг друга. Их отношения давно перешли на другую стадию, где никто никому ничего не должен. Игорь приходит и уходит тогда, когда захочет, а Ира смиренно ждет и надеется, что однажды он останется навсегда.

Вот и сегодня, едва Игорь разделался со всеми делами в аэропорту, он написал короткое смс: «*Скоро буду*». Не дожидаясь ответа, сел в аэроэкспресс до Павелецкого вокзала. Там он быстро переместился в метро и уже через час нажал на кнопку дверного звонка. Ирина открыла дверь в домашнем шелковом халатике и тут же заключила Игоря в объятия. Спустя некоторое время он облачился в теплый махровый халат, который Ира купила специально для него, и вышел на балкон глотнуть свежего воздуха. На Москву надвигались сумерки, было холодно, но явно теплее, чем в Иркутске. Когда Игорь вернулся в квартиру, Ира с обеспокоенным лицом спросила:

– Игорь, у тебя что-то случилось? Ты едва слово сказал, как приехал.

– У меня всегда что-то случается, ты же знаешь.

– Да, знаю. Но я волнуюсь за тебя. По «Новостям» передали, что взорвали твой штаб. Я же знаю, ты поехал туда за-

ниматься делом, связанным с похищением сына начальника госнаркоконтроля. Это все из-за этого? Игорь, ты мог мне хотя бы позвонить, сказать, что жив, здоров! Я же звонила тебе, разве ты не видел? – Ирину захлестывали эмоции.

– Взрыв прогремел снаружи, а не внутри. В «Новостях» об этом не сказали разве? Смертница подорвалась у входа, когда Лавров, начальник госнаркоконтроля, ожидал там, пока разминируют бомбу внутри здания. Это была ловушка. Если бы я пострадал, в «Новостях» сказали бы об этом: «трагически погиб при исполнении…» и так далее, – сказал Игорь раздраженно.

Ира уже привыкла, что Игорь не тратит лишних сил на объяснения, появляется тогда, когда ему этого захочется. Она знает, что если на него давить, то ничего хорошего из этого не выйдет, Игорь просто замкнется и исчезнет. Ирине ничего не осталось, как просто принять правила игры.

В тот день она действительно сильно переживала, когда увидела репортаж о взрыве в Иркутске. Ира звонила Игорю практически не переставая, но он трубку не брал. Вечером от него пришло сообщение: «*Я в порядке, меня не задело*», и все. Ирина проплакала весь день, думая, что не увидит его уже никогда. Когда пришел ответ, она мысленно прокляла Игоря, но сейчас на ее лице читалось лишь спокойствие.

Игорь никогда не рассказывал Ире о своей работе больше, чем она могла узнать из новостей, не делился с ней подробностями своей жизни, она даже не знала, есть ли у него еще

кто-то. Зато Игорю было прекрасно известно, что он у нее точно один. Ирина – начинающая актриса, снимается в сериале, в рекламе, играет в театре. Но и это Игорю безразлично. Его не интересует ее жизнь, удивительно, что их отношения вообще так долго длятся. Между ними нет ничего, что превращало бы повседневность в праздник. Их отношения наполнены страстью в постели, но за ее пределами у каждого своя жизнь. Когда-нибудь Ирине надоест его безразличие и она решит все прекратить. Ну а пока она надеется и ждет, что все изменится в лучшую сторону.

Как-то раз Игорь пришел к ней домой пьяный. Он стал задавать вопросы, от которых Ире хотелось заплакать. Неужели он не видит, что ей неприятно, ведь она любит его. Зачем он пытается ее задеть? Ведь за все время отношений она не дала ему даже повода, чтобы он сейчас так с ней разговаривал. Игорь ходил по квартире со стаканом виски и грыз ее, не переставая, монотонно, словно получая от этого немыслимое удовольствие. Когда наутро он ушел, Ира хотела сменить замок, переехать, не видеть его больше никогда. После этого случая Игорь не объявлялся почти месяц, но, когда от него внезапно пришло сообщение: «*Скоро буду*» – она, не раздумывая, ответила: «*Ок*». Сейчас, лежа в постели после страстного секса, она ничего не ждала от него и даже не хотела знать, что будет дальше. Ей вдруг стало абсолютно безразлично, останется он на ночь или уйдет, закончатся ли их отношения сейчас или продлятся еще месяц. Ее больше не ин-

тересовало, что станет с ними через неделю, месяц или год. Опустошенная, она с любопытством смотрела, как Игорь ходит по квартире в халате изумрудного цвета с большим махровым капюшоном, и болтает в руке стакан с колой. Время от времени он кидал на нее растерянный взгляд, и Ирина с удивлением обнаруживала, что не испытывает к этому человеку больше ничего, кроме жалости.

– Ты знаешь, Романов, а ведь я была в тебя влюблена.

– Была? А теперь что?

Игорь не хотел поддерживать разговор, ему было не до глупых разговоров. Мысленно он был совершенно в другом месте. Неожиданно Ира рассмеялась, чем отвлекла Игоря от размышлений и вернула в реальность. Девушка села в кровати и натянула одеяло до подбородка.

– Что с тобой, Игорь? – настороженно спросила она. На минуту ей показалось, что Игорь испугался ее смеха.

– Почему ты засмеялась?

– Потому что твой вопрос был глупый.

– И что в нем глупого? – непонимающе спросил Игорь.

Если бы не его взгляд, словно он сейчас потеряет сознание от ужаса, Ира бы снова рассмеялась.

– Игорь, потому что я безразлична тебе совершенно, – спокойно ответила она. – Как я могу полюбить человека, который не чувствует ко мне ничего?

– Так же, как это делают все женщины, – ответил он.

– Видимо, я не такая, как все, Игорь.

– Видимо. Но я в этом не виноват.

Игорь скинул халат и подошел к шкафу. У него было прекрасное тело. Мужественное лицо, интеллектуальный блеск в глазах, широкие плечи, узкие бедра, подтянутая фигура и рельефные руки и сильные ноги – все это нравилось Ире в нем. Игорь полез в шкаф, где лежали его вещи. Он натянул трусы, джинсы, накинул свитер. На ноги надел носки. – Проводи меня, – приказным тоном сказал Игорь.

– Ты знаешь, где дверь, – отвернувшись в сторону ответила Ира.

– Я сегодня не вернусь.

– Хорошо. – На душе у Ирины заскребли кошки.

Игорь напоследок взглянул на Иру и вышел. Краем глаза она успела заметить боль и растерянность, которые отразились на лице у Игоря. Ирина решила промолчать, боялась, что в ответ на свои слова получит лишь грубость. Никому легче от этого не будет. Она услышала, как хлопнула входная дверь. Накрывшись с головой одеялом, Ирина тихо заплакала.

* * *

Чертова машина не заводилась, и Игорь изо всех сил вмазал по рулю. Раздался протяжный вой клаксона. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Так, тихо. Успокойся. Ничего страшного не произошло, просто черная полоса, она скоро

закончится. Тебе нужно уехать в отпуск одному, отдохнуть, никого не видеть и ни с кем не разговаривать.

На часах было около двух ночи, но спать не хотелось. Он выспался в самолете и сейчас был бодр, словно после длительных выходных. Выкинув Ирину из головы, Игорь направился за город, в ведомственную клинику, куда поместили Сашу Лаврова.

* * *

Дежурный врач никак не хотел впускать его в палату к Лаврову, но Игорь был настойчив. Ему непременно надо было увидеть Сашу. В конце концов врач согласился посмотреть, не спит ли пациент, и если нет, то только с согласия Лаврова впустить Игоря.

– Вам повезло, парень не спит. Он согласился вас принять.

Игорь, как обычно, не поблагодарил и проследовал прямо по коридору до палаты 12Б. Саша Лавров лежал на кровати, был включен торшер. Он посмотрел на вошедшего Игоря и сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил Игорь неожиданно для себя и закрыл дверь изнутри.

На парня было страшно смотреть. Это был далеко не тот щеголь, которого Игорь видел на снимках. Саша выглядел крайне плохо. Худой, изможденный, с синяками на лице и

весь перетянут бинтами. Казалось, что его тело давно умерло, и только в глазах еще теплилась жизнь.

– Я не скажу ни слова, пока вы не ответите на мои вопросы, – сказал Саша. – Мне надоело жить в неведении. Что здесь, что в заложниках, без разницы, я все равно в клетке. Только кровать мягче и, перед тем как делать больно, колют снотворное.

– Спрашивай, – сказал Игорь, не узнавая себя.

Пока шла поисково-спасательная операция Саши, Игорь не раз разговаривал с фотографией парня. Так он лучше мог почувствовать жертву, понять ее. Во многом эти разговоры были бесполезны. Работа Игоря в основном всегда связана с похищениями людей. К тому моменту, как в дело включался Игорь, как правило, жертвы уже были мертвы. Но Саша Лавров исключение. Он выжил.

Игорь мысленно вернулся в тот день, когда около его штаба прогремел взрыв. Смертницу не видел никто. Позже на камерах видеонаблюдения, расположенных напротив здания управления, рассмотрели, как женщина с повязанным на голове платком и в цветастой юбке проникла в толпу людей, собравшихся возле машины саперов и «Скорой помощи». Люди чувствовали себя в безопасности, зная, что бомба находится в здании.

Только это было не так. Камера засняла, как внутри толпы возник огненный шар, как разлетелись люди, словно куклы от разгоряченной руки кукловода. Эпицентр взрыва распо-

лагался около машины «Скорой помощи», где наготове были трое врачей.

После по всем новостным каналам сказали, что пострадали от взрыва около управления МВД в Иркутске девять человек, но на самом деле погибших было больше.

Также на камере видно, как за несколько секунд до взрыва какой-то мужчина пытается обезвредить женщину в цветастой юбке. От обоих в результате взрыва практически ничего не осталось.

Как стало вскоре известно, человек, который пытался обезвредить смертницу, был Дмитрий Анатольевич Лавров. Именно он первым заметил женщину в юбке и ринулся к ней. Видимо, Лавров понял, что опасность не в здании, а снаружи, что вот-вот пострадает огромное количество невинных людей.

Со слов одного из свидетелей, которому удалось спастись, Лавров закричал, что в толпе смертница, и люди ринулись в разные стороны. Он схватил ее за шею и резко повернул, но цыганка успела перед смертью привести в действие детонатор.

Еще одна пострадавшая, молодая женщина, сказала, что услышала перед взрывом, как мужчина сказал: «Господи, прости меня!» – и подтвердила, что услышала сначала жуткий крик женщины, потом отвратительный хруст ломающихся костей, а затем в глаза ударила волна жара.

– Поступок Дмитрия Лаврова был самопожертвованием.

Его действия спасли жизни как минимум тридцати человек. Если бы не его героизм, трагедия приобрела бы более масштабные последствия, – сказал репортер в экстренном выпуске «Новостей». – Напомню, что Дмитрий Анатольевич Лавров ушел в отставку с поста начальника госнаркоконтроля в связи с тем, что его сына захватили в заложники и предъявили требование о прекращении спецоперации. И сегодня Дмитрий Лавров спас жизни десятков людей, пожертвовав своей жизнью.

К ночи стало известно о посмертной награде Дмитрия Лаврова орденом Мужества.

Только через три дня, ночью, совершилась облава на базу Наркобарона. Но Саши Лаврова там уже не было. Игорь был абсолютно уверен, что парень мертв. Но его тело не нашли. Его собрались объявить умершим, когда сотрудники Курского вокзала в Москве сообщили в полицию, что в прибывшем поезде был найден молодой человек, который представился Александром Лавровым. Он был сильно избит и обезвожен. Его пытались незаконно провезти на поезде в Москву. Проводница только перед Москвой поняла, что парень, все трое суток находящийся в спящем состоянии, не по своей воле путешествует с цыганами, и на волне «Новостей» сообщила в полицию. Цыган задержали, а Сашу Лаврова госпитализировали.

– Что с моими родными? – спросил Саша, вернув своим вопросом Игоря в реальный мир.

– Ваш отец погиб, вашу мать и сестру похитили вслед за вами. Я вел дело, но не смог вовремя оценить опасность и их похитили. Мы обнаружили труп вашей матери в месте, где вас содержали, в соседней камере.

Саша закрыл глаза. Из-под век просочилась слеза, он быстро ее смахнул, сглотнул и спросил сиплым голосом:

– А Лиза?

– Мы не обнаружили ее.

– Когда вы узнали, где нас держат?

– После взрыва, в котором погиб ваш отец. Ему пришлось приехать в штаб, так как человек, который принес письмо от похитителей, отказывался передать его кому-либо другому. Мы хотели арестовать этого человека и забрать письмо, применив силу, но он оказался полностью заминированным. Когда ваш отец выехал в отдел, на дом напали вооруженные люди. В тот день на посту охраны было всего двое, они не смогли противостоять, а когда подмога подоспела, было уже поздно. Вашу мать и сестру похитили. Нам не сразу стало понятно, что теракт был организован для того, чтобы отвлечь внимание от дома. После этого случая стало ясно, что все версии, кроме давления на вашего отца через семью, можно отмести. Я сразу понял, где вас держат. Это моя вина. Если бы я раньше забрал то дело, над которым работал полковник Лавров, то ваша семья бы не погибла. Но я не сделал этого своевременно. Время было упущено. Только после соблюдения всех бюрократических формальностей нам разрешили

организовать захват базы. На тот момент вас и Лизы там уже не было, а ваша мать была мертва. – Игорю было стыдно перед этим парнем. Ведь он мог спасти его семью. И тогда сейчас ему бы не пришлось оправдываться.

– Но они были живы. Я слышал их, – запротестовал Саша.

– Я ответил на все ваши вопросы? Теперь я могу задать свои?

– Нет, черт возьми, не можете! Вы должны были спасти их! – закричал Саша. – А теперь они все мертвы! А я жив!

Его грудь под тонкой простынкой бешено вздымалась и опускалась, Игорю показалось, что он видит, как через тонкую кожу и ребра трепещется сердце. Саша замолчал, но его глаза все еще продолжали кричать. В этот момент Игорь почувствовал себя настоящей сволочью, но его долг сейчас был допросить парня. Да, он не смог спасти семью Саши Лаврова, но еще не поздно наказать виновных.

– Вы можете описать Наркобарона? Вы видели его своими глазами? – холодно спросил Игорь.

– Видел, – ответил Саша.

– При каких обстоятельствах? Расскажите мне подробно, – попросил чуть теплее Игорь.

– Сначала меня содержали одного, во всяком случае, сидя в первой камере, я не слышал никого. Ко мне приходил надзиратель, который издевался надо мной и кормил. Потом меня перевели в другую камеру и поменяли охранника. Вернее, не поменяли. Убили на моих глазах. Второго звали Маг-

ди. Он был вполне добр ко мне, и из его слов я узнал, куда и за что попал. Потом я услышал стоны за стеной слева и справа. Это были Лиза и мама. Магди не разрешал мне говорить с ними. Как-то раз меня отвели в комнату, где за столом сидели мужчины цыганского происхождения. Барон заставил меня раздеться и танцевать голым на столе. Они лапали меня своими руками, кидали в меня еду и заставляли растирать ее по телу. Я не сопротивлялся и выполнял все их пожелания. Магди сказал мне, что иначе они меня убьют. Барон сидел во главе стола, все остальные мужчины обращались к нему «Дадыр». Барон заставил меня сесть к нему на колени. Он трогал мое тело, а я внимательно запоминал его лицо, каждую чертову клеточку его морды. Этот снимок навсегда впечатался мне в память. Я узнаю его из тысячи. – Последние слова Саша произнес со всем омерзением, которое только мог вложить в свою речь.

– Я пришлю утром художника, чтобы составить портрет Наркобарона, – сказал Игорь.

– Нет, – ответил Саша. – Сначала вы сделаете все, чтобы найти Лизу и обезопасить мою жизнь.

– Само собой, – ответил Игорь.

– Мужчина, который забрал меня из больницы и привез сюда, сказал, что я буду помещен в программу защиты свидетелей и жертв насилия. А доктор сказал, что мне сделают пластическую операцию уже утром, если прокурор разрешит. Принесите это разрешение, и перед операцией я сам

нарисую вам Наркобарона.

– Это не так быстро…

– Вы хотите еще потянуть время? Вам мало того, что моя семья погибла?

– Но…

– Я устал, мне нужно спать, – перебил его Саша. – Погасите свет и закройте дверь с другой стороны. Спасибо.

Вася

Холдинг, в котором я теперь работаю, состоит из трех гигантских компаний: два издательских дома и рекламное агентство. Один издательский дом занимается выпуском деловой литературы, а другой – откровенно таблоидов желтого характера. По-моему, есть даже один эротический журнал, из тех, что тайком раздают негры в наушниках на улицах исключительно в руки мужчинам.

Я подписал трудовой договор, в котором была указана должность заместителя главного редактора в отделе переводов. Эта должность оказалась настолько высокооплачиваемой, насколько в принципе могут платить человеку без высшего образования и опыта работы. Я не знаю, чем заслужил такой подарок судьбы, но, видно, кто-то там наконец сжалился надо мной и позволил мне обеспечить себя и свои потребности. В офисе мне был выделен кабинет, но мы договорились с Павлом Витальевичем, что работать я буду дома и не по восемь часов, а головой.

Павел Витальевич со всей серьезностью подошел к нашему сотрудничеству. Мою комнату переоборудовали под настоящий кабинет: заполонили техникой, поставили офисный стол и большой шкаф для рукописей. Босс пытался поселить у меня секретаршу, но я наотрез отказался. Мне пришлось недолго помучиться, чтобы научиться работать на компью-

тере, но буквально через месяц я уже не испытывал никаких трудностей. Все же мозги у меня были, и приспособиться к инструменту, которым ранее не пользовался, я смог. Осталось наработать опыт и скорость.

Ежедневно я сравнивал дюжину переводов и пару-тройку небольших готовил сам. Моя корпоративная почта пиликала постоянно, приходили письма, требующие ответа, дайджесты новых журналов, планы совещаний и другая важная деловая корреспонденция. Раз в неделю ко мне приезжал курьер, забирал документы и привозил новые. Единственное, что у меня было не отлажено, – это быт. Моя квартира находится на пятом этаже (спасибо, что есть грузовой лифт!), и выход в город большая проблема. Конечно, с зарплатой, которая сейчас есть у меня, и доступом в Интернет я могу себе позволить заказывать продукты и другие жизненно важные вещи прямо на дом, да и врачи тоже приходят. Но для здоровья мне необходим свежий воздух. Я подошел к решению этого вопроса очень серьезно, ибо понимал, что большую часть своего свободного времени буду проводить с этим человеком. Я сразу решил, что это будет мужчина, потому что я просто сгорю от стыда, если девушке придется толкать мою коляску, поднимать недвижимые ноги и помогать с ванной. Требования, которые я предъявлял к кандидату на эту должность: а) это должен быть молодой человек, полный сил и свободного времени; б) возможно, студент-заочник, ищущий подработку; в) не пьющий, не ширяющийся и желатель-

но не курящий (даже пассивное курение меня убьет). Собственно, все.

Я разместил объявление в Интернете и на следующий день мой почтовый ящик завалили объявлениями разного характера. Чьи резюме я только не прочитал! И бывшего стриптизера, который обещал не только помогать с бытом, но и активно расслаблять; и великодушного телохранителя, обещавшего сохранить мою жизнь и защитить от любых невзгод; и частной компании, оказывающей услуги разного характера, в том числе в сфере бытового эскорта. В общем, мое объявление поняли не совсем правильно, и мне пришлось обратиться за помощью к Павлу Витальевичу, человеку, который был единственным связующим звеном между мной и внешним миром.

Мне было неловко напрягать Павла Витальевича, но, как говорится, и в безвыходной ситуации топор – выход. Или я буду работать, или заниматься поиском помощника. А главное, я совершенно не разбираюсь в людях, и мои поиски могут привести к тому, что я подселю к себе какого-нибудь афериста, который обчистит мою квартиру и выбросит меня из окна. В конце концов я убедил себя, что имею полное право воспользоваться опытом Павла Витальевича в этом вопросе и обратился к нему.

Павел Витальевич обещал помочь с подбором помощника, а временно приставил ко мне свою секретаршу, которая была рада слинять из офиса и помочь несчастному инвалиду

с покупкой продуктов и уборкой. Мне было ужасно некомфортно, но иного выхода не было.

Работа спасала не только мою текущую жизнь, но и притупляла боль, идущую откуда-то изнутри. Я скорбел по маме и никак не мог смириться, что в нашей квартире больше никогда не будет аромата курника, испеченного ее руками. Мама бы гордилась мной, моими достижениями, всем тем, чего я добился. Но ее рядом больше не было.

Я работал по максимуму, впрочем, особо не перенапрягаясь. Каждые полчаса я делал пятиминутный перерыв на небольшую разминку, каждые два часа – на прием лекарств. Мне требовалось разминать ноги, потому что они не утратили чувствительности, они просто были недвижимы, но по-прежнему мерзли, затекали, чесались. Причем ощущения, которые я испытывал, доставляли мне жуткий дискомфорт. Вечера я проводил возле телевизора или читал, но иногда предпринимал попытку выбраться на балкон, предварительно серьезно утеплившись, потому что вылазка могла затянуться. Один раз я сильно замерз, долго не мог вкатить кресло в квартиру и мне пришлось с него свалиться на выстуженный балконный бетон, затянуть тело в квартиру, а потом, обливаясь потом, битый час втягивать коляску, которая, словно в нее бес вселился, цеплялась всеми колесами за проем и никак не поддавалась.

Телега мне надоела хуже редьки. Подсчитав финансы, я решил через месяц купить хорошее кресло с моторчиком

и колесами-треугольником, чтобы взбираться по ступеням. Модель, которую я присмотрел в Интернете, имела подставку для ног, которая при нажатии специального рычажка могла поднять ноги до уровня глаз (ну мне так высоко не надо). В любом случае даже поднятие на полметра заметно упрощало процедуру перемещения своего тела на кровать. Цена вопроса – пятьдесят шесть тысяч рублей. Раньше я бы упал в обморок от одного озвучивания такой цифры, сейчас же мне это было вполне по карману.

В общем, жизнь потихоньку налаживалась. Честно, я даже не думал, что такое возможно.

Но кардинальные перемены со мной случились после одной статьи. Как я уже говорил, я работаю в большом холдинге, который выпускает много изданий, в том числе и женский глянец. Перед самым Новым годом я получил на почту электронную версию новогоднего выпуска журнала «Лайфф», в котором писали о звездных жизнях. Мне нравились некоторые материалы в этом журнале, но, естественно, не о страданиях звезд. Журнал публиковал статьи обо всех селебрити, и нередко можно было встретить интересные истории из жизни действительно выдающихся звезд. Мое уважение журнал заслужил, когда опубликовал большой материал о жизни Альфонсо Куарона, известного режиссера. Статья была переводная, и я с упоением прочел на английском и русском языках. Но не этот материал задел меня за живое и перевернул все мое представление о жизни знаменитостей.

Статья под заголовком «Сильнее любви» вытрепала мне все нервы. Когда я получил перевод, я сразу же сморщил нос – переводила одна из моих самых нелюбимых переводчиков – Наташа Беспальцева, откровенная халтурщица. Глаголы у нее гуляли вольно, подлежащие играли в прятки, а общий смысл фраз подобно Чеширскому Коту – то и дело исчезал в серой дымке.

Ознакомившись с текстом, я понял, что дорогая Наташа превзошла саму себя. Непонятно абсолютно ничего! Кроме того, игнорируя мою должность, она полагала необходимым получить от меня «ок», и на этом все. Наталья, вероятно, не думала, что я действительно читаю и оригинал, и перевод. И это несмотря на то, что я неоднократно возвращал ее переводы на доработку. В общем, к статье «Сильнее любви» оригинал приложен не был. Я позвонил Беспальцевой и попросил прислать текст, что она и сделала спустя полчаса, хотя, готов биться о подлокотник своей коляски, она сидела возле компьютера перед открытой почтой и файлом на рабочем столе.

Когда я ознакомился со статьей зарубежного автора, понял, что статья – настоящая бомба. Это не просто материал о звездной жизни, это настоящая драма! Больше того, я предполагал, что материал можно развить и дальше, ведь события не закончились. Этот текст вызывала жгучий интерес, хотелось продолжения, что же будет дальше?

Статья была посвящена американской певице Алише

Бэнкс. Известной провокаторше, сексуальному идолу и восхитительной актрисе, чье искусство в моем большом почете именно с того момента, когда я полез в «Википедию», чтобы понять, о ком идет речь.

Чтобы вы поняли всю силу драмы, нужно немного рассказать об Алише. Ей двадцать восемь лет, пять из которых она – одна из самых известных звезд планеты. Алиша прорвалась благодаря своей песне, завоевавшей хит-парады планеты буквально за полгода. Невероятный голос, эффектная внешность и потрясающая сила убеждения – все это сделало Алишу звездой. За пять лет Алиша выпустила три альбома и объехала мир трижды – с огромным успехом, взобравшись на вершину рейтинга Forbes со сборами во время турне. Сейчас у певицы затишье перед новым витком (который в шоу-бизнесе зовется «эрой»), она в процессе создания нового альбома, съемок новых клипов и в подготовке к очередному мировому турне. Музыкальные критики с нетерпением ждут, заточив карандаши, чтобы наброситься на новые творения поп-дивы, а фанаты заваливают письмами главный офис с просьбой рассказать о дате выхода новых синглов.

Если бы все так. На самом деле Алиша в эпицентре драмы!

В период активного набора популярности певица познакомилась с американским рэпером Ти Роем, за которого вышла замуж в том же году. Замужество Алиши, конечно, стало небольшим препятствием для ее карьеры, но певице бы-

ло плевать: она влюбилась настолько, что не может прожить и дня без любимого. Агентство организации туров было поставлено в жесткий ультиматум – не планировать одновременные туры двух артистов – Алиши и Ти Роя, потому что влюбленные не хотели расставаться на длительное время и везде путешествовали исключительно вместе. Сейчас Алиша вернулась в Лос-Анджелес, чтобы закончить работу над своим альбомом, а Ти Рой остался в Австралии, чтобы завершить мировое турне.

Все изменилось в одночасье. Буквально вчера Ти Рой попал в автокатастрофу, в результате чего получил множество травм. Ти Рою срочно требуется пересадка костного мозга, Алиша оказалась идеальным донором. Но она решительно отказывается спасти любимого!

Мировая общественность разбилась на два лагеря. Одни пишут, что представители певицы по секрету рассказали, что отказ Алиши вызван этическими причинами. Другие, более желтые газетенки, утверждают, что Алиша решила заполучить мощнейший пиар на смерти любимого, третьи – опустились до слухов об изменах Ти Роя и жестокой мести со стороны Алиши. Но самое большое негодование у всех СМИ вызывало абсолютное молчание Алиши. Поклонники требовали рассказать, почему она обрекает любимого на смерть. Ведь их любовь воспета не в одной песне, и эти песни становились хитами именно потому, что фанаты верили, что Алиша поет о своих настоящих чувствах. Поет серд-

цем, а не тупо считывает текст с листочка, написанный под кайфом.

Также поднимался вопрос и о том, почему же такому богатому рэперу не подошел ни один другой донор, ни в Интернете, ни в статье ответа на этот вопрос не было. Наверное, просто журналисты не захотели копать глубже, довольствуясь обсасыванием личных переживаний пары.

В статье приводились разные факты и тут же опровергались. Автор текста подвергла резкой критике доводы желтых журналистов: *«Я не знаю, что делать с этой бедой. Слухи по-прежнему утверждают, что Алиша Бэнкс жестоко мстит своему мужу за бесчисленные измены. Да, Ти Рой очень сексуальный мужчина, но, боже мой, не надо быть поклонником его творчества, чтобы понять: Ти Рой безумно влюблен в свою жену. Достаточно посмотреть на любое фото, где они вместе. Разве вас не берет зависть? Это настоящая любовь, люди, она настоящая! Этот мужчина никогда не изменит своей женщине, это просто невозможно».*

Дальше – интереснее. Автор настолько глубоко погрузилась в мысли и чувства Алиши Бэнкс, что очень скоро у читателя (во всяком случае, у меня) закралось подозрение об истинных причинах отказа Алиши стать донором: *«Вы знаете, чтобы понять, каково ей сейчас, нужно проговорить вслух все факты. Давайте сделаем это вместе, чтобы увидеть то, что лежит на поверхности. Говорите со мной. Алиша безумно любит Ти Роя. Ти Рой безумно любит Алишу. Они*

вместе, ничто не может их разлучить. Они готовы на все, чтобы сохранить свою любовь. Ти Рой попал в аварию. Ему срочно нужен донор костного мозга. Алиша идеальный вариант. Вы видите? Видите это? Идеальная схема, такого просто не бывает. Без изъянов. Но он есть, этот изъян! Давайте посмотрим внимательно! Есть что-то, закравшееся между этих строк, какая-то истина, блуждающая рядом, не дает этой цепи замкнуться. Почему Алиша сказала «нет»? Разве она желает своему мужу смерти? Такое впечатление, что действиями Алиши руководит нечто сильнее любви. Что это может быть? Явно не ненависть. Тем более это не обида и не месть. Нет, здесь что-то другое. Что-то более сильное, более мощное. Что-то, что обрекает Ти Роя на гибель, а Алишу – на муки совести. И больше того, если бы дело было в измене или пиаре, мы бы давно получили комментарии от Алиши – смысл пиара в подтверждении информации, а не в домыслах и слухах. Слухи никогда не сделают человека действительно популярным, зато подтвержденная ложь вознесет до небес».

Не знаю, как вы, но я уже обо все догадался. Поэтому последний абзац материала словно сорван у меня с языка:

«В цепочке «Любовь – Опасность – Донор» есть незыблемый факт, указывающий на то, что между Алишей и Ти Роем есть более крепкая связь, чем узы брака. Что могло заставить ее поставить на карту жизнь человека, которого она любит, и сказать нет? Я думаю, вы уже и сами

догадались о природе связи между двумя идеальными донорами. Мы провели серьезное расследование, и нам удалось получить неопровержимые доказательства. Алиша Бэнкс и Ти Рой родственники. Степень родства может установить только экспертиза, которую невозможно произвести без разрешения Алиши, а именно оно и требуется, чтобы сделать пересадку костного мозга. Алиша просто боится подтверждения, она боится доказательства того, что она и Ти Рой брат и сестра. Сильнее любви только страх».

Что происходило со мной далее, я внятно описать не могу. Идея сильной, но запретной любви поселилась в моей голове и рвалась наружу невероятными образом, которую я не смог ничем выразить, кроме… музыки.

Я не понимал смысла происходящего, просто застыл перед монитором и мычал какую-то мелодию. Она повторялась снова и снова, пока не обрела достаточно определенную форму, которую я записал на диктофон в телефоне.

Но я на этом не остановился. Я продолжал видеть образы, которые влетали в мою голову морозным вихрем, заставляя тело покрываться мурашками и дрожать. Мне казалось, я схожу с ума, но это было не так.

Утром я понял, что сочинил мелодию песни. И даже придумал слова, которые идеально укладывались в нее.

Еле дождавшись вечера, когда рабочий почтовый ящик заснул, я засел за кухонный стол с блокнотом и ручкой и переписал текст с диктофона. А потом в дело вступила магия –

ручка летала над листком, строчки стройным рядом укладывались в текст истории, в основу которой легла история Алиши и Ти Роя. Но постепенно смысл приобрел другую форму. Я стал рассуждать чисто гипотетически. Ведь в этой истории могут быть обе стороны правы. Что будет, если влюбиться в лучшего друга? Безответно. Это будет очень жестокая любовь. И дружба явно победит, потому что она сильнее любви.

Хотя… Откуда мне знать? У меня никогда не было преданных друзей, я никогда не был ни в кого влюблен. Я даже понятия не имею, что чувствует человек, когда влюбляется, или что чувствует по отношению к другу. Я представил ситуацию, когда два друга влюблены в одну девушку. Чувства или дружба? Что должно победить в итоге? Вариантов развития оказалась масса, как и путей выхода из ситуации. Но все это было явно не то, что я хотел выразить при помощи слов. Вопросы дружбы и любви волновали меня как никогда. Я был так возбужден своим исследованием, что не заметил, как перевалило за полночь, а таблетки я должен был выпить еще в десять вечера. Но мне было не до этого – рука отказывалась отрываться от бумаги, покрывая пастой все новые и новые листы, сочиняя текст, который я тут же примерял на мелодию, льющуюся из динамика телефона. Сам того не понимая, я написал песню. Песню, которая впоследствии перевернула с ног на голову не только мою жизнь.

Брэдли

США, Калифорния, Лос-Анджелес

Брэдли читал длинный меморандум, составленный финансовым отделом, и битый час пытался вникнуть в смысл. Говорилось о каких-то убытках и неустойках, жирными чернилами в тексте были выделены даты и цифры, но их близость и величина были нереальными. Ну вот хотя бы это: *«Ежедневная сумма убытков, включая упущенную выгоду и бла-бла-бла, составляет $20 000, указанная сумма показывает еженедельный рост бла-бла-бла. Руководству необходимо принять строгие меры по предотвращению получения прямых убытков тчк»*.

Ну как убытки могут составлять двадцать тысяч долларов в сутки? А через неделю счетчик, что, удвоится? Этого просто не может быть, так не бывает. И потом, в отчете финансистов явная ошибка – они под прямыми убытками считают упущенную выгоду. Ну это ведь неправильно. Брэдли снял очки и откинулся на спинку кресла.

Святые панталоны Мадонны, что же делать?

О том, что ситуация быстро выйдет из-под контроля, не догадывался никто. Казалось бы, вполне житейская ситуация: попал человек в автокатастрофу. Не сама же артистка, а всего лишь ее муж. И нужно было приложить максимум энергии вселенной, чтобы эта драма взвинтилась до неимо-

верных высот и вышибла Алишу Бэнкс из колеи окончательно. Они оказались разделенными в детстве родными братом и сестрой. И нашли друг друга в качестве влюбленных, а этот случай с Ти Роем все расставил по местам. Алиша впала в дичайшую депрессию, из которой не может выйти уже полгода. Ее менеджер не может внятно объяснить, когда она придется в себя и придет ли вообще.

А в шоу-бизнесе важны сроки. Если график составлен и утвержден, под него подписывают контракты, берут кредиты и активно вкладывают деньги. Алиша ушла в самый ответственный момент, когда практически все было готово к запуску нового альбома. Куплены эфирное время, тексты, музыка, костюмы отправлены на отшив, арендованы залы под концерты, оплачен листинг во все торговые сети на продажу нового диска… Миллионы долларов зависли в воздухе.

Генеральный продюсер Джейкоб Коннор был на грани отчаяния. Умеющий сохранять спокойствие в разных ситуациях, в этот раз он не сдержался. Наверное, возраст сказывается. Все-таки именитому продюсеру почти шестьдесят, а в этом возрасте трудно, знаете ли, справляться с преградами, которые не можешь перемахнуть одним усилием воли, как в молодости. Ежедневно он вызывал к себе Брэдли и требовал позитивных отчетов о проделанной работе по поиску новой звезды, но Брэдли ничего не мог ему предложить.

Брэдли терзала мысль, что сейчас – тот самый шанс, который он может упустить. И тогда ему уже никогда не вы-

браться из выгребной ямы. Коннор доверил Брэдли запуск нового проекта, а он никак не может найти то, что нужно. Не за горами еще тот день, когда Брэдли стоял под крышей супермаркета и смотрел, как жук ускользает от капель дождя, каждая из которых раза в два больше его самого. В тот момент Брэдли чувствовал себя точно так же. Тогда он еще работал на отца, и тот в любой момент мог его раздавить, уничтожить и даже не вспомнить о том, что Брэдли – его сын. Мама отца, к сожалению, всегда поддерживала. Потому что она – актриса кино и для нее самое важное, чтобы в мире кинематографии не произошло ничего такого, что могло бы бросить тень на нее. Тогда он думал даже о самоубийстве. Жизнь казалась никчемной и пустой. Брэдли не удалось добиться ровным счетом ничего под опекой отца. Он только создавал проблемы. И, если бы не его брат Джоуи, интуитивно учуявший, что у Брэдли проблемы, непонятно, чем бы все закончилось.

К тому моменту Джоуи, в отличие от брата, сделал хорошую карьеру, получил серьезные контракты на работу в американских сериалах, несколько предложений от именитых режиссеров на съемки в полнометражном кино. Ему удалось выйти из-под власти отца, он даже сумел организовать безболезненный выход из семейного бизнеса и нанял стороннего агента. Они с братом росли в тяжелые времена набора высоты материнской карьеры и видели, что и как делает отец, чтобы, с одной стороны подтолкнуть жену на вершину, а с

другой – чтобы полностью и безоговорочно подчинить ее себе. Ни один из них не желал оказаться на месте матери. Отец Брэдли и Джоуи владели одной из крупнейших компаний в британской киноиндустрии.

Джоуи помог брату не сойти с ума. Он перевез его к себе и обещал, что придумает что-нибудь. И на самом деле придумал.

Медленно, но верно Брэдли постигал продюсерское мастерство под опекой брата. Он посещал курсы именитых продюсеров и разных мошенников, читал литературу и сдавал профессиональные экзамены (благо образования для этого хватало). Со временем брат втянул его в агентскую деятельность, и Брэдли стал заниматься его делами. Когда Джоуи получил несколько предложений из Америки, он отправил туда Брэдли, и у него все получилось. Может быть, Брэдли несколько прогорел в гонораре, но зато выбил максимально выгодные условия по творческой линии: Джоуи получил своего персонажа во франшизе, а это означало, что как минимум три фильма ему обеспечены.

Брэдли почти год прожил в Лос-Анджелесе, работая на брата, и обзавелся еще троими актерами, когда Джейкоб Коннор пригласил его в «Коннор Дистрибьюшн» продюсером. Сначала Брэдли отказался – он не хотел бросать работу с братом, но Джоуи, услышав о предложении Коннора, тут же отреагировал:

– Не вздумай отказываться. Ты мой агент до смерти, и это

ничего не изменит. Коннор мужик адекватный, объясни ему, что не бросишь меня по-братски, но в шоу-бизнес музыкальный залезть ох как хочешь. Это твой шанс самому сделать что-то и доказать всем, чего стоишь. Если откажешься сейчас, не простишь ни себя, ни меня. Так что не глупи, соглашайся.

И Брэдли согласился. Он помогал Коннору с проектом Алиши Бэнкс. Но потом случилось страшное, Алиша узнала, что она родная сестра своего мужа, и впала в глубочайшую депрессию. Коннор сильно забеспокоился о проекте, но не оставлял попыток вернуть Алишу к жизни. Время показало, что это бесполезно, женщина была раздавлена и не хотела ничего.

Коннор и Брэдли занялись поиском нового артиста. Они проводили по пять-семь встреч в день с музыкантами, которые мечтали перебежать к Коннору, но ни один из них не подходил. Дело в том, что аудитория Алиши – молодые люди и девушки от шестнадцати до тридцати, это очень требовательная аудитория, которая не клюнет на новые ворота старого замка. Нет, если до запуска в «Коннор Дистрибьюшн» артист был хоть как-то известен, он точно не подходит: на нем навсегда навешан ярлык «среднячка». Каждый день в офисе проходили совещания, на которых устраивались мозговые штурмы. Была передумана масса вариантов. Собрать группу из «среднячков», оживить давно ушедших артистов, создать еще один проект с уже действующими артистами. Но

ни один вариант не давал никаких гарантий. Риски были высоки. Тут нужно было что-то необычное, свежее. Еще никому ранее не известное. Новый проект был нужен как воздух, а взять его было совершенно неоткуда.

Состояние Брэдли было близко к отчаянию.

Глава 4

Игорь

Россия, Москва

В половине девятого утра в прокуратуре было еще тихо, а Игорь уже стоял перед дверью первого помощника прокурора с ходатайством об экстренном включении в программу защиты свидетелей Саши Лаврова. Прокурор пригласил Игоря в кабинет около одиннадцати, а в два часа дня у него уже было необходимое разрешение со всеми необходимыми подписями. Вооружившись бумагами, Игорь отправился за город, в клинику к Саше Лаврову. Доктор незамедлительно принял документы.

– Поздно вечером мы сделаем операцию. Пациент уже высказал свои пожелания, и это вполне в наших силах. После операции он будет неузнаваем. Во время реабилитации я посажу его на гормональную терапию, у парня истощение и нарушение обмена веществ. Через месяц-два швы снимем, и он будет готов к новой жизни.

– Мне нужно с ним переговорить, – сказал Игорь.

– Увы, он на процедурах, и беспокоить его нельзя. Может быть, это то, что вам нужно? – С этими словами доктор протянул Игорю конверт. Игорь вскрыли и посмотрел внутрь.

Три листа, на которых простым карандашом изображено лицо человека в разных ракурсах.

– Да, это все.

Игорь вышел из кабинета, не попрощавшись с доктором.

* * *

В своем офисе он повесил рисунки на пробочную доску и долго вглядывался в лицо Наркобарона. Саша очень подробно изобразил человека лет пятидесяти с крупным мясистым носом, курчавыми длинными волосами и круглыми глазами. На втором и третьем листах изображено это же лицо – вид слева и справа. Справа у него был большой шрам от виска до подбородка, волнистой линией. Барон не носил усов или бороды, у него не было очков. Только серьга в левом ухе.

В конверте было еще письмо. Саша написал всего две строчки:

Татуировка со словом «Дары» на левом предплечье.
На обеих ногах отсутствуют мизинцы.

Игорь занес фоторобот в базу, составил рапорт и отправил в ФСБ. Все, выезд Наркобарону из России запрещен. В течение двух суток его добавят во все розыскные базы.

* * *

На следующее утро Игорю сообщили, что операция Саши Лаврова прошла успешно, начали процесс подготовки новых документов. Ему присвоили имя Дмитрия Грановского и состарили на один год. В отношении Наркобарона возбудили уголовное дело и одновременно объявили его в розыск, приостановив производство по уголовному делу до тех пор, пока не закроют розыскное. Игорь запросил все документы по делу из Иркутска, и через неделю его кабинет напоминал офис Шерлока Холмса – повсюду кипы бумаг, пришпиленных к доскам фотографий, бесконечные схемы и графики. Он работал практически круглосуточно, уезжая домой, только чтобы принять душ и сменить одежду. О нормальном сне Игорь и вовсе забыл.

За окном, не прекращаясь, лил дождь, из больницы приходили сообщения о состоянии здоровья Саши Лаврова. Он быстрыми темпами идет на поправку, увлекся музыкой. Психологи работают над программой его социальной реабилитации. День сменяла ночь, и снова наступал день. Время утекало сквозь пальцы. Одно лишь не менялось. Игорь никак не мог забыть Марину, врача «Скорой помощи», которая тогда буквально спасла жизнь бомжу Валере и его жизнь. Эта женщина никак не давала ему покоя. Ее упертость и непослушание задели его за живое. Еще никто и никогда не смел

ему перечить. Игорь вспомнил допрос Марины, который он организовал перед вылетом в Москву. Это был провал, но ему нужно было убедиться в том, что он ничего не упустил. Игорь ночами прокручивал в голове эту схему захвата заложников и пытался докопаться до истины: в какой момент он не придал значения интуиции? Ведь Игорь знал, что бесцельный террористический акт – это ширма, за которой прячется более серьезное преступление. Почему он не обратил на это внимание? Почему даже не подумал об этом?

Если бы можно было отмотать время назад, он поступил бы правильно: вышел бы из здания с заряженным тротилом бомжом и отдал бы приказ срочно выехать в особняк Лавровых группе спецзахвата. Потому что в эти самые минуты, когда все мобильные силы сконцентрировались на площадке возле отдела УВД, в особняке Лавровых в результате вооруженного нападения скрутили и похитили жену и дочь ныне покойного бывшего начальника госнаркоконтроля. Все просто, эта схема стара как мир, и о ней рассказывают в любом университете юристам на курсе оперативно-розыскной деятельности. Но никто не догадался, что Наркобарон использует эту схему. Ни опера, ни следователи, ни даже он, Игорь Романов. На недочеты других Игорю было плевать, но что он сам прошляпил такой трюк, простить себе не мог.

В Москве ему устроили разбор полетов, но тогда Игорю было плевать. Его достоинство было ущемлено, профессионализм поставлен под сомнение. И кем? Каким-то там

необразованным, недалеким цыганом, возглавляющим шайку наркобарыг.

А во всем Игорь винил эту докторшу! Ну конечно, он был так поражен ее действиями и непокорностью, ее бесстрашием и решительностью, что совершенно не обратил внимания на то, что это все – классическая ловушка, выпустил из вида все, что должен был строго контролировать, и совершенно забыл о мерах предосторожности. Он подверг опасности не только ее саму, бедного бомжа, но десятки жизней, включая жизни Елены и Лизы Лавровых! И все из-за бабы!

Эта мысль настолько поразила Игоря, что он еще долго гонял ее туда-обратно. Он вызвал Марину и устроил допрос в своей манере. Так, как делал это всегда. И получил отпор и безоговорочное фиаско.

А ширма сработала. Взрыв прогремел именно тогда, когда Лавров-старший оказался около управления. Смертница взорвалась в толпе зевак, собравшихся у входа. Рвануло так, что все, кто находился в здании, оглохли. Когда они вышли из своего укрытия, которое все считали опасным местом, крыльцо и площадку перед управлением заливала кровь. А за городом, в особняке Лавровых, подручные Наркобарона уже совершили нападение на жену и дочь Лаврова-старшего.

И во всем виноват он, Игорь Романов.

Игорь снова вернулся мысленно к допросу Марины. Как же она была напугана в тот день. Когда Марину доставили на допрос на следующее утро после взрыва, Игорь решил не

спешить и стал наблюдать за ней из соседней комнаты, отгороженной односторонним зеркалом. Для Игоря стало неожиданностью то, что она боится. Скоро, скоро он зайдет в кабинет и станет задавать ей неприятные вопросы, после которых она точно его возненавидит, а Игорь забудет о ней и спокойно вернется в Москву. Марина ждала, секретарь допроса тоже, а Игорь все медлил. Пусть поволнуется, думал он, пусть. Она должна быть полностью измотана и ждать возможности рассказать все, что только можно. Когда у нее в голове сложится идеальная картинка ее преступления, Игорь просто по зернам вытащит пазлы, из которых позже сложит обвинение.

Решив, что время настало, он вошел в комнату для допросов, молча и деловито сел напротив и спросил:

– Сколько вам заплатили?

Марина растерялась. Ее глаза округлились, брови поползли вверх, но потом она взяла себя в руки и прищурилась. Игорь с трудом выдержал этот взгляд. Марина думала, и он почти слышал, как у нее в голове щелкают механизмы, отмеряющие ленты информации, которые сканирует ее мозг. Наконец она улыбнулась, а потом засмеялась.

– Что смешного? – не понимая, спросил Игорь.

– Простите меня, – сквозь смех ответила Марина, – через минуту я возьму себя в руки, еще раз простите!

Из кармана форменной куртки она достала чистый хлопковый носовой платок и промокнула глаза. Через пару секунд женщина действительно взяла себя в руки, убрала пла-

ток и сказала:

– Давайте по порядку. Я не поняла вашего вопроса. И я не понимаю, почему вообще здесь нахожусь. Я не хочу отнимать у вас время, поэтому, пожалуйста, уточните свой вопрос.

– Сколько вам заплатили за то, чтобы вы отвлекали меня? – спросил Игорь.

Марина снова засмеялась:

– Простите, я сейчас успокоюсь, правда, простите!

Игорь держал себя в руках, но это давалось ему с трудом. У него на языке вертелось множество оскорбительных фраз и еще сотня-другая вполне нейтральных, но жутко обидных. Он решил приберечь их до тех пор, когда у Марины закончится бравада.

– Уф, кажется, я закончила, – сказала Марина.

Ей потребовалось еще несколько минут на то, чтобы снова промокнуть глаза, а потом она глубоко вздохнула и сказала:

– Насколько я понимаю, вы совершили ошибку, но никогда не признаете, что допустили ее по своей вине. С чего-то вы решили, что меня послали, чтобы я вас всячески отвлекала от дел государственной важности. Смею вас разочаровать, Игорь, я не получила за эту работу ни рубля, больше того, это не был даже мой рабочий день. Меня вызвал начальник в мой законный выходной, потому что в этот день было много вызовов и бригад «Скорой помощи» просто не хватало. Я попала в ваш участок совершенно случайно и не была за-

интересована в том, чтобы отвлекать вас. Я выполняла свою работу. И выполнила ее отлично, с риском для жизни.

«В отличие от вас» – явно услышал Игорь, хотя Марина этого не произнесла.

– Вы всячески старались удерживать мое внимание, – сказал Игорь.

– Нет, это вы отвлекали меня своими расспросами, вместо того чтобы думать, анализировать и принимать решения. А теперь обвиняете меня.

– Мы проверим достоверность сведений, которые вы изложили, – сухо ответил Игорь, – я прошу вас не покидать пределы города.

– Договорились, – ответила Марина и улыбнулась. Она явно чувствовала себя победительницей в этой схватке.

Игорь молча встал со стула.

– Игорь, мне очень жаль, что так вышло, – сказала Марина, – я не хотела, чтобы мое присутствие заставило вас забыть о ваших обязанностях. Игорь последний раз посмотрел на Марину и вышел.

* * *

Информация, предоставленная Мариной, оказалось правдой. Она действительна в этот день была выходной и отдыхала на даче с друзьями, каталась на лыжах. Ее срочно вызвали на дежурство, так как в смене не хватало врачей. Уди-

вительно, но Игорь чувствовал вину за этот допрос. И больше того – Марина никак не выходила из головы. Она то и дело напоминала о себе в лицах проходящих мимо женщин, в телефонных звонках от коллег. Он везде будто слышал ее голос, и это сводило его с ума. Он улетел из Иркутска, и она вместе с ним у него в голове.

Игорь не нашел другого выхода кроме как позвонить Марине. Она была не очень рада услышать его, но когда он сказал, что хотел бы извиниться, ее голос немного потеплел.

– Вы знаете, что приличные мужчины извиняются лично? – сказала Марина.

– Но я в Москве, – растерянно ответил Игорь.

– И я, – сказала она. – Завтра уезжаю за границу, в отпуск.

– У меня много работы, – зачем-то стал оправдываться Игорь.

– Что ж, это ваше дело. – Марина тут же повесила трубку.

Снова она его унизила. Еще никто не смел бросать трубку, когда Игорь не договорил. После телефонного разговора с Мариной Игорь весь день не мог сосредоточиться на текущей работе. В конце концов он решил, что так дальше не может продолжаться, и позвонил Ирине. Она лучший способ выкинуть Марину из головы. Ира умеет заставить забыть обо всем. Игорь предупредил девушку, что вечером приедет. Но встреча с Ириной не решила проблему. Марина все равно не выходила из головы, и тогда Игорь ей позвонил вновь.

– Где вы? – резко спросил он.

– В гостинице, Ленинградское шоссе, – с испугом в голосе ответила Марина.

– «Золотое кольцо»? – уточнил Игорь.

– Да.

Около гостиницы Игорь оказался только через полтора часа. Припарковав машину у входа, он вышел из автомобиля и заметил Марину. Она стояла у главного входа в легком светлом пальто, ежилась от мороза.

– Я бы позвонил, как подъехал, – сказал Игорь, – не обязательно мерзнуть здесь, на улице.

– Ой, да бросьте, Игорь, – улыбнулась Марина, – вы бы струсили прямо здесь, дальше бы и шагу не сделали. Поэтому я решила поймать вас тут. Вообще я сидела в лобби и увидела, как вы подъехали, и сразу же вышла. Видите, входная дверь стеклянная, из лобби отлично просматривается парковка.

Игорь не знал, что сказать. Марина молча смотрела на него. Что в ней его так зацепило? Обычная женщина. Красивая. С толстым хвостом волос, нежной шеей, вокруг которой повязан легкий шарфик небесного цвета. Трогательные маленькие ножки в сапогах на высоком каблуке. Руки в карманах.

– Давайте зайдем в лобби, хочется чего-то горячего выпить, – сказала она.

– У меня мало времени, – сказал Игорь.

– Тогда зачем вы вообще приехали? Я сомневаюсь, что

вы проделали столь долгий путь, чтобы извиниться. Игорь, скорее всего, вы не женаты. Ведь мало какая женщина согласится ждать вас из постоянных командировок. Едете домой с работы. Домашних животных у вас нет. Друзей и подруг, наверное, тоже. Хотя дама для любви есть, но без взаимности с вашей стороны. Куда вам торопиться? Я вас не покусаю, не бойтесь. Пойдемте выпьем по чашке кофе, и вы поедете дальше наслаждаться одиночеством.

Игорю в очередной раз нечего было возразить этой женщине, и он проследовал за Мариной в лобби. В тот вечер он так и не извинился, а домой приехал далеко за полночь. Они проговорили с Мариной несколько часов. Игорю было легко и приятно, а когда Марина поблагодарила его за вечер и отправилась в свой номер, он поехал домой. Всю дорогу он улыбался, не понимая, что с ним происходит.

* * *

Утром следующего дня пришло сообщение, что в аэропорту Домодедово был задержан мужчина, подходящий под описание, составленное Сашей Лавровым. Игорь связался с линейной группой и попросил их задержать подозреваемого до его приезда. Он прибыл в аэропорт на экспрессе. Влетев в аэропорт, Игорь был сопровожден в комнату, где сидел напуганный цыган и злобно на всех смотрел. Он действительно был похож на Наркобарона, только одет бедновато. И летел в

Шарм-Эль-Шейх с семьей, которые, окоченев от ужаса, стояли за дверьми.

– Снимайте носки, – велел Игорь.

Работники полиции удивленно посмотрели на Игоря, цыган был напуган.

– Сейчас же снимайте свою чертову обувь! – заорал Игорь.

Цыган соскочил со скамейки и стал стягивать ботинки, а потом носки. Игорь терпеливо ждал. Мизинцы были на месте.

Игорь вышел из комнаты ни с чем. Естественно, цыган бы так просто себя не выдал. Глупо было решить, что это действительно мог оказаться Наркобарон.

Наверное, это был его брат или просто очень похожий человек. Наркобарон проверяет, сказал ли Саша о нем или нет, задержат его в аэропорту или нет. Теперь он знает, что следствию известно все. Может быть, это к лучшему, теперь Наркобарон попробует нелегально покинуть страну, и есть шанс его поймать через агентурную сеть.

Игорь направил операм документы по задержанному в аэропорту мужчины для проведения проверки. Пиликнул телефон. Смс.

«*У меня сердце чуть не разорвалось, когда я увидела тебя в аэропорту. Слава богу, что ты там был не из-за меня. Хорошего дня. Марина*».

* * *

Начальник Игоря редко проводил планерки и не очень любил совещания. Свои распоряжения он отдавал подчиненным по телефону персонально каждому и позволял им делать все, что они считают нужным. Полная свобода в рамках закона. Поэтому, когда телефон Игоря оживился в пять утра и на дисплее появилось «Шеф», Игорь удивился, но еще больше он забеспокоился, когда босс велел приехать в офис к шести утра для экстренного совещания по делу Димы Грановского.

В начале седьмого Игорь уже сидел в кабинете напротив босса. Начальнику чуть больше шестидесяти, у него благородная седина в висках, но бодрое и здоровое лицо. По сравнению с ним Игорь выглядит как уставший от жизни онкологический больной, с изможденным лицом и глубокими морщинами. Игорь следит за здоровьем и фигурой, но ничего не может поделать со своим лицом, по которому паутиной раскинулись морщины, оттягивая уголки рта вниз и бороздя кожу на лбу. Босс же был человеком открытым, ничего не утаивал, регулярно плавал в бассейне и питался здоровой пищей. Поэтому он выглядел здоровым и полным сил, хотя последний раз в отпуске был еще в начале двухтысячных.

– В половине восьмого к нам приедут люди из ФБР. Они интересуются делом Димы Грановского и хотят принять ак-

тивное участие в поисках Наркобарона, – сказал босс.

– Они всерьез думают, что Наркобарон сдаст им свои верхи? – удивился Игорь.

– Больше того, они рассчитывают на это, и у них есть план. Мне звонила женщина и сказала, что на встрече будет одна, и просила твоего присутствия. Не удивляйся ее тактике, ты ни разу не встречался с нашими американскими коллегами, поэтому тебя это может удивить.

Женщина из ФБР его не поразила. В духе американского кино она была скупа, деловита и в идеальном черном костюме. На вид ей было чуть за сорок. Она свободно говорила на русском языке и хорошо разбиралась в российской юрисдикции. Она явилась без опозданий, ровно в половине восьмого, извинилась за столь раннюю встречу, объяснив это категорически плотным графиком, и поблагодарила присутствующих за оказанное уважение. Ее звали мисс Томпкинс, но она просила называть ее Клэр.

Клэр довольно бодро резюмировала состояние дела, и Игорь с удивлением ее выслушал. Ему было интересно, откуда у нее столько информации о секретном в общем-то деле. Чуть позже женщина ответила и на этот вопрос:

– Мне не потребовалось даже обращаться в АНБ, чтобы получить необходимую информацию. Ваша система насквозь порочная, информация утекает как из дырявого ведра. Я не раскрою своих информаторов, но скажу, что они куда ближе к этому офису, чем вы думаете. Мне неизвест-

но новое имя Саши Лаврова, но я знаю, что ему изменили внешность и сделали новые документы, я также знаю, что он будет жить в Москве. Этой вводной информации достаточно для любого мало-мальски адекватного киллера, чтобы выследить цель и убрать. По моим сведениям, у парня очень небольшие шансы дожить до лета.

Начальнику Игоря, видимо поплохело, он сначала покраснел, а затем почернел. Ему явно не понравилось, что мисс Томпкинс начала с обвинений в адрес его коррумпированности и несколькими точными ударами отправила в нокаут систему защиты свидетелей.

– Перед тем как я изложу свой план, позвольте посвятить вас в некоторые вопросы. Наверное, вам известно, что в США существует особая программа защиты свидетелей под названием «Замена объекта», но на случай, если вам неизвестно, я расскажу немного о ней. Эта программа на протяжении долгих лет внедряет в разные сферы бизнеса людей, которые трудятся и вживаются в компанию или госорганы и работают там на ведущих должностях, а когда программе «Замена объекта» понадобится место для свидетеля «под защитой», наши люди помогают устроить свидетеля в компанию.

– А как вы можете естественным путем это организовать? – поинтересовался Игорь.

– Путем лоббирования интересов, – ответила Клэр. – Позвольте мне продолжить. Под каждого свидетеля выделяют-

ся деньги. В зависимости от важности бюджет колеблется от миллиона долларов до сорока. Сейчас свидетель, который может выдать нам Наркобарона, стоит тридцать миллионов. Эти деньги предназначены для того, чтобы качественно внедрить свидетеля и организовать его безопасность.

– И зачем это все нам? – спросил босс.

– Сами вы никогда не поймаете Наркобарона. Только мы можем это сделать, – ответила Клэр.

– Вы слишком высокого мнения о себе, – сказал Игорь. Агент Томпкинс ему не нравилась, и он всем видом старался это показать.

– Я думаю, мне придется раскрыть еще несколько своих козырей. Я не была до конца с вами откровенна. Посмотрите вот на этот файл.

Она передала каждому по картонной папке, в которой был один лист бумаги, распечатанный на цветном принтере. Это была анкета свидетеля, которая в зашифрованном виде размещалась во внутренней базе программы защиты свидетелей. Новое имя Саши. Несколько его фотографий до изменения внешности и медицинская карта с описанием изменений, датой операции и всеми реквизитами, включая серию и номер нового паспорта, который ему выдадут, когда смогут сделать снимок с новой внешностью. Здесь же был указан адрес клиники, в которой Саша проходит курс реабилитации и его новый домашний адрес, куда он поедет после того, как покинет клинику. Ниже был список предприятий, куда,

возможно, Диму трудоустроит служба. И здесь же подробнейший план по возвращению Саше Лаврову наследства через реализацию выморочного имущества и сложной системы бюджетных зачетов. Поскольку он числится без вести пропавшим, денег со счетов родителей Саша получить не может, недвижимость и прочее имущество продать нельзя.

– Чтобы добыть эти сведения, мне потребовалось два дня и триста долларов. Теперь вы понимаете, о чем я говорю? Вы не сможете защитить единственного человека, который может опознать Наркобарона. Ни один цыган не доживет до суда, они отгрызают себе языки, раздирают грудную клетку и останавливают сердца прямо руками. Они делают все, чтобы не выдавать отцов. Это бесполезно. Только Саша Лавров может помочь властям взять Наркобарона.

Босс снова почернел от злости. Игорю было неприятно смотреть на него, на его слабость. Сам Игорь был готов к тому, что информация может утечь, но его также сильно поразило, с какой скоростью американка узнала все подробности. И как дешево. Никто не отрицает, что в нашей стране все коррумпировано, но насколько легко работает эта коррупция! Если в законном порядке получать эту информацию, на это могут уйти месяцы! Сама от себя система защищена очень хорошо, процедуры работают безотказно, долго, надежно. А в обход – еще безотказнее, еще надежнее для заказчика и значительно быстрее.

– Я слушаю ваше предложение, – наконец произнес босс.

– Мы готовы обеспечить Диму Грановского всей защитой, которая ему необходима. «Замена объекта» обеспечит ему внедрение в любую сферу, где он может прижиться без отторжения. У нас есть отлаженный механизм помещения охраняемых граждан в безопасную среду. Там, куда мы планируем поместить Сашу Лаврова, у нас очень надежный агент, который работает на нас почти двадцать лет и внедрил не одного свидетеля по программе.

– Вы хотите сделку с Наркобароном? – Игорь сразу понял, к чему ведет Клэр, и решил задать вопрос в лоб.

– Да, мы дадим ему что угодно, даже свободу. Если он сдаст нам верхушку.

– А что потом будет с Димой? – Игоря почему-то волновала судьба парня. И он решил сразу понять, что с ним будет.

– Он пожизненно будет внедрен в систему и выйдет из нее только по двум причинам: либо захочет сам, либо умрет. Кроме того, мы согласны добавить обвинения России к обвинениям США и разрешить участие российского прокурора в процессе. Вы спасете своего свидетеля.

– Нам нужно об этом подумать, – сказал босс, не дав Игорю задать главный вопрос.

– Я вышлю вам проект соглашения, которое с нашей стороны подпишет генеральный прокурор. Вы внимательно ознакомитесь со всеми пунктами. Есть одно условие: если Саша Лавров не будет согласен с этим предложением, российская сторона должна прекратить его защиту.

– Вы хотите его вынудить? Показать, что мы сами не можем обеспечить его защитой? – разозлившись, спросил босс Игоря.

– Да, и это правда, – сказала Клэр, встала и вышла не попрощавшись.

* * *

Когда за агентом Томпкинс закрылась дверь, Игорь и его начальник остались наедине. Игорь был в замешательстве, но пара мыслей уже созрела. Во-первых, Клэр явно что-то не договаривала, поэтому Игорь ей не доверял. Он подозревал, что американские коллеги с легкостью пожертвуют Сашей ради своих целей. Он станет их пешкой, которую в нужный момент они подставят и окажутся в дамках. Жизнь одного российского паренька не значит ничего, если на кону большие шишки, которых может выдать барон. А во-вторых, если суд над Наркобароном состоится в США, то вполне вероятно, американские коллеги предложат ему сделку и также поместят в программу защиты свидетелей. Они простят ему все преступления, когда он заговорит. И преступник будет жить счастливо, ни в чем не нуждаться. Человек, который убил семью Саши, должен быть наказан. Необходимо восстановить социальную справедливость. Игорь не высказал боссу свои подозрения. Начальник явно был не в духе, и сейчас его было лучше оставить одного. Игорь отправился до-

мой. Ему было стыдно за свою страну. Система порочна, кто угодно может за деньги купить нужную информацию – и ему ничего за это не будет.

* * *

Марина вернулась в Москву через неделю. Игорь очень хотел с ней встретиться, но держался. Он не понимал, почему так упорно пытается уклониться от этой встречи, хотя больше ни о чем другом и думать не мог. Сама мысль, что эта женщина здесь, в одном городе с ним, будоражила его. Это чувство ему было незнакомо, непонятно и… неприятно. Игорь пытался сосредоточиться на работе, но ничего не получалось. В конце концов он сел в машину и поехал к гостинице «Золотое кольцо». Марина говорила, что планирует на обратном пути снова там остановиться, и даже забронировала номер. Игорь не решался выйти из машины, он сидел с заведенным двигателем, чтобы в любую секунду стартануть, если она не дай бог выйдет из гостиницы.

Сжимая руль так сильно, что белели костяшки пальцев, Игорь всматривался в парадную, пытаясь разглядеть сквозь стекло лобби, где она может пить кофе в такое пасмурное утро. И не видел ничего. Наконец Игорь собрался с духом и набрал номер Марины.

– Хотел сказать, что был бы рад вас увидеть, если вы еще в Москве, – сказал он ей.

– Взаимно, Игорь. Если у вас сегодня будет время, то я бы не отказалась выпить с вами кофе или чай, в зависимости от того времени суток, когда у вас будет время. Мой самолет завтра рано утром.

– А что вы пьете сейчас? – поинтересовался Игорь. Он терял надежду разглядеть ее среди посетителей в кафе гостиницы.

– Сейчас я пью латте.

– Я бы тоже не отказался его выпить. Вы в лобби? – спросил Игорь – Сейчас приеду.

– Да, я вас буду ждать.

Он еще немного посидел в машине для приличия. Потом набрался смелости, вышел из машины и быстрым шагом отправился к входу. У входа он попал в толпу людей, которые ожидали своей очереди, чтобы пройти сквозь вращающуюся дверь. В этот момент он вспомнил про эсэмэс, которое она написала ему в аэропорту. Черт! Черт! Игорь развернулся, чтобы уйти, но поток людей подхватил его и впихнул в ячейку, которая повернулась, через секунду он оказался в лобби, прямо на него смотрела Марина, сидящая за столиком напротив входа. Она улыбнулась ему и помахала рукой. Игорю ничего не оставалось делать, кроме как улыбнуться в ответ. Внутри его закипала злоба. Ведь он не хотел идти и уже собирался вернуться в свою машину, люди впихнули его в дверь и буквально усадили за столик к Марине. И какого-то черта он приперся к ней. Ведь их больше ничего не связыва-

ет. Как свидетель она уже давно не интересует следствие.

– Были где-то рядом? – спросила Марина.

– Нет, приехал специально, – ответил Игорь.

– Неожиданно, – улыбнулась Марина. Она явно была приятно удивлена. Ее красивые глаза ликовали.

– Еще как, – тихо ответил Игорь.

Марина некоторое время подождала, очевидно ожидая, что Игорь додумается позвать сам официанта, но он был так растерян, что Марине пришлось прийти ему на помощь и заказать латте самой. Игорь просто сидел и молча смотрел на нее. Он не знал, что говорить. Такого с ним еще никогда не было. Игорь всегда знал, что хочет от той или иной женщины, поэтому брал все в свои руки. В итоге одна родила ему ребенка, другая согревает его постель. Зачем же ему нужна эта женщина, почему он здесь? На эти вопросы у Игоря пока не нашлось ответа. Он не представлял себе, что такое любовь и как живет человек с этим чувством. Что испытывает? Но явно это не те эмоции, которые сейчас переполняли его. Их нельзя назвать приятными. Он хотел уйти и никогда ее больше не видеть и не слышать, но сидел словно заколдованный и не мог оторвать глаз от Марины. Все происходящее было до того странно и необычно, что Игорю показалось, что он спит и видит придурковатый сон, в котором не разберешь, то ли плывешь, то ли на качелях.

– Не напрягайтесь вы так, – прервал его размышления голос Марины. Она улыбалась. – Иначе инсульт будет.

– Но вы же рядом, спасете.

– Точно. Не хотите спросить, как я провела отпуск? – Марина решила взять дело в свои руки.

– И как же? – более расслабленно спросил Игорь.

– Превосходно! Венеция потрясающее место. Я второй раз там была, и снова одна. Но нисколько не жалею об этом. Я могла позволить себе сколько угодно стоять и смотреть на неторопливо плывущие гондолы и пить свое любимое вино, которое продают только в Венеции. И никто меня не торопил, и никому дела не было до того, на что я трачу время. Как вы считаете, имею ли я право на неделю такого безграничного счастья?

Игорь не знал, что ответить ей. Наверное, она имеет на это право. Как и он. И вдруг ему подумалось, что в Венеции он никогда не был и не хотел бы там быть… Один. Потому что теперь, после ее рассказа, он обязательно бы посмотрел на гондолы и купил бы вино. А это неминуемо напомнило бы ему о Марине и о том, что она могла быть рядом. Он повсюду бы искал ее следы, как ищет следы преступников, оставивших свой запах и кусочки ДНК на месте преступления.

– Я знаю, о чем вы думаете, Игорь, – загадочно улыбнулась Марина.

– О чем же? – растерянно спросил Игорь.

– О Венеции без меня.

Он неспешно сделал глоток латте. Теплый кофе мгновенно согрел его изнутри. Игорь никак не мог понять, как этой

женщине удается так точно угадывать его мысли?

– Да, вы правы, Марина. Я думаю, что одному мне там теперь делать нечего. Все будет напоминать о вас, – неожиднно для самого себя признался Марине Игорь.

– Вы можете поехать в Венецию со мной либо поехать куда угодно, где я ни разу не была или не рассказала вам об этом месте. Что выберете? – Марина заигрывала с Игорем, и ему это было прекрасно видно.

Впервые за все время он точно почувствовал, что ненавидит ее, и это чувство он испытывал на самом деле всегда. В первую их встречу Марина смела ему перечить, не выполняла приказов, от которых зависела ее жизнь, а сейчас она ставит ему ультиматум. Да кто она вообще такая!

– Я думаю, у меня куда больше вариантов, чем эти два.

– Ну не будьте таким грубым, Игорь, – безобидно сказала Марина. – Я всего лишь говорю то, о чем думаю. Как и вы. Правда, сегодня с вами что-то не так. Вы подозрительно тихий и не отдаете приказов. На вас не похоже. – Марина издала легкий смешок, чем еще больше разозлила Игоря.

– Чем планируете заняться, когда вернетесь в Иркутск? Там сейчас, наверное, холодно, – сказал он, стараясь держать себя в руках, чтобы не наговорить грубостей.

Марина улыбнулась и приняла перемену темы:

– Сначала догуляю свой отпуск, еще два дня осталось. Планирую сходить на массаж, поплавать в бассейне, встретиться с подругами. А потом буду работать до самого отпус-

ка – а он у меня в двадцатых числах мая! Представьте, какое счастье? Ждать не просто весны, а весну с отпуском! Как вам?

– У вас есть кто-нибудь?

Игорь сам не понял, как с языка слетел этот вопрос. Уже через секунду он пожалел, что нельзя забрать слова обратно, словно вкусный пирог, затолкать пальцами в рот и крепко сжать зубы, чтобы заскрипели.

– Нет, Игорь, у меня никого нет, – выдохнув, ответила Марина, и ее глаза погрустнели.

За ее ответом явно стояла какая-то печальная история. Игорь чувствовал, но спрашивать не решался. Ему и так был неловко. Что теперь делать с этим ответом? Зачем он вообще ввязался в это? Не зная, что еще можно сделать, чтобы почувствовать себя еще более некомфортно, он отпил кофе, который все еще был обжигающим и приторно-молочным.

– Мне пора на работу, – сказал он. – Я был рад повидаться. Хорошего полета.

– Спасибо вам и удачи, – сказала Марина.

– За что?

– За то, что приехали.

Игорь оставил на столе деньги и ушел, не оглядываясь. В машине он быстро завел двигатель и поехал к Ире. Но ее дома не оказалось. Он открыл дверь своим ключом и вошел. На кухонной плите стояла кастрюля с супом, который он поел. Игорь вымыл посуду и лег на кровать, не раздеваясь. В

голове кружились мысли, которые заглушало эхо: «У меня никого нет, Игорь, нет, у меня никого нет, Игорь, у меня никого…»

– У меня тоже никого нет.

Это прозвучало странно и кощунственно в квартире Иры. Но ему так не казалось. Она знала свое место в жизни Игоря и ни на что больше претендовать не смела. Игорь с безразличием относился к ее чувствам, потому что они для него ничего не значили. Все, что его сейчас почему-то волновало, находилось в отеле на Ленинградском шоссе.

Чтобы не наделать глупостей, Игорь переключился на работу.

Сделку босс принял, и не просто принял. Началось большое расследование с целью установить место, где было «тонко» и прорвалось под относительно небольшим весом американских долларов. Но решение о сделке принималось сепаративно от расследования. Саша Лавров даже не догадывался, что его судьбу давно решили. Причем вот так просто, заключив сделку с США. С мисс Томпкинс Игорь встретился еще раз, где она представила более детальный план. Изощренный и жестокий, как любые меры, принимаемые властями США для защиты своих интересов.

* * *

Дверь открылась. Услышав шаги, Игорь проснулся. Он

сонный вышел в коридор, чтобы встретить Иру, но когда увидел, что она пришла не одна, оторопел. Ира явно не ожидала увидеть его в своей квартире, как и симпатичный парень с длинными блондинистыми волосами. Игорь, недолго думая, вернулся в комнату, взял кое-какие вещи, обулся и уже собирался уходить, но зачем-то решил объясниться.

– Я пришел забрать кое-что, – сказал Игорь. – Не буду вам мешать.

Игорь захлопнул за собой дверь и тут же почувствовал облегчение. Как будто пристроил бедную избитую дворнягу в хорошие руки. Так легко ему никогда не было.

Вася

К моменту, когда у меня в доме появился Дима, я уже потратил два месяца на безрезультативные поиски помощника. Дело было так: мне позвонил Павел Витальевич и сказал, что нашел «идеальный вариант» в лице молодого парня, недавно выгнанного из университетского общежития.

– Почему его выгнали? – спросил я сразу же.

Нет, я, конечно, доверяю Павлу Витальевичу, но все же не хотелось бы связываться с неуравновешенным человеком, да и с раздолбаем тоже. Павел Витальевич, конечно, отморозка мне не порекомендует, но спросить все-таки надо.

– За неуплату. У него тяжелое финансовое положение, но он добросовестный человек. Не переживайте, Василий, Дима хороший парень, идеальный вариант для вас.

Я согласился встретиться с Димой, особо ни на что не рассчитывая. Но когда этот человек вошел в мою квартиру, я, честно говоря, сначала опешил. Вы ничего не подумайте дурного, но Дима Грановский красив как бог. Таких идеальных лиц я не видел никогда. Начиная с аккуратных губ, обрамленных легкой щетиной, и заканчивая зачесанными назад черными волнистыми волосами.

И только когда я вдоволь нагляделся на него, заметил самое главное: скорбь, страх и отчаяние. Все это было так четко написано у него на лице, что я ни минуты не засомневался

в том, что угадал каждую эмоцию. Скорбь повисла на уголках губ, страх вжимал подбородок в грудь, а отчаяние кричало прямо из пронзительно-синих глаз. Он прижимал к животу тонкую холщовую сумку, в которой, по-моему, ничего и не было.

Замерев на пороге, Дима ждал приговора. Наверное, я не первый, кого он посетил в поисках работы, денег или еще чего. Но я не собирался выгонять его, нет, я был поражен. Противоречивость его внешности и внутренних эмоций сбивала меня с толку: стереотипно красивые люди успешны и счастливы. Видеть красивого человека, загнанного в угол жизнью, крайне непривычно.

– Проходите, Дима, – сказал я ему.

Взгляд его глаз потеплел. Он вопросительно посмотрел на кухню, а я согласно кивнул и улыбнулся Диме. Чтобы взбодрить. Мне показалось, что его губы слегка тронула улыбка, но тут же исчезла, словно ее и не было. Все так же прижимая сумку к животу, он нагнулся, развязал шнурки на белых теплых кроссовках, стянул их и аккуратно поставил в сторонке. Куртку, совсем легкую и явно не предназначенную для прогулок в середине марта, Дима снял, сложил в несколько раз и прижал к сумке. Казалось, он хотел быть как можно менее заметным.

На кухне Дима забился в угол, положил сумку и куртку на колени и не проронил ни слова.

– Меня зовут Василий, – сказал я, подъехав к столу, и про-

тянул руку.

Я ожидал хлипкое потрясывание моей руки, но неожиданно получил вполне крепкое, сухое мужское рукопожатие. Еще одно противоречие. Разве могут люди, с виду полумертвые, так крепко жать руку?

– Я Дима, – сказал он неожиданно низким голосом.

– Очень приятно, – сказал я. – Ты что будешь пить? Чай или цикорий? Кофе у меня нет.

Наверное, Дима не знал, что такое цикорий, поэтому попросил чай. На кухонном столе находились чашки, чайник и все, что нужно для чаепития – банка цикория, коробка с чайными пакетиками, вазочка с конфетами. Возле чайника лежал мой блокнот с текстом песни, которую я написал сам не знаю зачем. Я налил нам чай, пододвинул кружку к Диме. Блокнот тут с того самого времени, как я приступил к поиску помощника – в нем, помимо текста, были еще и заметки о всех неудачных собеседованиях.

Он осторожно сделал глоток чая, зажмурился от удовольствия и сказал:

– Очень люблю чай.

Я улыбнулся. Правда, я не знал, с чего начать! Глядя на промерзшего Диму, который любит чай, я почему-то был уверен, что ему помощь нужна была даже больше, чем мне.

– Павел Витальевич сказал, что вам нужен помощник, – неожиданно заговорил Дима. Я думал, что он будет только отвечать на вопросы, а инициатором не выступит никогда.

– Да, все верно. Дима, давай на «ты», мы с тобой ровесники.

– Хорошо, – ответил он с той же мимолетной улыбкой.

– Как видишь, я лишен возможности передвигаться самостоятельно. Мне нужен помощник. Ну, по дому, в магазин, на улицу выйти. Для меня это целая проблема.

– Я понимаю. Мне очень жаль.

– Не стоит, – отмахнулся я. – Ты знаешь, что нужно мне. Теперь скажи, что нужно тебе. Павел Витальевич сказал, что у тебя финансовые затруднения.

– Да, это так. Хотя не совсем так. Павел Витальевич сейчас дает мне деньги, но я не могу больше их брать. Он очень хороший человек, но я не могу сидеть у него на шее.

– Ну это понятно.

– Сейчас он снимает мне комнату, но я взял у него деньги в последний раз, больше не буду. Совесть душит. Я здоровый молодой мужик, должен сам зарабатывать.

– А в чем проблема? – спросил я.

Может быть, мой вопрос и нетактичный, но меня в самом деле удивляет это обстоятельство: Дима действительно молодой, здоровый парень, к тому же красив, так почему он сидит на шее у Павла Витальевича? И как так получилось, что Павел Витальевич дает ему деньги? Они родственники? Надо будет как-нибудь спросить об этом, но явно не сейчас. Дима легко может устроиться, например, официантом в дорогой ресторан и зарабатывать на чаевых приличные деньги.

Это, конечно, если у него нет образования, чтобы осесть в офисе и зарабатывать как любой другой клерк.

Молчание длилось долго. Еще чуть-чуть, и это перешло бы границы приличия. И дальше два пути развития: либо я еще раз задам свой вопрос, и Дима на него все-таки ответит, либо мы распрощаемся.

– Я не стабилен, – ответил он.

Ответ влетел мне в рот, который я открыл, чтобы распрощаться с ним. Я ту же закрыл обратно рот и попробовал пережевать сказанное, но не получилось. «Я не стабилен», что, черт возьми, это значит? Даже мастерица переводов Наташа Беспальцева выражается яснее.

– Что ты имеешь в виду? – уточнил я.

– Мое эмоциональное состояние, – ответил Дима. – Оно не стабильно. Я не могу контролировать свое настроение. Это серьезная преграда для нормального трудоустройства.

Буйный, значит. Ну вот, в тихом омуте Бейонсе зажигает! Павел Витальевич подсунул мне психа. Идеальный вариант в качестве сиделки для инвалида. Конечно, почему нет? Перевернет мое кресло вместе со мной… на балконе и спишет все на психсостояние. Или прирежет в пылу очередного заскока. Не-е.

Тут до меня дошло, что перспектива быть сброшенным с балкона не так далека, как кажется. Ведь Дима может разозлиться, что у него ничего не получилось, и я пропал. Я решил ему тактично намекнуть, что ничего не выйдет и сказал:

– Ну да, ты прав. – При этом я сочувственно вздохнул.

И тут я увидел всю нестабильность Димы Грановского. Нет, он не разозлился, не стал швырять все подряд, не поднял даже руку на меня…Он зарыдал!

Нет, заревел белугой! Спрятав лицо в ладони, он громко плакал, сотрясая плечами. Ей-богу, если бы он стоял, то обязательно бы сполз по стене для полноты образа.

Вытаращив глаза, я смотрел, как Дима рыдает, не в состоянии совладать со своими слезами. Сквозь всхлипы и шмыгание носом я услышал: «Ну воооот видииишь этоооо».

– Ну-ка успокойся! – грозно сказал я.

Зря я это сделал. Слезы потекли еще пуще, Дима упал грудью на стол и завыл практически без остановки. Я откатился к раковине, налил стакан воды и поставил перед ним. Не переставая своего дела, Дима встал, заикаясь, спросил, где ванная, и вышел.

А вы говорите женские слезы нельзя остановить. Тут мужские-то в шок ввергают! За свою жизнь я немало проревел, но такого потока жидкости из организма не видел никогда. Это же до обезвоживания дойти можно.

Минуты через три он появился. Зареванный, с красными опухшими глазами, прерывисто дыша, всхлипывая, но, к счастью, уже не рыдая. Он сел обратно, отпил чаю. По фарфору брякнули зубы. Губа с каждым всхлипом закидывалась в рот. Он старательно отводил глаза, уставившись в блокнот.

– Что-о-о та-ам? – спросил он, кивком указывая на блок-

нот.

Я посмотрел на блокнот. Ну конечно, старательно записывая все, что приходило в голову, я не закрыл его, а оставил открытым, и теперь все мои бредни про дружбу и безответную любовь сотворят второй акт рыданий.

– Это так, – ответил я неопределенно, схватил блокнот, отыскал обложку и захлопнул его.

– «Сильнее, чем любовь», – сказал Дима. – Что может быть сильнее любви? Дружба?

Вот это поворот. Во-первых, парень знает английский, что уже неплохо! Да, мне почему-то оказалось удобнее и проще писать на английском. А во-вторых, он точно угадал мою мысль. Хотя, это, может быть, и не тайна ни для кого, а только для меня было открытием.

– Ну да, я так отчего-то думаю.

– Правильно думаешь, – сказал он и наконец посмотрел мне в глаза.

Этот взгляд меня пригвоздил к креслу еще сильнее, чем инвалидность. Такой силы я никак не ожидал. Длилось это недолго, Дима опустил глаза в свой чай, допил его одним глотком, поставил кружку на стол и сказал:

– Я извиняюсь за это представление, я не собирался его устраивать. И прости за отнятое время.

– Ты уже уходишь? Но я ведь еще не назвал своих условий, а вдруг они тебя заинтересуют?

Да, я собирался взять этого парня к себе на работу. По

нескольким причинам. Мне стало его очень жалко. Я не дам ему столько денег, чтобы он смог жить, как на пособие от Павла Витальевича, но концы с концами сводить сможет. Его нетипичность, которая выражалась во всем: и во внешности, и в поведении, и в этом его «я не стабилен», и в умении принять решение, меня покорила. Я думаю, этот парень чем-то сломлен, он нуждается в помощи… точно так же, как и я.

– Ты серьезно? – Глаза Димы от удивления округлились.

– Да, почему нет? Эта твоя нестабильность выражается только в том, что я видел? – на всякий случай решил я уточнить.

– Да, но обычно это бывает дольше. Дома я реву ночи напролет.

– Ну, это не совсем та причина, по которой я бы отказался от твоей помощи. Что еще?

– Это все. Хотя нет, я понимаю, что ты не можешь платить мне столько, сколько мне нужно, чтобы покупать еду, платить за квартиру, поэтому мне нужно будет найти еще одну работу. Вполне возможно, со временем будет не так свободно.

Я прикинул свои возможности. Сейчас моя зарплата составляет шестьдесят тысяч рублей в месяц, от налога я освобожден, поэтому все на руки. Могу платить ему пятнадцать-двадцать тысяч в месяц, и это нисколько не потрясет мой бюджет.

– Сколько ты хочешь?

– Комната десять тысяч. Дорога сюда – сто рублей. То есть три тысячи в месяц. Ну и тысячи три на еду. Итого, шестнадцать.

– Тебе хватит три тысячи на еду в месяц?!

Нет, поймите меня правильно. Я не зазнался со своими финансами, которые внезапно свалились на меня просто горой (раньше несколько моих зарплат были годовым бюджетом нашей с мамой семьи), но даже в самые тяжелые периоды мы не укладывались в шесть тысяч на еду на двоих! Никогда! На эти деньги просто невозможно прожить!

– Сейчас я трачу не больше полутора тысяч, – ответил Дима. – Я мало ем.

– Экономишь?

– Нет, просто не хочу.

– Понятно.

Я решил не копать глубже в этом направлении, боясь, что Дима снова расплачется.

– Слушай, а я вот что подумал…

* * *

Дима переехал ко мне через неделю. А еще через неделю я не знал, как жил без него. Опять-таки, не подумайте ничего дурного: Дима реально заменил мои ноги. Мы договорились, что платить ему я буду по десять тысяч в месяц, при этом ничего за жилье брать не буду. Он отказывался от де-

сяти тысяч, говоря, что будет помогать мне за жилье, но я настаивал, чтобы десять тысяч уходили в его карман.

Он занял мою комнату, а я переехал в мамину. Мне было тяжело разбирать ее вещи: как физически (на телеге особо не переместишься в пространстве), так и морально. Вещи все еще пахли моей мамой.

Когда я увидел, с каким скарбом приехал Дима, то подумал, что он легко мог разместиться в той коморке под лестницей, где Гарри Поттер жил одиннадцать лет. Ей-богу, у этого парня было два пакета в руках. В одном – верхняя одежда и какие-то тетради, а во втором – кроссовки и мыльно-рыльные принадлежности (одноразовый станок для бриться, дешевый лосьон, зубная щетка, тюбик пасты и гель для душа).

Мы отказались от курьера, все мои поручения исполнял Дима: ездил в офис за документами, привозил переводы на утверждение. Он ходил в магазин, убирался дома, готовил еду. Сначала Дима готовил себе отдельно, но я видел, как он ест (отварную курицу он ел пять дней, пока она совсем не протухла), и я заставил его питаться той пищей, которую он готовил для меня. Готовил он, кстати, превосходно.

Дима согласился, но с условием, что его зарплата уменьшится еще на три тысячи. Я не стал сопротивляться, ведь продукты он покупал за мой счет. Конечно, мне было не жалко заплатить ему эти три тысячи, раздери их Центробанк, но он уперся, как осел.

Постепенно Дима переместился в мой кабинет и помогал выполнять техническую работу – набирал тексты, которые я предпочитал писать от руки, когда правил чужие переводы прямо в рукописях, приводил в порядок рабочий стол, закупал канцелярию, а потом я позволил ему отвечать на свои письма. Дима стал незаменим.

Но он по-прежнему не говорил о себе. Совершенно ничего.

С первой зарплаты он купил домой мультиварку.

– Я умею готовить совершенно потрясающее мясо в мультиварке, тебе понравится, – пообещал он.

Мясо действительно оказалось восхитительным, он просто покидал в чашу мультиварки крупно нарубленные куски баранины, картошку, стручковую фасоль и каких-то сухих травок из загадочных неподписанных пакетиков, невесть откуда взявшихся на моей кухне. Блюдо получилось изумительным! Мы даже распили по бокалу красного вина. А потом Дима предложил прогуляться. Я, честно сказать, побоялся: его по-прежнему периодами душили рыдания, особенно ночью, я то и дело слышал его заглушенные подушкой рыдания. Днем, когда на него накатывало, он закрывался в ванной и долго оттуда не выходил.

Я пытался выяснить у Павла Витальевича причины такого состояния Димы, но он ограничился следующим ответом:

– Это временно, Василий, скоро пройдет. Дайте ему время, он поднимется. Он не всегда был таким. Но больше я

ничего сказать не могу, это личное дело Димы.

И я отстал со своими расспросами от Павла Витальевича, но не оставил надежду выяснить все у Димы. И прогулка была отличным поводом для подобного разговора. Но, увы, ничего не вышло. Едва я подводил к теме его приступов, как Дима перенаправлял разговор в другое русло, не оставляя мне ни малейшего шанса.

– То, что я видел в блокноте, – это стихи? Ты сочиняешь?

– Нет… Это был единоразовый выплеск эмоций. Не знаю, что на меня нашло, просто захотелось, зачесалось срочно выложить все, что я по этому поводу думаю, и получилось то, что, собственно, ты и видел.

– А у тебя есть мелодия? – продолжал свой допрос Дима.

– Нееет, – рассмеялся я. – Какая мелодия? Я же не сочинял песню!

Хорошо, что он стоял сзади и толкал по легкому снежку мою тогда еще старую телегу. Если бы он смотрел мне в лицо, то увидел бы пунцовый румянец на щеках – еще мама говорила, что я совершенно не умею врать. Ни грамма. Сразу краснею, а в детстве начинал пускать пузыри и отводить лукавый взгляд. Даже фотография есть: белокурый карапуз стоит в позе Мэрилин Монро, мордочка красная-красная! Мама говорила, что, перед тем как сделать это фото, меня спросили про Алину, девочку из садика. Я был в нее влюблен, и мама, конечно же, это прекрасно знала, но я не сознавался. Врал, что мы просто друзья.

– А я пишу музыку, – сказал Дима. – Правда, давно этого не делал.

На этом наш разговор закончился, и мы продолжили прогулку в тишине. Каждый думая о своем. Но я сделал себе пометку, положил в копилку еще одно бесценное знание о Диме Грановском.

* * *

Уже через месяц, к концу апреля, мы настолько привыкли друг к другу, что я даже не хотел думать, что будет, если Дима от меня съедет. Между тем такие мысли, оказывается, в его голове сидели прочно.

– Вася, я думаю, мне надо съезжать, – сказал он однажды, вернувшись из магазина.

– Не бросай пальто где попало, повесь в шкаф, – машинально ответил я.

Я был занят очередным опусом госпожи Беспальцевой и совершенно не расслышал то, что он мне сказал. Дима же ничего повторять не стал, молча удалился на кухню готовить ужин.

Только вечером, поедая вкуснейшую солянку, я увидел, что Дима не в настроении. Он возил ложкой по тарелке, не смотрел в глаза и шмыгал носом.

– Не выдумывай, солянка прекрасна! – сказал я.

– Да, вкусная… Ты слышал, что я тебе сказал сегодня

днем?

Я напряг память. И вспомнил.

– Я забыл, прости. Почему ты хочешь съехать?

– Ну потому что я так не могу. То, как я сейчас живу, ничем не отличается от того, как я жил на шее у Павла Витальевича. Ты предоставил мне жилье, кормишь меня.

– А ты помогаешь мне, Дима! – возмущенно сказал я. – Ты что, не видишь, как делаешь мою жизнь настоящей? Без тебя я не мог и половины того, что я сейчас могу! Я все время зависел от доброты дяди Якова, который не забывал выводить меня на прогулку, но раз в месяц, потому что он уже в годах! Я ел только то, что можно было разогреть в микроволновке, которую мне подарил Павел Витальевич, потому что не доставал до плиты так, чтобы можно было готовить нормально! Весь дом на тебе! Дима, ты неоценимый работник!

– Вася, но это ненастоящая работа, это помощь. Если бы ты меня попросил, я бы и так все это делал, мне не сложно. Но ты платишь мне деньги за то, что я тебе помогаю. Это неправильно.

– Ты знаешь, сколько стоит личный помощник? А ты, помимо личного помощника, еще и домохозяин! Это я плачу тебе гораздо меньше, чем ты заслуживаешь!

– О нет. Давай не будем об этом. Я ведь сейчас совершенно о другом пытаюсь тебе сказать. Я предлагаю равноценный обмен: найду работу, буду жить у тебя, а за это делать все то же, что делал раньше. Таким образом, между нами исчезнет

финансовая зависимость. Я буду помогать тебе, а ты – мне. Я силами, а ты – жильем.

Отвоевать обратно мне не удалось. Дима уже все решил для себя и вскоре пристроился на работу курьером. Платили за такую работу двенадцать тысяч рублей, но он был счастлив. Работал он две смены с девяти утра до пяти вечера, потом два дня отдыхал и снова две смены. В свои выходные он разгребал мои дела, при этом теперь зависимым чувствовал себя я. Ведь Дима делает все это из жалости – как когда-то я взял его на работу.

Нельзя сказать, что я чувствовал себя дискомфортно. Некоторое время, пока мы пытались прижиться в этой новой схеме взаимоотношений, между нами возникали неловкости. Например, если раньше я мог спокойно сказать Диме, чтобы он отвез бумаги в офис как можно быстрее, то сейчас я сначала спрашивал, может он или нет. Надо отдать должное Диме: он был чрезвычайно проницательным и чувствовал, когда нужно «сейчас», а когда «сегодня-завтра».

Я не знаю, как так получилось, но нам удалось даже бытовые вопросы свести к минимуму дискомфорта. Дима покупал продукты, которые считал нужными, а я давал ему деньги. Он пытался отвоевать свою часть в виде половины затрат, но я был категоричен: я жру больше, тем более я весь день дома и жую постоянно. А он в полях, только завтракает (один бутерброд и чашка чая) и ужинает (максимум – тарелка супа). Но вся нагрузка по приготовлению пищи, покупке про-

дуктов – на нем. Поэтому я считал это справедливым. Но все равно то и дело я находил в холодильнике продукты, которых не было в чеках. Да, да он после каждого похода в магазин показывал мне чек, хотя я говорил ему, что доверяю.

В общем, как-то так получилось, что наши отношения из трудовых перешли в дружеские. Со временем Дима настоял на оплате части коммунальных платежей, но это были сущие копейки, что я даже не стал брыкаться. За квартиру я платил около полутора тысяч рублей, потому что у меня была скидка в пятьдесят процентов. Вычитаем платежи за регистрацию, итого его доля составляла около трехсот-четырехсот рублей.

* * *

Помните, я рассказывал вам историю Алиши Бэнкс? И вывод зарубежной журналистки о том, что Алиша и Ти Рой кровные брат и сестра? Хоть это случилось несколько месяцев назад, наш журнал эту историю в покое не оставил.

Вторая статья под названием «Утопленница» появилась в моем портфеле и сразу же привлекла мое внимание. Переводила ее все та же Наташа Беспальцева (дал же Бог фамилию), поэтому мне пришлось изложить статью заново. Учитывая, что весь перевод я сделал сам, мне ничего не оставалось, как написать письмо Павлу Витальевичу и отправить копию главному редактору журнала «Лайфф», а также самой

Наташе:

Уважаемый Павел Витальевич!

В штате отдела переводов журнала «Лайфф» работает Наталья Беспальцева, чьи переводы приходят мне на проверку и утверждение. Относительно результатов работы переводчика хочу сказать следующее: они безграмотные. В чистом виде переводы не соответствуют оригиналу, они не передают сути, которую вложил оригинальный автор. Я не вправе оценивать все деловые качества Натальи, однако я вправе оценивать конкретные результаты работы переводчика, в связи с чем настоятельно прошу вас высылать тексты для перевода, минуя Наталью, мне. Каждый раз я перевожу материал заново, а также должен выполнить отчет о несоответствии перевода оригиналу, это отнимает у меня большое количество времени. За весь период работы в холдинге я переделал шесть переводов Натальи, и ни один из них я не утвердил в редакции переводчика.

С уважением,
Василий Ковалев,
заместитель главного редактора отдела переводов

В этот же день я получил массу телефонных звонков и к вечеру сделал вывод: в бизнесе, как и везде, очень важны личные отношения. Мне звонил главный редактор журнала «Лайфф», очень милая женщина, которая спросила, насколько переводы безграмотные. Я ответил ей, что не могу рассуждать по этому поводу по телефону, но с удовольстви-

ем встречусь с ней и Натальей, если необходимо обсудить сложившуюся ситуацию. Потом мне позвонила сама Наталья и, явно в слезах и расстроенных чувствах, спросила, что она «мне сделала такого», что я написал «такое». Почему-то я почувствовал себя некомфортно, хотя это моя обязанность: держать переводчиков на коротком поводке. После всего того, что пережил холдинг из-за якобы «моего» перевода, Павел Витальевич очень серьезно относился к смысловым расхождениям между оригиналом текста и его русским переводом.

По телефону Наташа просила дать ей еще один шанс. Я ответил ей, что такое решение от меня не зависит. Моя работа заключается в том, чтобы четко и ясно дать ответ: соответствует ли перевод оригиналу по смыслу и насколько профессионально отработал переводчик. Показатель работы Наташи Беспальцевой – ноль из шести. Все шесть статей я перевел заново. При этом к каждому материалу мне пришлось заполнить отчет, который составляет в среднем три-пять печатных страниц.

Но на этом звонки не закончились. Следующим позвонила финансовый директор «Лайфф» и с железными нотками в голосе поведала мне, что Наталья Беспальцева бесценный сотрудник, имеющий «всевозможные связи» и «далеко идущие перспективы». Обороты речи у финдира жуткие, согласитесь?

Мне не оставалось ничего иного, кроме как позвонить

Павлу Витальевичу и спросить его, что делать дальше.

– Василий, здравствуйте. Я прочитал ваше письмо. Для увольнения Натальи Беспальцевой мне нужно, чтобы эта ситуация вышла на уровень дирекции холдинга. Ваше заявление весомое, но нужно еще кое-что – объяснительная Натальи, в которой она либо оправдается, и тогда решение будет принимать главный редактор «Лайфф», либо начнет опровергать ваши доводы, тогда решать уже буду я. Ждем комментариев Натальи.

Объяснительная не заставила себя долго ждать. Ее текст был составлен лаконично, иронично и слегка издевательски:

Уважаемый Павел Витальевич!

В свете последних событий хочу пояснить следующее. Мой уровень языкознания Advanced*, я прошла стажировку в Лос-Анджелесе, Лондоне и Нью-Йорке, лично знакома со всеми авторами, чьи статьи перевожу. Я знаю, что и как они пишут и перевожу с учетом особенностей восприятия русским слухом информации, подаваемой из-за границы, я перевожу с учетом нашего менталитета и понимания. Однако, если Вашего заместителя мои переводы не устраивают именно в разрезе моей адаптации, я исправлю эту ситуацию и буду делать так, как того требует Ваш заместитель, точно соответствовать тексту. Прошу Вас не принимать скоропостижных выводов и*

дать мне еще один шанс.
С уважением
переводчик журнала «Лайфф»
Наталья Беспальцева

Скоропостижной может быть смерть, а выводы скоропалительные. Особенности восприятия русского слуха никакого отношения к письменным переводам не имеют, и если говорить метафорами, то можно сказать «чтобы глаз не резало». Боже мой, да она пишет на родном языке так же коряво, как и переводит!

Хочу пояснить один момент: у меня нет уровня языкознания Advanced, я не проходил стажировку в Америке и Великобритании. У меня нет даже лингвистического образования, но я знаю три языка – английский, французский и албанский. Моя мама, царство ей небесное, всю свою жизнь занималась переводами, как письменными, так и устными. И албанский язык – это последний язык, на изучение которого она была нацелена со всей серьезностью. Мама начала учить его, когда ей исполнилось сорок пять лет, и в пятьдесят она уже готовила переводы аналитических материалов для ведущих политических партий России: программы, заявления, справки и прочую ерунду, до самого выхода на пенсию.

Кроме того, мама перевела десять романов с английского на русский, среди которых такие авторы, как Даниэла Стил, Питер Джексон и Сидни Шелдон. Последней работой, которую сдала, был перевод романа Стивена Кинга. Когда ма-

ма работала в издательстве и переводила эти книги, мы могли себе позволить обучение на дому языкам. Мама никогда не учила меня сразу грамматике, зато после того, как базис укладывался в моей голове, она педантично, сантиметр за сантиметром поднимала уровень моего языкознания до своих вершин. Это был трудный, но увлекательный путь. Я получил превосходное образование, которое, увы, не подтверждается сертификатом Independent Media и стажировками в ведущих англоязычных странах.

Теперь мой авторитет, как специалиста, под серьезным вопросом из-за письма Натальи Беспальцевой, ибо мне нечем крыть. Если обсуждение вопроса компетенции переводчика дойдет до дирекции, я не смогу подтвердить свои знания бумагами. У меня их просто нет.

Все, что я могу, – это подготовить достойный перевод статьи, которую угробила Наталья. Что я и сделал.

Утопленница

Мы должны были вернуться к этой истории. Она оставила глубокий след в наших сердцах. Эта история великолепна в своей трагичности, она захватывает дух и заставляет думать о людях, которым мы не безразличны. Вы только на минуту представьте себе чувства бедной Алиши, когда она узнала, что ее любимый попал в аварию и только она в силах ему помочь! Настоящая трагедия! Казалось бы, выход

простой. Нужно просто спасти любимого. Но Алиша отказывает в помощи. Эта ситуация всколыхнула общественность.

Безусловно, это чрезвычайно жестокий поступок, действия не женщины и не человека, а обезличенного, беспристрастного судьи, карающего за ложь. Ведь Ти Рой знал, что они родственники.

Я не знаю, что бы сделала я в этой ситуации, честно. Как бы я смогла пережить такую чудовищную ложь от любимого, без возможности выслушать его объяснения, без возможности понять и простить, зажатая рамками наступающей смерти и вынуждаемая к принятию решения… Я не знаю, правда. Зато мы знаем, что в итоге, после долгого сопротивления и уговоров друзей, сделала Алиша – она спасла Ти Роя, согласившись на пересадку костного мозга.

Ти Рой уже на пути к выздоровлению, он молод, и организм восстанавливается. Врачи дали хороший прогноз, вполне возможно, Ти Рой через полгода сможет вернуться на сцену, если, конечно, захочет.

В своем интервью американскому The Daily Move Ти Рой сказал, что вся вина исключительно на нем. Он знал, не с самого начала, но знал. В тот день, когда они клялись друг другу в любви и верности, Ти Рой знал, что женится на своей единокровной сестре. И не сказал ей, боясь потерять навсегда. Также он заявил, что ему не жаль и что будь возможность вернуться назад, он сделал бы то же самое.

А что стало с Алишей? Этот вопрос волнует

миллионы людей, но только мы разобрались во всех тонкостях ее дальнейшей судьбы и готовы вам рассказать.

Алиша по-прежнему живет в своем особняке в Лос-Анджелесе, не выходя из дома. На втором месяце затворничества певицы к ее особняку подъехал шикарный «Лендровер», из которого вышла изящная девушка и под строгим наблюдением своих охранников вошла в особняк. Это была Милен Фармер, которая находилась в разгаре своего мирового турне. Наверное, кто-то из окружения певицы довел до сведения поп-дивы, что Алиша, не выключая, слушает ее альбомы, смотрит клипы и больше не делает ничего.

А должна – согласно графику на весну этого года был намечен выход ее нового альбома, и вскоре она должна была отправиться в мировое турне. Уже давно должен был выйти новый сингл, Алиша должна была работать. Может быть, это лишь небольшая заминка в свете трагических событий?

Увы, нет.

Алиша Бэнкс – утопленница. Так называют звезд мирового поп-олимпа, которые сходят с дистанции по личным причинам, и продюсеры топят их, как котят, чтобы не мучились утраченной возможностью вернуться на сцену. Закон шоу-бизнеса прост: выживает сильнейший. Слабых перерабатывают и спускают в утиль. К сожалению, Алиша Бэнкс очередная жертва этой системы.

История знает и других, например, Бритни Спирс,

которая на протяжении пяти лет барахталась в канаве среди отбросов, не в состоянии выбраться наружу, но ее вытащили. Отец, семья, дети. Эти ценности образовали засечки на склизкой стене, по которой собравшаяся с духом женщина выбралась и вернула себе звание поп-принцессы. Сможет ли сделать это Алиша?

Но Алиша даже не пытается выбраться, ее сайт не работает, лейбл молчит, на радио практически ничего не играет… но внезапный приезд Милен Фармер, женщины влиятельной и известной, может все исправить. Милен Фармер никогда не вмешивалась в чужие судьбы, предпочитая оставаться в стороне и наблюдать, сочувствовать и писать свои баллады. Но вдруг Милен удастся замотивировать Алишу вернуться на сцену? Мы будем надеяться на это, но результат, как всегда, покажет время.

Я закончил перевод и отправил его Наталье, Павлу Витальевичу и всем иным заинтересованным лицам, после чего понял, что мне нужно побыть одному.

* * *

Жизнь несправедлива? Какой можно сделать вывод из трагедии Алиши Бэнкс? В моем багаже знаний об отношениях между людьми – только выдуманные истории, только то, что описывалось в книгах, которые я когда-то прочитал. Во всех историях я видел только одно: зависимость. Каждый,

кто влюблен, зависим. И Алиша Бэнкс серьезно зависела от Ти Роя, как и он от нее. Эта сложная связь стала движущей силой поступков, результаты которых мы все увидели. Кого в этой истории стоит пожалеть? Алишу? Но ведь она практически обрекла на смерть любимого человека! Хотя Ти Рой не лучше, умолчал про то, что их брак – инцест! Но он сделал это из-за того, что боялся потерять любимую. А Алиша? Она не смогла понять поступка Ти Роя, не смогла простить. Димы дома не было, почта молчала. А я мучился нестерпимым зудом: мне срочно нужно было взять в руки блокнот, ручку и записать все, что пронеслось в голове. Это невероятное ощущение – фейерверком в голове взрывались строки, наполненные смыслом и емкими метафорами, они расползались по стенам сочными цветами, а где-то сзади, словно аромат духов, звучала мелодия. Другая, новая мелодия. Совершенная.

Плюнув на все, я схватил телефон и стал в него напевать то, что слышал, кресло везло меня на кухню к блокноту, который лежал все там же, на столе. Я периодически перечитывал то, что написал тогда, и каждый раз слышал мелодию, мне не надо было даже включать запись на телефоне – слова сами подсказывали нужный ритм.

Открыв чистый лист блокнота, я записал свои мысли, прямо так, как они пришли в голову – хаосом.

«Сделай громче музыку, только она сможет заглушить крик моего сердца. Я никогда никому не смогу больше дове-

рять. Я никогда и никому не расскажу о том, что случилось. Наша трагедия – это последствие нашей зависимости. Я вижу, как рассыпается моя жизнь, но я ничего не могу с этим сделать. Я просто плыву по течению, падаю вниз, рассыпаюсь на части. Умереть сейчас – для одного из нас лучшее спасение. Боже мой, но только не ты, только не ты. Я сделаю все, чтобы спасти тебя. Я вынимаю пистолет, целюсь в себя. Я целюсь, но не могу выстрелить. Я слишком люблю тебя, чтобы оборвать эту муку. Я перед выбором: тьма или свет. Я собираюсь выбрать для себя тьму».

«I'm Gonna Choose Darkness».

– Ты правда не слышишь, что я с тобой разговариваю? – раздалось у меня за спиной.

Я вскрикнул от неожиданности и обернулся, увидел Диму и тут же стал копошиться, пряча последнюю запись. Но он вырвал блокнот у меня из рук и прочитал.

Вот черт, он же знает английский.

– Как образно, – сказал Дима, прочитав запись. – Ты знаешь, что это очень емко? Это песня, Вася. Ты специально ее написал, или на тебя снова нахлынуло?

– Отдай сейчас же, – велел я, игнорируя вопрос. Мне не нужно смотреть в зеркало, чтобы видеть, что вместо головы у меня помидорка. Красная-прекрасная.

Он вернул мне блокнот, я тут же убрал его под плед. Все, больше ни за что на свете не оставлю его на столе. Дима, наверное, уже прочитал все, что я писал по поводу «Better Then

Love», и теперь никогда не отстанет от меня с расспросами.

– Почему ты не говоришь об этом? Стесняешься? – спросил Дима.

– Да ничего я не стесняюсь. Просто говорить не о чем. Это просто мои мысли, ничего особенного. Просто ерунда. Ты снова пойдешь на работу или уже все?

– Я забежал перекусить и снова в поля, – ответил Дима, но тему не сменил: – Извини, если тебе неприятно, что я заглянул в блокнот. Но чтобы ты знал: это очень хорошо написано, просто потрясающе. Если ты захочешь, мы можем наложить эти стихи на музыку. И тогда ты услышишь, что это действительно здорово.

– Мне нужно возвращаться к работе, – сказал я.

Я поторопился выкатить свое кресло в коридор, потому что на моем лице сияла улыбка, а щеки были пунцовые – хоть прикуривай. О том, что это написано хорошо, я и так знал, ведь я автор. А автор всегда уверен в своей гениальности. Но вот тот факт, что Дима это подтвердил, меня взволновал не на шутку. Я был счастлив. И конечно же, хотел услышать, как это звучит вместе с музыкой, но, наверное, никогда на это не решусь. Голоса у меня нет, играть на музыкальных инструментах не умею.

Но эта мысль прочно поселилась в моей голове.

* * *

Все изменилось в тот день, когда в нашем доме появилось пианино. Я сразу же почувствовал подставу. Определенно, Дима все-таки намерен превратить мою мечту в реальность. Но, как оказалось, не только мою. Это было не совсем пианино, а синтезатор. Новый, пахнущий свежей пластмассой, с белейшими клавишами, многообразием кнопок и лампочек, назначение которых для меня было большой загадкой.

Но не для Димы. Как оказалось, он прекрасно играл на пианино и знал значение всех функций синтезатора.

– У моего учителя был точно такой же. У меня был более дорогой инструмент, но играть я учился именно на таком, – объяснил он.

Все случилось в субботу. Словно ребенок, я подкатил к синтезатору и водил пальцем по клавишам, которые отзывались мягким цифровым звуком, который я не отличил бы от звука тронутой струны рояля ни за что на свете. Но Дима сказал, что разница существенная.

– И не только в звуке. Когда играешь на реальном струнном инструменте, клавиши словно рождают музыку, а цифровой аналог… Все-таки это аналог. Ты не чувствуешь подушечками пальцев тот магический момент рождения звука. А это прекрасно.

Дима сыграл мне все, что знал. Целый вечер мы провели

возле синтезатора. Я восхищался скоростью его рук и знанием музыки – у него не было партитур, он все играл по памяти.

– Ты занимался музыкой в детстве? – рискнул я задать личный вопрос, которые обычно Дима игнорировал.

– Я занимаюсь музыкой всю свою жизнь. Люблю музыку и все, что с ней связано. Когда-то даже мечтал стать музыкантом. Но уже, увы, поздно.

– Почему?

– Вася, ты прекрасно знаешь, в какой я сейчас ситуации. Даст Бог, я выберусь лет через двадцать из нее. Карьеру артиста будет начинать поздно.

– А разве для того, чтобы начать карьеру артиста, нужно откуда-то выбраться? – удивился я. – Что мешает тебе заниматься музыкой сейчас? Я не против пианино в доме. Занимайся, развивайся, пытайся пробиться. Что тебе для этого еще надо?

Дима улыбнулся. Задумавшись на минуту, все с той же блаженной улыбкой, он кивнул каким-то своим мыслям и сказал мне:

– Если мне удастся взять себя в руки, я доиграю эту вещь до конца. Думаю, ты поймешь, о чем я.

Он закрыл глаза. Легким движением опустил пальцы на клавиши, синтезатор предупреждающе и торжественно объявил о своей готовности к игре. Дима глубоко вздохнул и начал.

С первых нот я понял, что эта баллада трагична. В ней скрывалось что-то, что позволяло фантазии доигрывать несказанное. Рождая музыку легкими прикосновениями к клавишам, Дима всего лишь приоткрывал дверцу, а всю историю я увидел уже сам: ничего не потребовалось мне объяснять. Музыка приведет тебя туда, куда хочешь ты. Она расскажет каждому свою историю, но для каждого эта история будет своя.

И я совершенно не ожидал, что Дима запоет.

Он вступил где-то в середине мелодии.

– I'm Gonna Choose Darkness… – начал Дима.

Ощущения, которые я испытал в этот момент, невозможно было описать словами. Мне показалось, что мои ноги обрели чувствительность, потому что мое тело било мощнейшим разрядом тока. Меня трясло так, словно я вишу на носу тонущего «Титаника» и вот-вот погружусь в ледяную воду и эти обещанные Джеком тысячи иголок вопьются в мое тело. Мне хотелось встать и убежать, но я был прочно зажат между дверью и стеной, Дима как будто предвидел мой побег и предостерег его.

Когда последняя нота затихла, он открыл глаза. В них стояли слезы.

– Это очень мощная песня, Вася. Текст невероятной красоты, – сказал он. – Это лишь тот фрагмент, что я успел запомнить. Напиши остальное, давай сделаем песню. Я умею играть, пою. Но не могу излагать свои мысли так глубоко и

образно, как это удается тебе. Это твой талант. Давай объединимся. Давай сделаем это.

Внутри я давно согласно кричал. Конечно, я этого хотел и давно мечтал! Но Диме сказал обратное:

– Дима, но это твоя мечта. Не моя. Все, что нужно мне, у меня есть, – сказал я.

– Неправда. – Наверное, я уже покраснел, раз Дима догался, что я вру.

Я знаю, почему сопротивляюсь. Потому что писать песни – это не мое. То, что у меня получилось – случилось само собой. Я не был уверен в том, что у меня получится специально сесть и написать песню. А Дима… его путь не должен зависеть от меня и моих «наплывов».

– Вася, ты думаешь, что у тебя не получится? Отлично. Пусть! Но мы хотя бы попробуем. Мы поймем, что не получилось, и все, забудем об этом. Но мы должны попробовать. Я перестал играть, писать, потому что был уверен, что никто никогда меня в этом не поддержит. А если это не так? А если это не так, Вася? А если мы должны были встретиться именно для того, чтобы писать музыку вместе?

Я сомневался. Меня раздирали противоречия. Я боялся не того, что не получится, я боялся дать надежду себе и Диме и в конце концов понять, что обе надежды рухнут из-за меня. Я боялся подставить Диму, боялся подвести себя.

– Мы никому и ничем не обязаны, Вася, – продолжал Дима, – мы сделаем это только для нас двоих. Чего ты боишься?

Мне было сложно признаться Диме. Может быть, потому, что он сам ничего о себе не рассказывал? Для меня было верхом откровения тот факт, что он играет на пианино и поет, что учился в консерватории! Но я все-таки сказал ему:

– Я боюсь, что никогда и ничего не напишу больше. Эти две песни, которые есть в блокноте, вернее, зарисовки к песням, штрихи, они пришли сами по себе. Я не прикладывал никаких усилий, ни о чем не думал, не придумывал слова. Все получилось само по себе. Чтобы заниматься чем-то всерьез, нужно быть уверенным в своих силах, а я в себе не уверен. Я не уверен, что напишу хоть что-то еще.

– Давай попробуем прямо сейчас? – сказал Дима.

– Попробуем что?

– Что было до того, как ты начал записывать в блокнот все, что пришло тебе в голову. Еще тогда, в самый первый раз.

– Правил перевод.

– Какой перевод?

– С английского.

– Вася, не прикидывайся дураком. Что было в статье?

– История про Алишу Бэнкс.

– Значит, ты прочитал историю и тебя это вдохновило, так?

– Наверное. Я не знаю, Дима. Но даже если это и так, ты видел, что у меня получилось? Это не песня. Это всего лишь текст. Ее надо спеть так, чтобы она была приятна для слуха. Что в ней припев? Что куплет?

– То, как петь песню, – дело продюсера. Это не твой вопрос, если, конечно, у тебя нет предложений.

– Что ты предлагаешь?

– Давай придумаем историю, которая тебя взволнует? – Дима явно загорелся идеей создания песни.

– Давай. Придумай! – сказал Вася.

– Хорошо…

Дима встал и стал ходить по своей комнате взад-вперед. Меня это почему-то развеселило. Пока он придумывал, я съездил в свою комнату за блокнотом и ручкой и вернулся к Диме. Он все так же продолжал мерить комнату шагами.

– Так, – наконец сказал он.

Я тут же взялся за ручку. А вдруг?

– Чем должна кончиться твоя история? – спросил он внезапно.

– Что? Но я не знаю, чем закончится эта история, – ответил я и понял, что соврал.

Я знал, чем кончится эта история. Знал.

…За окном уже полночь. Я замечаю это не только потому, что Дима играет на пианино практически в темноте, но еще и потому, что мое сердце покалывает – я забыл выпить вечерние таблетки. Покинув Диму, я отправляюсь на кухню, не зажигая свет набираю горсть таблеток из разных баночек, наливаю в стакан воды (опять злоупотребляю! Ведь надо с разными жидкостями пить!) и, проглотив все, замираю.

Развязка пришла.

Блокнот на коленях, ручка в руке. Я пишу.

Я стою на крыше дома. Я пью тяжелое виски безо льда. Однозначно, Роберто бы сделал шаг. Но я не Роберто. Я делаю глоток, горло обожжено, но разум холоден. Мои руки замерзли. Я чувствую, как мое сердце проткнуто спицами, и я не знаю – операция это или удар убийцы. Такое чувство, будто снег падает прямо на сердце, покрывая его подтаявшими кусочками льда. Куранты бьют ровно полночь. Я должен сделать выбор. У меня всего двенадцать секунд.

– Дима! Дима! Я знаю, чем все закончится! – радостно мчусь на своей коляске в комнату.

* * *

Мелодия, исполненная моим мычанием в телефон, трансформировалась в музыку очень быстро. Диме не нужно было объяснять, что у меня нет музыкального образования и я не могу понять, как и что нужно укладывать в мелодию, он делал все сам.

В воскресенье вечером он позвал меня в свою комнату, чтобы показать то, что получилось. Свою бывшую комнату я не узнал. Там царил настоящий творческий хаос: по всему полу были разбросаны исписанные листы, расчерченные линиями и закорючками, некоторые были смяты в порыве

творческого полета и валялись кучками под столом, возле тумбы, но большая часть, конечно же, под х-образной подставкой под синтезатор. Незастеленная кровать стала пристанищем одежды, на кресле валялись какие-то книги и листы, листы, листы.

Ничуть не смущаясь, ногами Дима расчистил дорогу, чтобы я мог проехать, и помог мне подкатиться к синтезатору. Усевшись на место импресарио, он потер руки и возбужденно спросил:

– Ты готов?!

Я кивнул. Меня сжирали страх и нетерпение. Я хотел услышать, что получилось из того, что казалось мне пустой тратой времени. Всю ночь и весь день из Диминой комнаты доносились лишь отрывки музыки, я не слышал целого полотна, но не вмешивался в деятельность творца, искренне надеясь, что он закончит сегодня, а не засядет перед синтезатором на недели.

На подставке стояли пачки белоснежных листов с набело переписанными нотами, под которыми располагался текст. Заглавия не было, но текст я узнал – Roberto.

– Предупреждаю сразу, что это инструментальная версия. Но в моей голове уже сложилась даже аранжировка. Если оценивать все существующие песни по пятибалльной системе скорости, то Roberto – на чистую тройку. То есть это не явный медляк, но и бешеного расколбаса ожидать не стоит. Весь акцент здесь – на слова.

Дождавшись от меня утвердительного кивка, Дима волшебным, невесомым движением опустил пальцы на клавиши, и я услышал мелодию, которую слышал вчера в голове и качаясь на волнах которой я сочинил текст песни.

Недолго вступая, Дима начал с легкого и неагрессивного повествования, адресованного возлюбленной Роберто. Растягивая слова так, как требовала того музыка, Дима рассказывал их историю с тем неуловимым изяществом, которое доступно только тому, кто действительно знает, о чем поет. Припев был нежен, мелодичен и безупречен, как казалось мне.

Второй куплет был адресован виновнику всего – Фернандо, человеку, изменившему их мир. И он был окрашен нотками обиды, сбрызнут хорошо завуалированной агрессией и невероятной нежностью. Как ему удалось передать эти чувства через столь сухие строки текста, я не знаю. Может быть, все дело в том, что Дима прекрасно знал эту историю, может быть, он сам был ключевой фигурой этой истории? Я не знаю. А может быть, свое волшебство сделала музыка?

Второй припев был немного быстрее, чем первый, и Дима расставил иные акценты. Он не просил не называть его именем Роберто, а требовал этого. Я даже не знал, что в английском языке акценты на словах могут значить так много – ведь текст не менялся: Don't call my name, Don't call my name, но, боже мой, какой разный эмоциональный посыл у этих двух припевов!

Момент, когда Роберто стоит на крыше и не знает, что ему делать, Дима отыграл на полную мощь: он доводил свои руки до исступления, поднимая голосом темп всей песни, накаляя обстановку до предела, и когда пришло время развязки, финального припева, я не смог сдержать слез, как и он.

Когда он закончил, я аплодировал.

– Это потрясающе, Дима!

– Тебе понравилось? Правда? – спросил он, вытирая слезы рукавом. По состоянию рукава я понял, что он проделывал это не в первый раз, и над этим синтезатором было пролито немало слез.

– Правда!

– Ты готов услышать «Better Then Love»?

– Не томи! Давай скорее!

– Она будет быстрее, я почему-то решил, что она должна быть более танцевальной. В общем, смотри сам.

Шмыгнув носом, он перебрал листочки на стойке, отыскал нужный, легким взмахом ударив по клавишам, прямо сразу начал петь. Начало было положено: я понимал, что дальше песня будет только развиваться, становиться быстрее и мощнее с каждым аккордом.

Распевая первый куплет очень агрессивно, Дима собирал в нем столько эмоций и чувств, что я невольно зажмурился от переизбытка своих собственных. Мне было тяжело смотреть, как он исполняет эту песню. Я знал, перед каким выбором стоит персонаж этой песни, и мне становилось страшно

с каждым новым словом, с каждым новым вздохом. Подбираясь к кульминации, Дима немного передохнул.

– Открой глаза, Вась, открой.

Я открыл. Его душили слезы, я видел, как сложно это ему дается, и смотрел. Вздохнув глубоко, он продолжил. На синтезатор посыпались удары, он отзывался всей своей мощью, я рыдал, а Дима пел и пел…

Все закончилось. Дима тяжело дышал. Я – тоже.

– Это все, что есть у меня, – сказал он. – Что ты думаешь?

– Я думаю, мы не имеем права это скрывать. Мы должны показать всем.

– Как? – удивился Дима.

– По-моему, youtube все еще существует?

* * *

Мы не стали искать проблем там, где их нет. На мой сотовый телефон мы записали видео, где Дима исполнил две песни: «Roberto» и «Better Then Love», и выложили оба на youtube.

После этого Дима уснул как убитый, а я в наушниках еще несколько раз прокрутил записи, чтобы понять, действительно ли это потрясающе или мне просто так показалось. Но нет, с каждым разом песни становились все более мощными. Но, конечно же, для меня. Я не знал, как отреагируют люди, услышав наше творчество. Может быть, совершенно не так,

как мы того ожидаем. Может быть, кому-нибудь они и понравятся, но шансов, что нас заметят в океане информации в Сети, очень мало.

* * *

Утром я совершенно забыл о том, что вчера ночью мы разместили песни. Мне было плохо: болела голова, сердце и сильно кололо ноги. Я попытался вызвать врача на дом, но по тем симптомам, что продиктовал, ко мне отказались ехать, объяснив, что ничего страшного нет и нужно сдать анализы. Дима умчался на работу к десяти, и мне пришлось самому вызвать такси для состоятельных инвалидов и поехать в клинику.

Мой кардиолог, Федор Петрович, перешел в частное медицинское учреждение. Теперь, по приезде в больницу, я сразу же получал всю необходимую помощь. Во-первых, потому что клиника частная и дорогая, а значит, в ней просто обязаны экономить мое время и оказывать максимально посильную помощь в самые сжатые сроки. А во-вторых, потому что знаком с Федором Петровичем уже лет девять, если не больше. И ему совершенно не нужно заглядывать в мою карту, он и так все знает.

– Итак, посмотрим, – сказал он, глядя на результаты ЭКГ, флюорографии и анализы крови. – Сердечная мышца вполне в норме, правда, перетруждаешь ты сердце, Вася, перетруж-

даешь. «Рибоксин» по-прежнему пьешь? В той же дозе?

– Конечно.

– И все остальное, что я прописал?

– Да.

– Давай-ка мы проведем эксперимент: снимаем половину дозы и посмотрим, что будет. Неделю будешь на контроле. Вполне возможно, твое плохое самочувствие – это результат химического пресыщения. Надо проверить. Я пропишу тебе очищающие препараты, посмотрим на результат. Если будет хуже, сразу звони. Понял меня?

– Понял, Федор Петрович, понял. Я еще хотел сходить к неврологу. Меня беспокоят ноги – постоянное чувство покалывания, постоянный дискомфорт…

– Правда? Ну-ну, сходи.

Я был удивлен такой реакцией Федора Петровича, но после визита к неврологу понял, отчего он так себя повел. Покалывание – это отличный признак! Это значит, что восстанавливаются нервные клетки.

– Процесс этот может затянуться на годы, но, дорогой Василий, это отличная новость: организм пытается восстановить утраченные функции. А если организм чего-то хочет, он обязательно этого добьется, понимаете? А мы ему поможем!

Мне прописали ЛФК, какие-то токи и витаминов целый короб. Я заказал в мобильной аптеке все, что было выписано, и записался в графике у физиотерапевта, который будет

приезжать ко мне домой, чтобы проводить процедуры. ЛФК я буду делать сам, в свой первый приход физиотерапевт приведет с собой реаниматолога, который разработает программу для меня и научит, что и как делать.

Возвращался домой я в приподнятом настроении.

Когда таксист помог мне добраться до квартиры, в глазке я увидел свет и понял, что Дима дома. Я открыл своим ключом дверь и замер, в коридоре стоял незнакомец. Вид у него был угрожающий.

Глава 5

Игорь

Игорь не любил наблюдательные дела, или, как их еще называли, – контрольные. В этом случае расследование ведешь не ты, а контролировать должен так же, как и свое собственное. А в этом деле было еще хуже: мало того, что следователь ФСС Игорь Романов назначен ответственным за контроль дела полковника Лаврова, так еще и по всем смежным делам, коих уже было три – похищение, убийство и шантаж. Ну а что удивляться-то? Полковник Лавров руководил операцией по захвату наркобазы не один год, и всем известно, к чему это в итоге привело.

В конце 90-х годов на наркотической карте страны была поставлена жирная точка, которая не была точкой крушения наркобизнеса, а совсем наоборот: новым этапом распространения на территории России тяжелых наркотиков. Этой точкой стал город Ангарск в Иркутской области, недалеко от берегов кристально чистого, как афганский наркотик, озера Байкал.

Перевалочную базу в Ангарске основали цыгане, растянув гигантских размеров шатер. У табора было официальное разрешение властей на установку шатра и временное приста-

нище.

Цыганский табор не был прикрытием перевалочной базы, нет. Цыгане были активными участниками наркотрафика в России, основными поставщиками наркотиков на территорию страны. Имея один паспорт на троих, цыгане отлично умели пересекать границы, растворяться в городах, охранять свои временные территории и прятать наркотики тоннами в закромах своего тела.

Конечно, если бы не коррупция, ничего бы никогда не получилось. Скажем, какой здравомыслящий глава района позволит табору цыган разбить лагерь неподалеку от областного центра? Тем более что факт торговли цыганами наркотиками известен всем. Конечно, реальных и безусловных оснований для отказа нет, но разумный и адекватный глава района всегда найдет к чему придраться. Ведь находят же, когда нужно содрать мзду? Так или иначе, Россия и коррупция – синонимы, одно без другого не существует и по сей день. Наркобаза в Ангарске тщательно охранялась и скрывалась от федерального правительства умело поданными деньгами, пропитанными кровью и страданиями людей. Но кровавые деньги никогда никому не вредили, наоборот, очень умело закрывали глаза на любые правонарушения.

Все изменилось, когда в России в сентябре 2002 года был создан Государственный комитет по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ при Министерстве внутренних дел Российской Феде-

рации. Естественно, под открытие комитета были вложены огромные деньги, реформа готовилась долго и тщательно. Сначала – коррупционные каналы, а только потом – кадровое ядро и, собственно, материально-техническое обеспечение. Почему коррупционные каналы первыми? А как иначе определить, какую базу накрыть в качестве показательного примера? Верно, самую жадную или малоприбыльную. Бывший отдел по борьбе с наркотиками мирно перекочевал в новый комитет, прихватив телефончики нужных людей, которые быстро поставили в известность важных господ «сверху» о том, откуда денег ждать не придется. В общем, к финальному решению все было готово: и громкое дело, и кадры, и деньги.

Понятное дело, что перевалочной базой в Ангарске наркобизнесмены не ограничились, но комитет был создан, и крупные точки с карты страны должны быть стерты, так, чисто для приличия. Ангарская база была не столь большой, как, скажем, чеченская или хабаровская, но агрессивная и разгульная, табором управлял давний Наркобарон, человек беспринципный и откровенно безбашенный. Сначала, когда комитет только пытался встать на тонкие и шаткие лапки, базу в Ангарске взять побоялись, контроль ослаб, и Наркобарон совсем охамел. Поток взяток стал усыхать, а когда комитет заинтересовался уральским узлом, и вовсе сошел на нет. Но первоначальная цель была другой, и пока суть да дело, уральский узел был накрыт с пафосом, репортерами, ге-

роями и жертвами «не наших».

Такая победа не осталась незамеченной, и управление стало развиваться, меняло структуру, сажало чиновников по высоким креслам и в тюрьмы, реорганизовывалось, придумывало новые названия (за два года сменили три названия), вышло из структуры МВД, стало независимым, а потом преобразовалось в зависимое от Президента, пока, наконец, не остановилось на простом и лаконичном: Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), в простонародии – госнаркоконтроль. Такое событие нужно обмыть еще одним крупным делом, чтобы у россиян запомнился новый бренд. К этому времени связь с Наркобароном совсем утратилась, тем более что и раньше она была завязана на десятых руках, которые или забылись вечным наркотическим сном, или уже отбывали срок. А вот госнаркоконтроль креп и рос, и для «громкого дела» созрела база в Ангарске. Чиновники посчитали, что российский наркорынок мог пережить коллапс недопоставок в объемах, которые обслуживала база в Ангарске, и было решено громко и со скандалом прикрыть обнаглевших ангарских цыган.

На территории Иркутской области за осуществление плана отвечал Дмитрий Анатольевич Лавров. Операция по прикрытию базы в Ангарске планировалась на протяжении пяти лет, и вскоре началось поэтапное осуществление, но что-то пошло не так, кому-то такое решение показалось несправед-

ливым, и полетели головы.

Захват базы обычно происходит по сценарию, который известен всем как «Помпея»: сначала закрываются границы, отрезав путь ухода. Затем берут мелких барыг, сбывающих остатки наркотиков. После покупают несколько человек из банды, приближенных к главному. Далее следует захват главаря, то есть Наркобарона. Зачем нужен осведомитель, спросите вы? Для того, чтобы в суде опознать Наркобарона и всю компанию. Конечно, большинство Наркобаронов находятся в базе ФСБ как главари синдикатов, но кто управлял базой в Ангарске, не знал никто. Вернее, не так: о том, что это один из Наркобаронов, знали, но вот как он выглядит и как его зовут, госнаркоконтроль не знал. Взятые «приближенные» наперебой утверждали, что Наркобарон не раскрывал своей личности, прятался от работяг и носу не казал.

Границы закрыты, мелких барыг взяли, член команды, помощница Наркобарона Зоя Савелова, куплена с потрохами, план близился к завершению, но неожиданно пришли сразу две страшные новости.

Первая: в своей квартире от мучительной смерти после долгих и жестоких пыток скончалась Зоя Савелова. Ее рот был залит металлом, а кисти рук – отрублены. СМИ широко осветили это убийство, не забыв упомянуть, что женщина была осведомителем силовиков и находилась под их защитой. Как выяснилось буквально днем позже, Зоя Савелова была представлена Наркобарону лично и знала, как он вы-

глядит. Однако свое знание она унесла в могилу.

Вторая новость: семью Дмитрия Лаврова похитили, а сам полковник погиб при взрыве. Цыгане исчезли, растворились в утреннем тумане на берегу Байкала.

Силовики штурмом взяли пустой шатер, близстоящие здания, где обнаружили целую инфраструктуру – завод по расфасовке наркотиков, оборудованный даже конвейерами и упаковочными машинами. Но никого из «сотрудников» этой базы не обнаружили.

Только труп жены полковника.

* * *

В офисе никого не было. На часах давно было одиннадцать вечера. Игорь сел за компьютер и приступил к составлению отчета.

Печатая текст, он не мог отделаться от мысли, что агент Томпкинс – вторая сторона сделки – будет читать его отчет на русском. Угораздило же бабу вляпаться в знание русского языка! Если бы не лезла в дебри славянских языков, не участвовала бы сейчас в этой операции. Симпатичная баба-то, а пропадет ведь с этим делом. Все они пропадут.

Игорь был абсолютно уверен, что операция провалится, какой бы продуманной и идейной она ни была. Почему? Да потому что от самого Игоря мало что зависело, он никак не мог повлиять на ход операции. Все указывало на то, что дело

провалится, потому что никто, кроме Игоря, к делу серьезно и вдумчиво не подходил. Вспомнить хотя бы варианты адаптации, предложенные агентом Томпкинс. Бог мой! Учитель русского языка! Ну да, конечно, травмированный парень, потерявший всю семью, да к тому же постоянно озирающийся по сторонам и в любой момент готовый заплакать – идеальный педагог, чего уж тут. Или второй ее вариант – бортпроводник. Ну а почему нет? Самолеты ведь стали садиться почти с той же регулярностью, что и взлетать. Да и в полете опасностей в виде разъяренных пассажиров нет… Все эти варианты не подходят. И зачем вообще озвучивать такие бредовые идеи?

Сам же Игорь, критикуя, предложил следующее. Он обнаружил в Саше Лаврове неплохого музыканта. Это была очевидная вещь, но никому же в голову не пришло прочесть протоколы бесед Саши и психотерапевта? Саша прошел пять курсов психоанализа после изменения внешности, где врач спрашивала его о том, что он собирается делать дальше. Тут Саша Лавров и сказал, что, несмотря на все свое финансово-юридическое образование, всегда мечтал о сцене. Хотел писать музыку, петь песни. Он пробовал себя даже в этом бизнесе, но не вышло. Игорь это запомнил и ввернул идею тогда, когда она оказалось очень кстати. С самого начала Минюст и ФСС не были уверены, что если дело дойдет до суда, Наркобарона посадят, не дав откупиться. Судебная система в России насквозь проткнута коррупционными спицами, и

по этим гладким траншейкам втекают деньги, а вытекают – оправдательные приговоры, развалившиеся дела и незаконно обвиненные убийцы, воры и наркоторговцы, в общем – шлак, нечистоты, гниль. Поэтому было решено поискать соприкосновения по данному делу с соседними государствами. Связь установили быстро. Наркобарон успел засветиться и в США, а там, как известно, наркоторговцы не в почете, их деньги горячими пирожками сжираются только в самом низу, а если за дело берутся федералы, то, как правило, все заканчивается для наркоторговцев очень плохо. Долго просить не пришлось: в Москву тут же прилетела агент Томпкинс из ФБР с папкой дел под мышкой. Наркобароновские корни были обнаружены в трех штатах США. Город Ангарск в наркоманской среде штата Иллинойс считался раем, где из грязных и необработанных алмазов гонят чистейший экспортный наркотик. Редкое и дорогое удовольствие закинуться байкальским наркотиком настоящие ценители качественного кайфа не упускают никогда. Склоки, драки и убийства – все это сопровождает каждую новую партию распиаренного и дорогого наркотика.

Причинно-следственную цепочку соорудили быстро, но остался серьезный вопрос с юрисдикцией. Для того чтобы осудить Наркобарона в Штатах, необходимо соблюдение ряда условий. Наркосиндикат, конечно, будет взят, это не проблема, поступления прекратятся. Но никто ведь не в силах опознать Наркобарона, никто не видел его в лицо. И если

только преступление будет совершено против гражданина США, против интересов государства и на его территории, тогда судебная система вправе в полном объеме реализовать свою обязанность и не зависеть от того, на кого укажут подельники Наркобарона, ведь главные показания будут от жертвы, а наркоту «пришьют» к левому боку, накинув пару десятков лет.

Саша Лавров еще лежал в бинтах и вел музыкальные беседы с психотерапевтом, пытаясь пережить гибель своей жизни, а Россия и Штаты уже договорились о том, что его поместят в программу защиты свидетелей в США (с присвоением гражданства) и в России одновременно. По предварительной договоренности Сашу Лаврова должны перевезти в США к концу года. Организация социальной адаптации – задача американской стороны.

Именно на этом этапе Игорь Романов и рассказал о том, что Саша Лавров всегда мечтал о сцене, а агент Томпкинс подхватила идею и развила ее до на первый взгляд абсурдного предложения: надо спрятать Сашу на виду у всех.

После недолгих разъяснений участники процесса согласились, что это на самом деле очень хороший вариант. И Игорь, несмотря на откровенную неприязнь к агенту Томпкинс, одобрил решение, но не без пары-тройки укусов. Саша будет на виду у всех, и никто никогда не догадается, что Дима Грановский это и есть Саша. Легенду агент Томпкинс обещала до деталей правдоподобную. Однако Игорь счи-

тал, что журналисты докопаются до смутных пятен, слишком большая популярность может ударить в голову Саше, и он сам проболтается и поставит всю операцию под угрозу. Но его быстро успокоила Клэр. Она заявила, что американская система защиты свидетелей точно так же порочна, как и российская, привела цифры рассекреченных охраняемых и процент их гибели. И идея «спрятать наверху» уже давно успешно реализуется: она сказала, что как минимум пятеро киноактеров имеют поддельное прошлое, несколько известных писателей и ряд селебрити, все они надежно спрятаны, а их легенды скрыты под двойным дном, добраться куда значительно сложнее. И в ее предложении красной нитью прострочено еще вот что: настолько надежного агента, который занимается внедрением именно в сферу шоу-бизнеса, в мире больше нет. Она надежна, как скала, а ее методы чисты, как майские росы.

Игорь был не согласен с этой деловитой и симпатичной брюнеткой (типичной фэбээровкой), но его мнение осталось в меньшинстве. Ему поручили отвечать за российскую часть, а именно: подготовить Сашу Лаврова к новой смене жизни.

И здесь Игорь решил заручиться поддержкой одного человека, который умеет пользоваться головой. Такой союзник, конечно, подарок, но и морока. Надо быть настороже. Собрав всю необходимую информацию, Игорь отправился на встречу.

Вася

Игорь Сергеевич Романов, так представился мой незваный гость, принадлежал к каким-то государственным структурам и беспокоил мой покой по поводу Дмитрия Грановского. Мою коляску втащили в квартиру так быстро, что у меня аж уши заложило от скорости. Перед глазами раскрылась ксива, в которой ничего, кроме фамилии и имени, я прочесть не успел. Игорь Романов протолкал мое кресло на кухню, где уселся за стол, и заявил:

– Я хочу, чтобы вы выслушали меня очень внимательно.

А я хочу, чтобы вы объяснили, черт возьми, почему вы в моей квартире! На меня вдруг напала злость. Хотя на самом деле я не был уверен, что это именно то чувство. Я редко выхожу из себя, и в последнее время этого не случалось совсем. Даже инцидент с Натальей Беспальцевой не подкосил моего спокойствия. Но непрошеный гость в моей квартире – моей крепости, прошу заметить – словно встряхнул порох в том месте, где крепко спало раздражение.

– С какой стати, простите, вы заявляетесь в мой дом и командуете, что и кто будет делать? Я арестован? Если нет, то…

– Помолчите, – резко оборвал меня гость, – у меня нет ни времени, ни желания выслушивать ваши претензии. Если вы хотите их предъявить, то можете пожаловаться на мои

действия моему начальнику или в прокуратуру.

Я замолчал. В глазах Игоря Романова не было ни намека на возможное принятие возражений. Видимо, профессиональная деформация: люди в погонах редко воспринимают критику. Нотка вежливости придержала ему язык еще несколько секунд, которых мне хватило, чтобы я кивнул. Чем скорее он скажет все, что у него есть, тем быстрее уберется из моего дома, и я смогу спокойно все обдумать.

– Я не стану вдаваться в подробности, – продолжил Игорь Романов, – но некоторые вводные все-таки нужны. Поэтому слушайте.

И он поведал мне историю о семье небезызвестного мне по новостям начальника госнаркоконтроля – полковника Дмитрия Лаврова.

– И зачем вы мне все это рассказали? – спросил я.

– А вы дослушайте до конца, Василий, – почти миролюбиво ответил Игорь Романов. – Вы многого не знаете.

История получилась громкая и страшная. Пока «наверху» разбирались, ругались и думали, как исправить ситуацию с семьей Лаврова, случились сразу две непоправимые вещи: были похищены жена и дочь полковника, а в штабе моего незваного гостя прогремел взрыв, где помимо простых людей погиб и сам Дмитрий Лавров, прибывший в управление для встречи с заминированным бомжом.

Лишь через три дня, ночью, была захвачена база, где обнаружили тело супруги полковника в самой северной каме-

ре, куда не было проведено отопление. Ее закоченевшее тело нашли возле стенки, за которой, видимо, держали ее сына и к которой она прижималась как к источнику тепла. В камере Саши Лаврова и в камере сестры отопление было. Но тела Саши и Лизы Лавровых на месте не обнаружили.

Зато живого Сашу Лаврова полиция сняла в Москве с поезда. Избитого и полуживого, его спасла проводница поезда. Сашу Лаврова доставили в больницу, где он пробыл какое-то время и был допрошен следственными органами. Он имел честь лично общаться с Наркобароном, поэтому оказался бесценным свидетелем.

Сашу поместили в программу защиты свидетелей. В течение двух месяцев его личность старательно стиралась – ему изменили внешность, выдали новые документы, назначили куратора.

– Как вы, наверное, догадались, Сашу Лаврова теперь зовут Дима Грановский, и живет он здесь, – закончил свою речь Игорь Романов. – И, собственно, теперь я приступлю к предмету моего визита. Скажу сразу, что разговор этот будет строго конфиденциальным.

Вот теперь мне стало ясно, почему Дима не говорил о своем прошлом, понятно, почему он приехал ко мне «нестабильным» и что в это понятие вкладывалось. Господи, бедный парень… Мне так стало жаль Димку – я вспомнил его затравленный взгляд, осторожные шаги, боязнь громких звуков и чего-то такого, что нарушало спокойствие его тихого

мирка.

– Подождите, – опомнился я. – Я не совсем согласен на конфиденциальность. Что я должен буду скрывать?

– Сам факт нашего разговора со всеми вытекающими отсюда ограничениями.

– Тогда не говорите ничего, я не согласен.

– Но вот в чем проблема: выбора у вас нет. Вы уже стали обладателем государственной тайны и обязаны ее сохранять.

– Не держите меня за дурака, Игорь Сергеевич, – разозлился я, – может быть, я и не юрист, но мне известно, что просто так к гостайне не допускают. Должны бать какие-то разрешения, допуски и прочее. И только после того, как я все подпишу, у меня возникает обязанность по сохранению этой тайны.

– Ну раз вы и так все знаете, – вздохнул Игорь Сергеевич, – то вам прекрасно известно, что я должен предпринять в таком случае.

– Не известно, представьте себе, – ответил я, – просветите.

– Я обязан поставить в известность прокурора и соответствующие службы о том, что пребывание в вашем доме для Дмитрия Грановского небезопасно. Подозреваю, что у него даже не будет возможности с вами попрощаться и собрать свои вещи, его очень быстро изымут.

«Изымут» – какое страшное слово. Как много всего страшного сказал мне этот человек в гражданской одежде, но с лицом властным, полицейским. Я не был готов к этому

разговору, я не знал законов. Действительно ли я обязан сохранять тайну, которую мне помимо воли рассказали? Могут ли Диму «изъять»? Мое незнание этой сферы законодательства сыграло со мной плохую игру. Я должен был пойти на сделку вслепую.

Но это вдруг перестало меня волновать. Почему я так эгоистичен? Да, я пережил немало за свою недолгую жизнь, но сомневаюсь, что пальма первенства по драмам в жизни у меня. Наверное, все-таки у Димы. И наш с ним разрыв – еще одна драма для обоих. Не согласись я сейчас хранить в секрете явление этого гостя, нам обоим зачислят на баланс еще одну печальную историю.

– Хорошо, – ответил я, – я сохраню в тайне наш с вами разговор, правда, я пока мало понимаю, что неизвестного вы мне рассказали. Что из этого Дима не знает?

– Он знает, конечно, все, но не знает главного: о нашей с вами сделке. Я хочу, чтобы вы поняли, что это не детектив и не триллер, который вы сможете увидеть по телевизору. Это реальная жизнь человека, вашего друга, Саши Лаврова. И сейчас она в еще большей опасности, чем вы можете себе представить. Не всегда правоохранительные органы могут спасти человека. Особенно властям плевать на жизнь отдельного человека, если речь идет о десятках жизней. Но даже в этой ситуации мы стараемся сделать так, чтобы после нашего вмешательства у человека оставался шанс жить нормально. Но сейчас от нас ничего не зависит. Мне нужна ва-

ша помощь. Если вы согласитесь мне помочь, возможно, пострадают люди. Возможно, этими людьми будете вы и Саша Лавров. Но моя изначальная цель – спасти этого паренька, помочь ему выжить.

– Вы говорите страшные вещи. – Я стал переживать еще больше, когда Романов заговорил о смерти.

– Наша жизнь состоит сплошь из странностей, – ответил Игорь Сергеевич, – если с вами жизнь так не поступала, не думайте, что вам удалось минуть эту чашу. Когда-нибудь она вас коснется снова.

– Я не понимаю, что от меня нужно. И еще я не понимаю, что будет, если у меня не получится сделать то, что нужно. И я не уверен… то есть… как знать, что вы меня не обманываете? Как знать, что ваш план должен сработать в пользу Димы? Я хоть и живу с Димой недолго, но я хочу вам сказать – он убит, раздавлен. Его просто уничтожили. Сейчас он пытается как-то справиться с этим всем…

– У него ничего не получится, – ответил Игорь Сергеевич, – потому что история не закончилась. Невозможно начать жить так, как будто ничего не было, знать, что убийца его семьи до сих пор на свободе, и спокойно жить. Помогите мне завершить эту историю и дать шанс Саше Лаврову написать новую историю своей жизни.

В такой ситуации я оказался впервые, и формулировать мысли мне было сложно:

– Я понимаю, что вы не пришли бы ко мне, если бы ваш

план не был одобрен начальством. Но вы уверены, что план сработает? У вас наверняка ведь есть запасной план. Возможно, идущий вразрез с «официальным», возможно, идущий с ним параллельно, я не знаю. Я хочу получить от вас гарантию, что все получится.

Это не давало мне покоя. Я не понимал, почему этому человеку с серым изможденным лицом, безразличным видом вдруг понадобилось помочь Диме? Я смотрел в упор на Игоря Сергеевича Романова, но не видел в нем союзника. У этого человека за душой не было ничего хорошего, он просто робот, солдафон, беспрекословно выполняющий приказы. Сказали месить ногами лицо – значит, так и будет делать. Зачем ему нужен я? Точно не знаю, но, видимо, я должен использовать наши с Димой дружеские отношения, чтобы направить его в нужное для Игоря Сергеевича русло. Возможно, Дима не захочет или не сможет туда пойти сам, не понимая, что это ему во благо. Вот только как знать, что я не отправлю его прямо в ад?

Я уверен, этот человек в принципе не знает, что такое жалость. И как у него может быть план, который поможет Диме?

Ответ Романова посеял в моей душе еще больше сомнений.

– Никаких гарантий я вам не дам, не ждите их от меня.

Дима

Он знает.

Я понял это сразу, как только вошел. Вася прятал глаза, боялся со мной говорить. Столько времени ушло на то, чтобы мы смогли друг другу доверять, даже без углубления в мое прошлое, и – несколько шагов назад. Определенно, Вася знает. Не догадывается, не подозревает что-то, а точно все знает.

И молчит.

Значит, объяснили, запугали статьями закона и перспективами недалекого будущего. Уверен, что приходил этот чопорный тип из органов, который допрашивал меня без сожаления и сочувствия. Игорь Романов, черт бы его побрал, упертый осел, считающий, что только он во всем прав. И вот теперь Вася, человек ответственный, пытается сохранить в тайне все, что ему известно, но…

Вася совершенно не умеет врать. У него на лице написано все, даже то, о чем он еще не успел подумать. Я не встречал таких открытых людей, как он. Вася сплошь состоял из качеств хорошего человека, мне иногда казалось, что он сотворен не на этой планете. В нем не было ни малейшей червоточины, он был таких мощных моральных ценностей человек, что я рядом с ним выглядел беспринципным ублюдком. Сколько ему пришлось пережить… Жизнь проехалась

по нему на высокой скорости, отняв маму, ноги, но это его не сломило. Видимо, предела человеческой силы просто не существует. Если бы меня не отправили к Васе, я бы, наверное, умер. Ненавижу выглядеть сопляком, особенно рядом с ним, таким худощавым и с виду беззащитным, но твердым, как камень, внутри. Но и я не сопляк, правда, я почти готов снова начать бороться за жизнь, но не психотерапевт мне помогла (хотя какую-то пользу эти разговоры мне однозначно принесли). На самом деле я почувствовал, что начинаю крепнуть, только когда оказался здесь, в этой небольшой квартирке, помогая Васе с его бытовыми вопросами, в которых он беспомощен. Помыться, сходить в магазин, постирать вещи – это было выше его возможностей, но под силу мне. Вася в моих глазах был атлантом, которому нужно расправить плечи, он боролся в другой весовой категории, где я был отправлен в нокаут.

Мои родители и Лиза еще снятся мне по ночам. Прошло не так много время с момента их смерти. Я все еще надеюсь, что когда-нибудь услышу голоса мамы и отца и увижу Лизу. Сейчас уже немного легче, все чаще мне удавалось выспаться ночью. Некоторые ночи все еще кажутся мне бесконечными. Я проваливаюсь в сон, потом вдруг резко просыпаюсь, потом снова засыпаю и опять просыпаюсь. Отрывки снов были наполнены запахом подземельного смрада, плечи обжигал холод северной стены, за которой плакала женщина, я уверен, это была мама. Я никогда не слышал, как она

плачет – отец не позволял ей даже думать о плохом.

Я уже привык к своему отражению и даже не боюсь утром бриться и смотреть себе в глаза. А первые дни, когда отеки после операции спали, я чувствовал себя инопланетянином, заключенным в тело молодого парня. Это очень странно, видеть свое родное тело в зеркале с совершенно чужим лицом. Движения, привычные и обыденные, становятся как будто украденными, как будто кто-то забрал твои очки и носит как свои. Иногда я подолгу стою в ванной и смотрю на свое лицо, пытаясь представить момент, когда окончательно привыкну и полюблю себя таким, каким меня сделали. Этот момент еще не настал. Я очень скучаю по своему прежнему облику, но все это отходит на второй план, когда я вспоминаю, что ни у мамы, ни у папы, ни у Лизы больше нет облика вообще. В целом мире я остался совсем один, как пес, привязанный к высокой сосне на краю темного леса и оставленный своим хозяином. Навсегда. А к ногам медленно подступает вязкий туман.

Пять сеансов психотерапии – и я оставил мысли о суициде и смирился с «лечением». Да, именно так психотерапевт называла вынужденную меру по изменению моей внешности – «лечение». Не все болезни приходят по нашей вине, некоторые пристают сами, но их тоже нужно лечить. Это были долгие часы моих слез, боли и отчаяния. Мне так надоело рыдать, что я думал, больше не заплачу никогда, даже если выпью специальное лекарство, но оказалось, что я способен

на большее. В конце концов психиатрия сделала свое дело, и я принял то, что случилось, и обещал самому себе жить дальше ради моих родных. Сначала я ненавидел своего психотерапета. Это была молодая женщина по имени Светлана Ивановна. Высокая, темноволосая, с пронзительным взглядом. Своими ярко-красными ногтями она выковыривала из меня все гнойники, вырывала с мясом вину и обиду, тушила пожары боли и отчаяния. Это было тяжело и страшно, но, когда я почувствовал, что боль постепенно стихает, я полюбил ее. С преданностью верного пса летел на встречи в ее уютный кабинет в башенке ведомственной клиники пластической хирургии в Подмосковье, открывался полностью; больше не требовалось тянуть из меня клещами все то, что причиняло мне боль. Я сам рассказывал, врачу требовалось лишь указать на очередной гнойник, который тут же вскрывался и изливался бурным потоком резко пахнущего гноя.

Глядя, как бурлящие потоки всего, что во мне накопилось, устремляются прочь, опустошая меня и мое тело, мне стало понятно, что я справляюсь со своей трагедией.

– Запомни простое правило: тебя убивает то, что только с тобой. Когда это еще с кем-нибудь, это уже тебя не убивает, – сказала она мне однажды.

– Но я не могу ни с кем поделиться тем, что произошло, – возразил я ей, – только с вами.

– Неправда, – ответила она. – Ты можешь поделиться этим со всем миром. И пусть никто не поймет, что ты имел в виду,

главное, ты будешь понимать, что рассказал.

Да, мы говорили с ней о музыке и о том, какую роль она занимала в моей жизни. Я рассказал ей, что мама всегда мечтала играть на пианино, и это желание передалось мне. Она сделала все, чтобы я научился. Я занимался в школе, потом с частными педагогами. Конечно, профессионально музыкой не увлекался, но у меня были прекрасные преподаватели, которые научили меня слышать музыку и понимать ее суть. Я действительно видел и почти физически ощущал нотные волокна, как они стройно укладываются в ряды, тихонько вибрируют от натуги струны… Это чудное чувство. И если гитару я считал пошлой – она выставляет свои органы напоказ, не содержит в себе совершенно никакого таинства, проститутка какая-то, то пианино – это действительно Музыкальный Инструмент. У него есть тайна. Никогда, слышите, никогда не родится звук глубокий и насыщенный, если пианино вскрыть, как труп на селекционном столе. Самый искренний звук всегда рождается в темноте коробки, где магические поля создают уникальные вибрации, а воздух их подхватывает и нежно переносит в наш мир. Я писал свою музыку, небольшие интерлюдии, прелюдии к любимым произведениям, играл своим учителям. Меня всегда хвалили, но я не верил, что это на самом деле кому-то нравится, никто не хотел меня обидеть: педагоги – потому что я ученик, а мама – потому что моими руками воплощалась ее мечта. Я сочинил для нее легкое произведение, невесомое, но честное.

Оно с грустинкой, но со счастливым финалом.

Пришло время снова сесть за пианино. И там, в клинике, мне была предоставлена такая возможность.

В своей первой композиции, которую сочинил, я отразил все страхи и все унижение, которые испытал в заключении. Это было похоже на сумасшествие. Весь в бинтах, опухший и плохо видящий из-за синяков на веках, я стучал по клавишам, выбивая из старенького фортепьяно мелодию, очищающую мою душу. Эта музыка была для меня свежей водой, промывающей раны. Я назвал ее «Барака», сам не знаю почему.

А когда я увидел текст Васи на песню «Roberto», проникся его сутью, я понял, что моя мелодия и его слова – одно целое.

Но до того, как я встретил Васю, я написал около сорока мелодий, которые хранятся в виде аккуратно записанных партитур и, оказывается, ждут своего часа. В каждой песне есть то, от чего я пытался избавиться. Я играл Светлане Ивановне каждую мелодию, которую сочинял, и она хвалила меня, говорила, что понимает, помогала услышать в них то, что было скрыто от меня.

– Дима, а теперь я попрошу тебя написать особенную мелодию, – как-то раз сказала Светлана Ивановна, – мелодию твоей души.

– Но они все от души, – сказал я.

– Я не сомневаюсь, Дима, но это не совсем то, о чем я тебя прошу. Разве писатель не от души создает свои книги?

Но ведь не все они о его внутреннем мире, верно? Только автобиографии. Напиши автобиографию.

– Как? И зачем?

– На первый вопрос я ответить тебе не могу – только ты знаешь «как». Это ведь твоя душа и твой инструмент. А вот зачем – объясню. Еще очень долго ты будешь нестабилен. И это нормально, потому что человек по своей природе не должен так резко меняться, это очень сложно пережить и с этим не каждый может смириться. Со временем приходит привычка, но принять себя нового может не каждый. Возможно, что и ты никогда не сможешь принять себя таким, каким тебя сделали. А память всегда грешит виньетированием портретов, сгущая темноту над лицами, со временем они становятся расплывчатыми, и настанет день, когда ты почти полностью забудешь, как выглядел. Ты будешь знать, что в зеркале – не ты, не такой, каким родился, а как было раньше – можешь и не вспомнить. И фотографии не помогут, ведь фото – это всего лишь момент. Видео – это просто много двигающихся моментов. Они плоские, не содержат настоящих реальных чувств. А музыка содержит. И сейчас, пока ты на грани, где все еще помнишь себя вчерашнего, но уже знаешь, чем отличаешься от себя сегодняшнего, ты можешь написать мелодию своей души. Тебе это необходимо для того, чтобы вспомнить о себе тогда, когда это будет нужно.

И я ее послушал и написал Свою Мелодию. Я не играл ее никому, даже Светлане Ивановне, а она и не просила. Просто

как-то поинтересовалась, получилось ли у меня, и ничуть не удивилась, когда я ответил утвердительно.

Психотерапевт помогла понять мне причины моих слез, а лекарство я нашел сам. Мои слезы – это страхи. Когда я был маленьким и мне становилось страшно, я знал, что могу прибежать к маме и успокоиться у нее в объятиях. Я знал, что никто и никогда не даст меня в обиду. Когда я был в себе не уверен, я знал, что папа всегда поддержит меня. Когда я стал старше и укрываться от непогоды у мамы за юбкой взрослому бугаю стыдно, я, как и многие другие люди, подходил к зеркалу и говорил себе: «Саня, возьми себя в руки», смотрел в свое отражение и закреплял свое бесстрашие тем, что не изменится, казалось бы, никогда – своим отражением в зеркале. Отражение – это то, что необходимо каждому человеку, чтобы в минуты слабости обрести себя. Это тот якорь, на котором крепится вся наша психика. Якорь твердо держит корабль с мозгами у причала, не позволяя ему дрейфовать на волнах безумства, заливаться слезами и тонуть. А у меня его не стало.

И только Моя Мелодия напоминала мне о том, кто я есть. Когда я ее играл, я видел отчетливо все лица – мамы, отца, Лизы и свое. Музыка возвращала меня к прежней жизни. Никакие аудиозаписи не могли сотворить такого же чуда. Все равно что смотреться в отражение в темном окне, жалкая пародия на зеркало. Запись не передает того, что вызывает музыка, рождаемая снова и снова. В Моей Мелодии,

сыгранной вживую, все живы, все такие, какими были, какими я их знал. Когда мне становилось страшно или одиноко – я садился к пианино и играл, и это был мой якорь.

Когда меня выписали из больницы и отвезли к куратору – Павлу Витальевичу, – пианино со мной не уехало. И я не мог справиться со своими чувствами. Мне не нужно было играть дни и ночи напролет, нет, мне достаточно было знать, что я могу это сделать в любой момент. А когда пианино не стало, я вдруг оказался беззащитным, и мой корабль с мозгами стало уносить в шторм совершенно неожиданно.

И сейчас, стоя на пороге кухни и глядя на Васю, который не мог даже глаз на меня поднять, я почувствовал, как сердце сковывает и надвигается шторм. Я сбрасываю кроссовки, забегаю в комнату и начинаю играть. С момента, как я купил синтезатор, я играл Мою Мелодию в наушниках, и это помогало, хотя звук был электронным.

Сейчас мне нельзя расплакаться. Я должен быть сильным, должен научиться справляться с любыми обстоятельствами. У меня нет времени искать наушники и подключать их, я начинаю играть. Закрыв глаза, я вижу маму, отца и Лизу. Я чувствую себя.

– Дима, это прекрасная мелодия, – говорит Вася.

Пальцы зависают над клавишами, подушечки тянет вниз, на привычные соль-ре-ми и до-фа-ля. Я доигрываю. Теперь я прочно стою на якоре. Вася, сам того не понимая, услышал все, что у меня есть. Больше, чем я могу рассказать, больше,

чем могу показать.

– Ты напугался? – спрашиваю я.

– Очень, Дим. Я сильно напуган. А ты?

– Я просто в ужасе, Вась, – отвечаю я. – Не знаю, что сказать тебе.

– Ты только не подумай, что я злюсь. Я теперь все понимаю. Мы можем даже вообще об этом не говорить, никогда. Или, наоборот, поговорить, если тебе нужно. Я не знаю, что дальше делать, но хочу сказать тебе: ничего не изменится. Все останется как и прежде. У меня больше нет вопросов, и причину, по который ты мне ничего не говорил, я уважаю.

В этот момент между нами что-то произошло. Что-то непонятное, никак не объяснимое. Раньше я не думал – доверяю ли я Васе настолько, чтобы слепо верить. Теперь знаю.

Я не знал точно, но был уверен: с Васей что-то сделали, к чему-то принудили. Этот человек – Игорь Романов – по-другому работать не умеет. Он берет свое и не дает ничего взамен. Мне удалось выудить из него ответы только потому, что ему нужно было срочно получить информацию, которой я владел. Иначе он не стал был разговаривать со мной и отвечать на вопросы. Наверное, он что-то сделал с Васей, както его запугал. Но… несмотря на это все, я был готов Васе верить. Я знаю, что он не желает мне зла и никогда не пойдет на что-то плохое только ради того, чтобы получить какую-то выгоду. Даже если там есть риск, Вася его оценит лучше меня. Даже если впереди страшная опасность, он сделает все,

чтобы этого избежать и лучше него никто не справится.

В моей жизни теперь есть человек, которому я могу доверять. И если он не скажет мне ничего, это не страшно. К тайнам я привык, у Васи просто может не быть выбора. Но я ничего не боюсь – теперь мне еще спокойнее, потому что в это все вовлечен Васька. А значит, все будет хорошо.

Возможно, я не прав, и Вася не знает, во что ввязался. Возможно, мне стоило поставить ультиматум и потребовать все выложить, пригрозив уйти навсегда. Но я не стану этого делать. Если меня еще не забрали, значит, Вася знает мою историю, и она не отвернула его от меня. Я бы был раздавлен еще сильнее, если бы друг отказался от меня, но где-то в глубине души его бы простил и понял: зачем ему такой проблемный друг, как я? Однако Вася подставил плечо в который раз. Я почувствовал, как будто нам обоим дали второе дыхание. Как будто в квартиру впустили свежий воздух. За ужином мы говорили. Не о том, что случилось, а обо всем на свете, кроме этого. Мы и раньше могли говорить обо всем, но, казалось, была какая-то нависшая над нами недомолвка, а теперь ее не стало. Кроме всего прочего, мы обсуждали Мою Мелодию, хотя я не сказал Васе, что она значит для меня. Почему-то я решил умолчать об этом.

Он что-то быстро писал в блокнот, а я, почти дышащий свободно, наблюдал. У меня не получается писать тексты. Я просто не понимаю, как можно воплотить в простых словах суть переживаний или отразить идею. Моя Мелодия научила

меня писать музыку так, как видит ее душа, а стихосложение совсем не мое. Но если на русском у меня получается хотя бы сложить строки в стих, то на английском я не могу даже рифму подобрать. Дело в том, что стихосложение на английском сильно отличается от русского. Если в русском тексте смысл и идея подаются в образах и метафорах, то в английском нужно изъясняться элементарными словами, создавая образы между строк. То есть в русском мы прячем идею за образом, а в английском – образ за идеей. У Васи это получается великолепно, потому что он профессионал, переводчик и тонко чувствующий человек.

– Вот, смотри, что у меня получилось, – говорит Вася, оторвавшись от своего блокнота. – Я долго думал над твоей нестабильностью и понял, что нет ничего важнее, чем позволить себе быть слабым тогда, когда это действительно нужно. Как это подать поэтично и красочно? Вот, читай, это набросок мысли. Если тебе понравится, я могу сложить в стих на инглише, подобрать историю.

Он протянул мне свой блокнот.

«Этот день наступит сегодня – день, когда я буду болтаться на люстре, кричать так, как будто завтрашнего дня не будет. Я буду взрывать салюты, грабить банки и прыгну с парашютом прямо в грот. Я буду пить, сколько захочу, ведь завтра не наступит. Я сделаю сегодня все, чего не сделал бы никогда, я сделаю то, чего боятся президенты, чего боится даже Стивен Кинг. Мне плевать, что завтра все будет так же – и

солнце, и люди и даже время будет течь с той же амплитудой; но сегодня день моей свободы, день рождения нового меня».

– Мне нравится. А что дальше?

– Раскидать образы для начала и сплести историю. Любую. Что ты хочешь?

– Про жестокую любовь у нас ничего не было.

– У нас вообще мало что было, – усмехнулся Вася, – но давай про жестокую любовь.

Я только кивнул. Процесс заворожил меня. Вася писал куплеты, припевы, несколько раз переписывал их, распевал. Потом сказал, что нужно написать «бридж», я не стал уточнять, что в его понимании есть «бридж», а когда он стал писать, я понял, что он имеет в виду «мостик» между основной песней к кульминации. Музыкально это обычно красивый проигрыш, но в современной музыке этот проигрыш наполняют развязкой и основной мыслью всей песни.

– Если в бридже герой перерождается, что-то понимает и меняется, то последний припев, бывает, отличается от первых двух (или трех, зависит от песни), – сказал Вася. – Наш герой должен все это пережить, да? Значит, высушим слезки.

Он колдовал над текстом, пока я убирался в квартире. Я успел перемыть всю посуду и даже пропылесосить, а Вася все еще работал над текстом. Тогда я еще раз поставил чайник и только к тому моменту, когда ароматный цикорий оказался у него под носом, со словами «Все, я закончил!» он пододвинул два листка формата А4 с аккуратными столбиками

текста.

– Ну как тебе? – спросил Вася, глядя, как я читаю.

– Я не знаю, как мы это споем, но мне очень нравится, Вась! А что делать-то будем? Совсем рифмы нет.

– Поехали к синтезатору, – велел он.

Мы разместились у меня в комнате, я положил текст на подставку и выжидательно посмотрел на Васю.

– Нам что нужно? – спросил он. Я пожал плечами, он закатил глаза и сказал: – Мелодию припева, давай пробовать. У тебя есть на примете что-то? Или сыграем на ту, что я слышал?

– Она не моя, – соврал я, – это чужое произведение. Давай свое придумывать.

– Хорошо, – ответил Вася. – Начинай.

Я попиликал на клавишах, почувствовал упругость без струн и сложил несколько аккордов.

– Неплохо, – кувнул Вася. – Пробуй петь, не обращая внимания на то, как сложен стих. Сколько нужно слов и слогов в строчку, столько и пой. Я стал пробовать, но все время спотыкался, Вася тут же подсказывал другие слова. Вложить все слова в строку у меня не получалось, и Вася безбожно резал текст, оставляя за скобками больше, чем мы уложили в стих.

…Когда песня сложилась, мне осталось только записать аккорды. Я глянул на часы. Половина седьмого. Утра?

– Вася, сколько времени?

– Половина седьмого. У нас ушло пятнадцать минут, ого.

Быстро мы.

– Что? Пятнадцать минут?

Я был поражен. Я помнил, сколько времени у меня ушло на то, чтобы сочинить Мою Мелодию, сколько времени я подбирал музыку для «Better Then Love» и «Roberto». А сейчас все получилось быстро.

– Когда запишем ее? – спросил я.

– Пусть отлежится пару дней, а потом еще раз послушаем и запишем, хорошо?

Я кивнул. Есть, босс.

Ника

Я боялась согнуть руку в локте – из вены торчала иголка. А если она проткнет вену насквозь? Я умру? Хотя сейчас, наверное, это было бы одним из лучших выходов. С такой работой и такой жизнью лучше уж умереть. Позже мне скажут, что иголка в вене эластичная, не острая, и проткнуть ничего кроме воздуха или потока крови не может. Я не стала спрашивать, а как тогда она туда попала, тупая наша? Наверняка ей помогли… ой, да ладно, не о том речь.

Я пришла в сознание в машине «Скорой помощи», кто-то гладил меня по голове. Испугавшись, что мне сейчас ее отрубят, я вскрикнула и попыталась встать.

– Тише, тише, – мягко сказал женский голос. Это была не мордовка. – Ничего не бойся, все будет хорошо…

Я нахожу глазами женщину с мягкой улыбкой возраста моей мамы. Она смотрит на меня спокойно, при этом продолжает гладить по голове.

– Как же тебя угораздило устроиться на работу на этот завод, дорогая? Ты разве не знала, что там зверское отношение к людям?

– Нет, – отвечаю я, – мне нужны были деньги.

– А теперь тебе нужно отдохнуть несколько дней и подыскать другую работу. Эта работа людям не подходит.

– Это не комбинат виноват, это Людмила, начальник сме-

ны… она ужасный человек!

– Дорогая моя, как же ты еще молода, – говорит и улыбается врач, – не бывает так. У нормальных и адекватных руководителей не работают ужасные люди. Если эта узурпаторша работает в цеху, да еще и начальником смены, значит, так выгодно руководству.

Меня привезли в больницу, сделали рентген и выяснили, что произошло защемление нерва между позвонками. Слава богу, ни трещин в позвоночнике, ни растяжений мышц спины не было. Боль была адской, но таблетки помогали. Правда, только в спокойном состоянии, если я начинала двигаться, то боль возвращалась, приглушенная, но все же. В больнице я провела три дня, как минимум по шесть часов каждый день – под капельницей. Зажатый нерв высвободили в тот же день, но от боли во время процедуры я несколько раз теряла сознание. Рефлексотерапия в моем случае – чертовски болезненная штука, мать ее, но такая эффективная. Осталась только ноющая боль восстанавливающегося нерва, но это не смертельно, главное, что основной источник боли устранен. А оставшаяся боль была в какой-то мере даже успокаивающей, натуральной: она подтверждала, что со мной случилась серьезная болячка, но все уже позади.

Я не намерена возвращаться на завод. По телефону им, кадровичкам, я так и сказала: не вернусь, и хорошо бы к моей выписке меня рассчитать. На что мне ответили, весьма, между прочим, невежливо:

– Вы знали, куда вы шли. Работа тяжелая, но хорошо оплачиваемая.

Я повесила трубку. Да, похоже, доктор из «Скорой» была права: не окажется говна в унитазе, пока его кто-то из себя не вытолкнет. Они не правы, но разбираться сейчас у меня не было ни сил, ни желания. На четвертый день меня выписали. Маме я, естественно, ничего не сказала, а когда она звонила мне на мобильный, то я бодрым голосом сообщала ей, что у меня все хорошо, я ни в коем случае не болею, ни-ни.

Врачи сказали, что все будет хорошо. И я действительно чувствовала себя с каждым днем все лучше, и ко дню выписки (на утро четвертого дня) была готова начать новую жизнь.

Собственно, она началась прямо там, в приемном покое. Правда, спустя несколько месяцев. Я пришла на очередной прием к доктору, приветливо поздоровалась с бабулями, стройным рядком сидевших у кабинетов врачей, забрала у доктора последние назначения. Бабульки не возражали, что я пролезла вне очереди. Дело в том, что доктор после моих визитов был в очень хорошем настроении, а это значит, что, возможно, ближайшим пациенткам за мной перепадет не только выписка свежих лекарств, но еще и путевка в санаторий.

Я нигде не работала все это время. И зашла в такой жутчайший тупик с деньгами, что голова пухла. Мама прознала про мои проблемы уж не знаю как. Есть у этой женщины что-то провидческое, и она этим пользуется без зазрения сове-

сти! Короче, в тайне свою нищетинку я не утаила, и опять сижу на шее у родителей. Кредитки мои погашены и выброшены отцом, но одну я успела припрятать. Никому только не говорите – это на всякий пожарный случай. Вдруг я на улице встречу красивого парня (ха-ха!), а мне даже новый лифчик купить не на что. Короче, пусть будет этот кусок пластика, есть не просит…

Уволившись с завода, я почувствовала себя человеком. Наверное, так чувствуют себя люди, которым вырезают геморрой. Можно хоть на стул садиться, хоть на диван. Хоть прямо, хоть косо! Я была в хорошем настроении сегодня с утра, но когда выходила из больницы, оно куда-то испарилось. Я снова вспомнила, что я толстая, что у меня нет работы и денег. И что, блин, с этим всем делать?

Да тут еще пробка у двери. Парень в инвалидной коляске и еще один, который эту коляску толкал. Оба парня ржали так, словно им за это хорошо платят. Я посмотрела, в чем дело: кресло коляски попало в дверной косяк, и его зажало дверью. Вытянуть руками кресло у прямоходящего не получалось, а наклониться и высвободить колесо парень в коляске не мог. Он и так улегся на колени и шарил у колеса рукой, но все мимо. Оба, не останавливаясь, хихикали.

«Голубки, что ль?» – пронеслось у меня в голове.

Я потопталась на пороге, но ситуация никак меняться не желала. Симпатичный паренек, что толкал коляску, дергал за ручки, приводя этим сидящего в кресле в бешеный восторг,

правда, он что-то пытался сказать при этом, но смех душил его.

– Господи боже, да отойди ты! – разъярилась я.

Я отпихнула пацана и схватилась за ручки. Парень в коляске мигом выпрямился и замер в ужасе. Смех стих. Я с силой дернула телегу на себя, колесо высвободилось, и коляска наконец-то выехала на улицу. Я резко затормозила, отчего большая голова на цыплячьей шейке чуть не оторвалась. Ну я не нанималась тут пиететы раскатывать.

– Спасибо, мисс, – сказал парень в коляске. Боже, какой же он худой! Я могла бы поделиться с ним своим весом, если бы это было можно. Глядя на его тонюсенькие ручонки, я с омерзением перевела взгляд на свои ветчины. Да уж.

А глаза добрые и умные у него. Ему не больше двадцати, а уже в кресле. Или все еще? Может быть, другой жизни у него и не было?

Тут к нам подошел второй парень, закрывая рот рукой. По его красной морде я увидела, что ему все еще смешно. Какой красивый мальчик!

Интересно, а чего они вместе? Наверняка родственники. Просто так такие люди вместе время не проводят. Красавчик и иссохший инвалид, что общего у них может быть? Ну вот мы с парнем в коляске могли бы быть друзьями, но с красавчиком – никак. Женской привлекательности во мне нет никакой, а человеческая привлекательность дело, знаете, такое, непростое. Надо же душам познакомиться, чтобы сроднить-

ся. А как знакомиться, когда внешность отпугивает? Народ разбегается. Вот и живу со своими ценностями наедине, поделиться не с кем.

Все эти мысли пронеслись у мня в голове, пока я искала зажигалку. Я совершенно не была намерена сейчас вступать ни в диалоги, ни просто играть в глядунью, стреляя глазами по заду красавчика. Достойный зад, стоит отметить. И красавчик в общем-то особо его не скрывал: джинсы в обтяжку (у меня такие же), походка от бедра (у меня такая же). Надо же, только в его исполнении это выглядит горячо, а в моем – остужающе. Тесные джинсы я любила до обмороков (сколько бабу ни корми, а она все равно на размер меньше купит), а походку от бедра долго не замечала, пока не увидела себя в витрине магазина. Людмилины бидоны переваливались мягче, страх божий! Стараюсь следить за своими бедрами и всем тем, что к ним приросло.

– Спасибо, – смущенно сказал красавчик, – на нас смехун напал, прямо безысходка какая-то. Я Дима.

– Ника, – автоматом отвечаю я, роясь в сумке. Чертовой зажигалки нигде нет! Где она, черт бы ее сожрал?!

– А я Вася, – говорит парень в коляске.

Я нахожу зажигалку, крепко ее сжимаю, мечтая, чтобы из нее повылазили кишки. Сволочь такая, запряталась на самом дне! После первой затяжки я почувствовала себя намного лучше и даже улыбнулась парням, чему безмерно удивилась. За мной такого не водится никогда!

– У вас тяжелая сумка, вам в какой район? – спрашивает Вася.

– «Водный стадион», – отвечаю я. – А вам?

– А нам в Алтуфьево, – отвечает Дима.

Точно голубки, решаю я. Надо бы как-нибудь бочком от них отпочковаться и незаметно унести свои телеса.

– Ехать мы будем на машине, можем закинуть вас, если хотите, – предлагает Вася. – Сумка и вправду тяжелая, а в метро вы будете очень долго ехать и наверняка стоя. После больницы – это крайне нежелательно. Соглашайтесь!

Я поперхнулась дымом. Дима тут же подбежал и похлопал меня по горбу. Я чуть не померла от такого внимания. Это же надо! Удивленно поднимаю на них глаза, полные слез от дыма и нехватки воздуха, и говорю:

– Спасибо, я не откажусь.

– Дима, ну где тачка-то? – заныл Вася и, приложив ладошку козырьком ко лбу, выразительно оглядел просторы.

Дима пожимает плечами и повторяет позу друга. Я, повинуясь стадному инстинкту, тоже закрываю глаза от солнца и пытаюсь найти машину. Машин на парковке, естественно, туча.

– Мы высматриваем определенную машину? – спрашиваю я.

Мой вопрос заставил парней снова словить смехуна. И пока они смеялись, к нам незаметно подкатил черный микроавтобус. Не переставая хихикать, Дима хватает мою сум-

ку со шмотками, закидывает в авто, потом нажимает на какую-то кнопку, и с тихим жужжанием выезжает пандус, на который Димой же вкатывается Вася, пандус натужно поднимает невесомого Васю в широком и с виду тяжелом кресле. Когда оба – и Вася и его коляска – исчезают в глубине салона, пандус укатывается под днище. Из машины вылезает Дима и спрашивает:

– Ника, а ты следом побежишь?

Я бросаю окурок и залезаю внутрь. Интересненько! Кресла автомобиля расположены по периметру, а в центре в своем сидит Вася. Дима что-то крепит у колес, оттуда доносятся пыхтения и сопения и, наконец, бодрый голос:

– Шеф, поехали!

Я сажусь в кресло возле Васи, через мгновение рядом опускается Дима. Его локти, плечи и зад тут же упираются в мои жиры, мне становится неудобно, а Диме как будто по фигу. Он обмахивается ладонью и смотрит на Васю, который что-то внимательно читает в айпаде.

– Димка, сегодня не спим вообще. Беспальцева очередную нетленку настрочила, просто жесточайший перевод. Огромный, двадцать страниц, нужно и рецензией ее отбрить, и перевод сделать. Ну что за баба, ей-богу!

– Вася, давай поговорим об этом потом, тут все-таки Ника, которой едва ли интересны наши головняки, – отвечает Дима.

Я уже совсем не знаю, что и думать. Дима что, сиделка Ва-

си? Или ассистент? Ну с виду это так не выглядело. Диму совершенно не напрягали его обязанности (если это работа, то именно так), а Вася не испытывал чувства неловкости. Или они уже давно работают вместе, или что-то тут не то. Любопытство меня съедало изнутри, я не выдержала и ляпнула:

– А вы вместе?

Первым захохотал Вася, за ним – Дима. Да, смешно, ага, хи-хи. Ну так ответит кто или нет? Дима подавил смех и серьезно сказал:

– Да, мы вместе.

– Здорово, – отвечаю я.

Ну теперь понятно, судя по всему, Вася – богатенький сынок, а этот Дима прилип к его деньгам. Наверное, на моем лице отразилось искреннее омерзение, потому что Дима зашелся еще более диким хохотом, а Вася посерьезнел и поспешил оправдаться:

– Вы не так поняли, Ника. Дима – мой помощник. Мы работаем вместе. Так как я маломобилен, Дима выполняет ту часть работы, которую мне выполнить затруднительно. Да успокойся ты уже, Димка! Ввел девушку в заблуждение!

Дима закрыл ладонями рот, но оттуда все равно вырывались междометные повизгивания. Смех был не издевательским, а искренним, и я начинаю чувствовать, как вибрирует в глотке зарождающийся смех.

Все-таки они прикольные.

– А что там у вас с переводом? С какого языка? Если с

английского, то я могу помочь.

Вася замирает.

– Ты знаешь английский? Можешь переводить литературные тексты?

– Могу, – отвечаю я. – Конечно, за Стивена Кинга бы не взялась, у него там черт ногу в метафорах сломит, но переводила много и с удовольствием. И даже работала одно время переводчицей.

– Тогда меняем курс и едем все вместе к нам!

Я одобрительно кивнула.

* * *

Утро. Какой кошмар, о боже. Я спала в кресле, у меня в ногах – Димка. Нет, не в ногах, а на ногах, телом – на полу. В изогнутой позе, словно герой Плевны, он посапывал и пускал слюни на мои ляжки. К обычным моим недугам и ноющей спине присоседились похмелье и усталость тела от сна в неудобной позе. Ныл затылок, ломило кости, но самое нудное и оттого нестерпимое: покалывали затекшие ноги. Это очень неприятное ощущение, скажу я вам – как будто кто-то через толстое одеяло тычет тысячей иголок. Чувствуя себя развалиной и бомжихой одновременно, я медленно раздвигаю ноги, и голова Димы постепенно проваливается между ними прямо на мягкую подушку кресла. Я пытаюсь встать, о боже, как больно! Еще усилие – и Димино лицо у меня меж-

ду ног. Хоть бы не проснулся. Такого шока, уверена, он еще не испытывал. Мелкими шажочками я пробираюсь вдоль его тела, потом начинаются бесконечные мужские ноги, мне надоедает идти растопырившись, и я переступаю через него, прости, но ты не вырастешь больше. Он не просыпается ни на мгновение, и, наверное, сейчас ему удобнее, все-таки подушка кресла – это не ноги, пусть и мои, мягкие и толстые. На него было жалко смотреть: футболка задралась, обнажив покрытое пупырышками тело. Замерз, бедняга, на полу. Ноги безвольно сплелись в загадочный узел и вероятнее всего затекли и простреливали похуже моих. Надо бы его растолкать или пнуть, что ли, чтобы проснулся… Но в туалет я хотела сильнее.

Пересекая двойную сплошную на перекрестке «кухня-уборная», я вдруг услышала дикий крик:

– Вставайте, алкоголики проклятые!

И рванула в ванную, не дай бог кто-нибудь из алкоголиков окажется проворнее! Едва я увидела унитаз, мой желудок тут же потребовал выплеснуть все безобразие, что в нем вращалось.

Дикий возглас «ВАСЯАААААА!» застал меня в полуобморочном состоянии, мучающуюся животом, сидя на унитазе. От неожиданности я подпрыгнула на онемевших ногах и пребольно стукнулась головой о дверь. В ответ я заорала: «ДА ЧТО ТАМ ТАКОЕ?!»

В ответ – тишина. Я повторяю свой вопрос еще громче, но

ничего в ответ не слышу. Тут меня обуял страх: ну все, нас нашли бандиты, нанятые неудачницей-переводчицей Беспальцевой, которой мы вчера после двух бокалов джин-тоника звонили и отчехвостили втроем; вероятнее всего, бандюки уже пристрелили Васю и Диму, теперь ждут меня. Как говорится, можешь не усердствовать с подтиранием, ибо сотрудникам морга все равно.

Управившись с трусами и штанами, я вываливаюсь из туалета, и меня ослепляет фотовспышка. Сквозь застлавшие глаза слезы я смутно вижу неясный силуэт Димы с фотоаппаратом.

– Какого хрена ты делаешь, я же ослепну! Напугал меня до ужаса! Я тебе кричала-кричала, что не отвечал-то?!

– Возьми фотоаппарат и сфотографируй меня! – игнорируя мое возмущение, командует Дима и сует мне в руки фотоаппарат.

– Боже мой, да зачем тебе фото сейчас? О боже, я что, выгляжу так же?

Я вытираю слезы и с ужасом смотрю в окошечко, куда транслируется изображение Димы. Он зачем-то разделся до трусов и выглядит весьма комично. Как веселый алкоголик в преддверии хорошего запоя. Вспомните любой фильм ужасов, когда кровожадный убийца от души возит жертву мордой об асфальт, а потом отрубает голову и поднимает за волосы как трофей. Вот если представить, что волосы сами так держатся, то получится прекрасное описание Диминой при-

чески. Под глазами синяки-фингалы, причем они не похожи на темные круги, они похожи именно на отметины от ударов, двух прицельных, четких, сильных, с нокаутом и тонкой струйкой непроизвольно выброшенной на повороте головы слюны. Асексуальная щетина на щеках и болезненно втянутый живот. Картина та еще.

– Он специально купил фотоаппарат для сегодняшнего дня, – слышу я сиплый голос Васи. – Я знал, что это рано или поздно случится, правда, я думал, что мы будем выглядеть на этих фотографиях получше.

Я щелкаю затвором, Дима смотрит на кадр, хмурится, но потом улыбается и говорит:

– Теперь совместное фото!

Он хватает меня за руку и тащит в комнату, откуда слышен Васин голос. В этой комнате вчера мы не работали, видимо, тут спит Дима, а сегодня спал Вася. Прямо в своем кресле. Щуплое тельце в спортивных штанах без футболки. Ребрышки можно пересчитать пальцами. Голова взъерошена по бокам на манер китайского домика, а на лбу плотно прижаты к голове. Темные круги под глазами, плавно стекающие в синеватую щетину. Я встала у Васи за правым плечом, Дима встал слева, оттянул руку с фотоаппаратом ввысь и – шпляк – снова вспышка.

– Фотосессия окончена, можете приводить себя в порядок, потом будем завтракать, а я буду рассказывать, что произошло! – оповестил всех Дима. Вася кивнул и покатился в

ванную, я выхватила у Димы фотоаппарат и нашла фотки с собой.

Господи! А лицо-то! В гроб краше кладут! У меня и так немаленький нос, но на фото под мой нос могли уместиться дети в дождь! Рубильник! Не хватает указателей, где ВКЛ (влево) и где ВЫКЛ (вправо). На голове у меня явно разгонялась кошка перед прыжком (предварительно она насрала мне в рот), волосы торчат, словно хотят сбежать с головы, подводка растеклась аж до щек, а щеки уплыли аж до груди, а груди расхристанные, как два надутых презерватива. Ой, боже, и я так выгляжу?

– Плохой фотоаппарат!

Я кидаю его на кровать и хочу уже выйти в свет, но слышу разговор парней.

– Ты тоже в ванную? – спрашивает Дима. – Набрать тебе воду или ты просто душ принять хочешь?

– Я сам, – отвечает Вася с нотками раздражения в голосе.

– Ну ты чего, я помогу…

– Не надо, лучше приготовь что-нибудь на завтрак, есть хочется.

– Какие мы независимые, ну как скажешь. Только не закрывайся на замок.

– Ага, – раздраженно отвечает Вася.

– Когда выйдешь, снова сфотографируемся. Так сказать, официальное фото. А эти страшненькие оставим для себя лично, в архив.

– Что стряслось-то? Почему сегодня день особенный?

– Я все тебе расскажу, когда выйдешь из ванной, чистый и пробудившийся. Смой похмелье в трубу!

Девушку никто в ванную первой не пригласил, пришлось, стоя у зеркала гардеробной, обмусоленным пальцем подводить тушь, пятерней расчесывать волосы. Лифчик болтался на плечах, и я застегнула его, грудь приобрела естественную позицию, галлоны перестали торчать в разные стороны, как указатели на сельской дороге. Мне хотелось помыться, но как я попрусь в душ в этом доме? Тут, наверное, и полотенца чистого для меня нет, и смены одежды. Да уж, ситуация. А вчера все так невинно начиналось…

Мы приехали и первым делом занялись переводом. Под это дело Дима притащил три полных бокала джин-тоника, дело пошло быстрее. К двум ночи я сдала Васе свою часть, и он все не переставал восхищаться, читая мой перевод. Я гордилась и пила. Потом мы решили позвонить Беспальцевой, чтобы высказать ей свое профессиональное мнение. Весело было, когда она, сонная, выслушивала сначала Васю и его заплетающийся язык, потом мои авторитетные заявления, а потом запел Дима. Как понравилась мне та песня! Именем мужчины названа, не помню, как точно. Но сейчас вспомню… та-да-дам… та-да-да…да-да-там… Роберто-Роберто! Точно! Текст, правда, немного высокопарен, не хватает в нем разговорщины, коей в моем лексиконе предостаточно – у нас был преподаватель носитель языка, и он активно внедрял в

наш литературный словарный запас слова вроде wanna (want to), geraut (get out), cuz (because) и прочие устоявшиеся у простых американцев словечки и фразы вроде so do I («как и я», что чаще в литературе переводится как «да» в смысле ответа на незаданный вопрос. Например, на не вопрос: «Я сегодня иду в бассейн» – ответом будет So do I – «как и я»). В общем, я немного подредактировала текст, чем вызвала бурю восторга у парней, ведь даже на слух песня стала более скругленная, натуральная. Потом Дима исполнил еще песню и несколько мелодий без текста. Вася, клюющий носом, заявил, что обязательно напишет к ним тексты, а я авторитетно подтвердила, что очеловечу текст. Так или иначе надрались мы хорошенько, и тут у Васьки проснулось второе дыхание. Он схватил блокнот и стал писать, вырывал страницы, швырял мне, а я правила текст и передавала его Диме, который устроился у меня в ногах и распевал его, подбирая мелодию. Видимо, так мы и заснули.

* * *

Дима приготовил очень вкусный завтрак: мои любимые драники с икрой и свежевыжатый апельсиновый сок. Он таинственно улыбался, что начало меня немного напрягать, но больше всего меня удивил Вася: он как будто боялся узнать, от чего Дима выглядит как влюбившаяся девственница. Сама я – не большой любитель затяжной интриги.

– Ты расскажешь уже, что случилось и почему сегодня настолько особенный день, что ты запечатлел нас в стадии жутчайшего похмелья? – не выдержала я, накинувшись на драники.

– Расскажу, – закивал Дима, поглощая завтрак, – но не с полным ртом. К тому же под эту новость нужен бокал.

– Какой бокал? С ума сошел? Я больше не пью. Я просто не могу уже!

Вася хмыкнул, а Дима понимающе улыбнулся, но бокалы на стол поставил, разлил в них сок, быстренько все доел и стал ждать, когда закончим трапезу я и Вася. Меня уже изнутри подгоняло любопытство, поэтому я вопреки расхожей истине жевать пищу тридцать три раза, не жуя доела все, что было в тарелке, выпила стакан сока и стала выжидательно смотреть на Диму.

– Итак, как я уже сказал, нам нужен бокал, – сказал Дима.

С этими словами он снова разлил сок по бокалам, убрал всю посуду и удалился. Вернулся он с ноутбуком. Раскрыв его и поставив перед нами, сказал:

– Ника не знает, но а ты, Вась, должен помнить о том видео, которое мы выложили в Сеть. Помнишь, где я исполняю твои песни?

– Ну, положим, не мои, а наши, – перебил Вася Диму, – мой там только текст, музыка твоя.

– Моя инструментальная версия, – поправил его Дима, – мелодия изначально твоя, поэтому на восемьдесят процен-

тов это твои песни, и не спорь, это действительно так. Вернемся к видео. Ты заходил на страничку на youtube, куда мы выложили эти файлы?

– Нет, – виновато ответил Вася, – но не потому что мне все равно, а потому что события последних дней как-то не очень располагали к тому, чтобы это сделать. Голова другим забита была.

– Вот и у меня тоже. Как оказалось – зря! И сегодня день действительно выдающийся, Вась, Ника, посмотрите.

С этими словами он набрал в браузере адрес видеохостинга, и сразу открылась главная страница сайта youtube.ru.

– Теперь смотрите внимательно, – сказал Дима.

Вася приблизил нос к экрану, и я тоже. Неужели вчерашние посиделки выложили на ютуб? Но нет, быть не может, тем более Дима и Вася говорят о каком-то видео, где Дима исполняет Васины песни. Насколько я понимаю, они записали исполнение «Роберто» на видео и выложили на этот сайт. Я внимательно оглядела страницу. Расположенные аккуратными плитками видеозаписи, реклама, данные аккаунта… что конкретно я ищу? И тут я увидела.

В ленте «Популярное видео» первым шло видео пользователя no_name под названием «Roberto and Better Then Love», на картинке был изображен Дима возле своего синтезатора. Стоп-кадр был очень удачным – грустный взгляд, губы, готовые начать историю, и руки, плавно опускающиеся на клавиши. Под картинкой была напись:

«Roberto»
1 862 677 просмотров
5 дней назад

– Почти два миллиона просмотров?! Ты шутишь, что ли?! – завизжал Вася.

От удивления и радости у него навернулись слезы. Это же надо! Бедняга, наверное, он даже представить себе не мог, что их песня кому-то понравится! Дима открыл файл и показал комментарии – они были на разных языках, но больше всего – на английском. Число комментариев – 2998. Среди тех, кому видео понравилось, – 6594 пользователя, тех, кому не понравилось, – 1243.

– Дима, а почему просмотров почти два миллиона, а «нравится» и «не нравится» отмечено около пяти тысяч? – спрашиваю я.

– Потому что многим лень ставить «лайк» или писать коммент, – пояснил Дима. – Но главное, это то, что большинству нравится, и видео стало вирусным. За пять дней столько просмотров!

Он пролистывает несколько страниц комментариев. Если откинуть все «Класс!», «Пойдет!» и «Че за гомик?» и прочитать содержательные, в целом можно сделать вывод о том, что людям понравились песня, исполнение и артист. Это значило очень много, действительно.

Мне понравился один комментарий, оставленный пользователем valenta день назад: «Я не очень люблю песни с намеком на гомосексуальные связи, но есть композиции, к которым невозможно испытывать негатив: настолько они красивы и столько эмоций они вызывают. Творите дальше, у вас потрясающее будущее в мире музыки. Таких искренних песен мало, спасибо, тронули до глубины души». Комментарий был оставлен на английском языке, а после него еще несколько страниц комментариев вроде: «поддерживаем valenta! Творите дальше!»

Димины глаза горели огнем победителя. Он нетерпеливо смотрел на нас, ожидая реакции. Я была рада за них, конечно. Но ждать от меня бурю искреннего восторга, простите, глупо: я знаю этих парней полдня, вечер и ночь. А что до Васи, то его молчание и сосредоточенное чтение комментариев явление загадочное, ничего не скажешь. Может быть, он считал нужным сохранять здравую голову? Радоваться есть чему, но этот успех капитализировать или удержать невозможно, это к гадалке не ходи. Все эти люди, которые пришли и им понравилось, после этого видео посмотрели еще кучу понравившихся им записей и давно забыли о нем. Если они собираются развиваться в музыке, нужно начать со сбора аудитории. Чтобы развеять молчание (Дима стал угасать оптимизмом, видя слабый интерес и восторг друга), я озвучила свои мысли в несколько другом ключе:

– Парни, вы такие молодцы! Я вас поздравляю! Это дей-

ствительно достижение! В такой конкуренции среди бесплатного видео, да еще с функцией рекомендаций вам удалось создать нечто такое, что заставило почти два миллиона людей отложить свои дела и посмотреть видео! Вы умницы! Но я думаю, Вася мал оптимизмом потому, что испытывает страх не удержать удачу. Я хочу сказать, этих людей нужно задержать, прикормить и заставить ждать нового, тогда в этих миллионах будет смысл.

Вася согласно кивает, хотя мне кажется, что я просто придумала ему оправдание, а на самом деле все не так. Но сейчас я чувствовала, что важнее поддержать Димку.

– И что для этого нужно, как ты думаешь? – спросил Дима.

– Думаю, стоит начать с оформления плейлиста, – сказала я неуверенно. – Хотя, может быть, это и не самый лучший вариант.

– По-моему, нам это не нужно. Впрочем, скорее всего, это видео сегодня уже исчезнет из ютуба. Дорогие мои, вы готовы к главному сюрпризу?

– А это, значит, был не главный сюрприз?! – восклицаю я и даже ладоями всплеснула. Ах, Вася-Вася, да что же с тобой такое?

– Нет, не главный. Так вы готовы?

– Не томи уже! – притворно-радостно восклицает Вася, взяв себя в руки.

Жестом фокусника Дима переключает вкладку и откры-

вает свою почту, к которой был привязан аккаунт на youtube. Мне хватило взгляда на самое первое письмо, чтобы сердце забилось часто-часто, хотя, по сути, все это было так далеко от меня…

– Что это? – с опаской спрашивает Вася.

– Это письмо. Открываем? – говорит Дима.

– Открой сам! – занервничал Вася.

– Нет, открывай ты. Я и так забрал первенство прочтения этого письма, хотя ты имеешь на это полное право. Давай же!

Вася берет в руку мышку и трясущейся рукой наводит ее на письмо, в теме которого было написано по-английски: «Offer to mister no_name». Кликает по заголовку и открывает письмо. С любопытством я устремляю взгляд на экран. Первое, что уверило лично меня в том, что это письмо исходит от человека, действительно заинтересованного в сотрудничестве, а не от мошенника или человека, которому просто нечем заняться, – это стиль оформления документа. Ровные абзацы, аккуратно расставленный текст, содержательная, но лаконичная подпись, отсутствие повторяющихся знаков препинания и форматирования текста – как любят это мало понимающие в стиле люди – пишут заглавными буквами, выделяют текст разными цветами, пишут полужирным шрифтом и ставят бесконечное число восклицательных знаков вперемешку с единицами, и все в одном тексте, если не в одном предложении.

```
Добрый день, мистер no_name!
```

Мое имя Брэдли Морган, я продюсер центра «Коннор Дистрибьюшн». Позвольте поздравить вас с потрясающим дебютом, песня «Roberto» поразила меня. Это действительно очень хороший трек и наш продюсерский центр в моем лице делает вам предложение о сотрудничестве.

В настоящее время мы находимся в поисках артиста для нашего нового проекта, идея которого under person. Если вы не связаны контрактами с другими продюсерскими центрами, то я предлагаю встретиться в любом удобном для вас месте и в любое удобное для вас время для того, чтобы обсудить возможность нашего сотрудничества.

Позвольте еще раз поблагодарить вас за «Roberto»!

С уважением,
надеждой на сотрудничество
Брэдли Морган,
продюсер

Невероятно! Я что, стала свидетелем чуда? Постойте, вы хотите сказать, что эти два придурковатых написали песню, разместили ее на ютубе, а теперь получили письмо из «Коннор Дистрибьюшн»? Да провались я под землю тут же, если в эту маленькую кухоньку не ворвется Пельш с цветами! Я еще раз перечитала письмо. Потом – еще раз. Оно было

лаконичным и безупречным. Мистер Морган четко и ясно расставил акценты – ему понравилась песня, он готов предложить сотрудничество, если Дима уже не связан обязательствами с другим продюсером.

– Дима… тебе только что предложили контракт? Или это чья-то злая шутка? – все еще не отойдя от шока, спрашиваю я.

– Так, стоп. Что значит «тебе предложили»? Предложили контракт нам, дорогие друзья, прошу не забывать, какой вклад каждый из вас сделал!

От услышанного я опешила.

– Стоп, парни, я, конечно, польщена, но это ваша каша. Я тут малозначимый продукт.

– Ничего подобного, – возразил тут же Вася.

Надо же, чего это мы проявили интерес к делу? И по его взгляду я кое-что поняла. Он боится. В этот самый момент между нами как будто возник шнур, способный пропускать мысли друг друга, позволяющий обмениваться ими со скоростью света. Я вдруг услышала, как он думает: черт возьми, это ведь «Коннор Дистрибьюшн», это реально они, и сейчас из-за меня Димка потеряет контракт. Я ведь никуда не уеду, я там не нужен, я буду балластом. А он не захочет без меня. Что делать, Ника? Что делать? Я принимаю вызов и отвечаю: Нужно сделать все, чтобы у него получилось. Ты не можешь позволить себе разрушить его карьеру. Давай вместе что-нибудь придумаем, а сейчас нужно связаться с этими парнями

из реального «Коннор Дистрибьюшн» и решить вопрос. Я не знаю, уловил ли Вася мой посыл, и правильно ли, но он вдруг расслабился и кивнул. Это был чуть ли не выдох облегчения.

Видимо, понял он все правильно, потому что следом сказал:

– Ты сможешь написать письмо, Ника? Или лучше позвонить? В подписи есть телефон. Здесь нужен бизнес-английский, то есть разговорный, а не мой литературный.

– Конечно, я напишу письмо. Если у меня сердце не разорвется от волнения.

Брэдли

США, Калифорния, Лос-Анджелес

Ровно в восемь утра, когда Брэдли Морган пришел в офис, в его кабинете сидела красивая девушка. Брэдли оторопел, он не был готов к какой-либо встрече, на нем был и не тот костюм, и не тот галстук, да и стакан с кофе в руке не располагал к деловым переговорам. Брэдли застопорился на входе, боясь, что перепутал кабинеты (такое с ним пару раз случалось, весьма конфузно), но быстро взял себя в руки, обворожительно улыбнулся и сказал:

– Доброе утро! Я чем-то могу помочь вам?

Девушка сделала вид, что только заметила его присутствие, ее губы тронула легкая деловая улыбка, а затем она сказала:

– Мистер Морган, доброе утро! Конечно, вы можете мне помочь. Но не это главное. Главное в том, что помочь могу вам я. Меня зовут Лили Сойа, я личный ассистент Памеллы Аллегро.

– Приятно познакомиться, Лили, я Брэдли!

Он поставил стакан на стол.

– Что я могу вам предложить? Кофе, чай? Сок?

– Я не откажусь от двойного эспрессо. Памелла разбудила меня ни свет ни заря, я не успела даже чашку кофе выпить, – притворно жалуясь, Лили грустно надула губки.

Брэдли улыбнулся и, покинув гостью на минуту, попросил секретаря приготовить один двойной эспрессо. Лили казалась глупышкой, но только на вид – Брэдли не знал ее лично, но о Памелле Аллегро был наслышен еще со времен работы на отца в Британии. Основательница модного дома «Аллегро» была очень знаменитой фигурой в фэшн-индустрии, ее голос весил очень много, и случайные люди у нее не работали. Если Лили в ранге личной ассистентки, значит, эта девушка умна. Интересно, а как далеко ее деловое кокетство может зайти?

Когда принесли кофе, Лили сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Одновременно с изображением удовольствия она откинула локоны за спину, очень эффектно, черт возьми. Брэдли сел за стол, пряча выпирающее желание.

– Как же вкусно! – сказала Лили.

– Наслаждайтесь, – улыбнулся Брэдли.

– Боюсь, Брэдли, у меня совсем нет времени. Я даже, наверное, не успею допить чудный кофе до конца. У меня к вам дело необычайной важности и срочности.

– Слушаю вас внимательно, Лили.

Девушка сделала еще один торопливый глоток, снова прикрыв глаза, как кошка на солнышке, чем окончательно покорила Брэдли. Ему нравились такие девушки – стройные, красивые и умные, умеющие получать удовольствие от простых вещей вроде чашки вкусного и крепкого кофе.

– Насколько нам известно, Брэдли, у вас случился форс-мажор.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду историю с Алишей Бэнкс, – ответила Лили.

– Ну да, тут скрывать нечего, об этом известно всем. Спасибо массмедиа!

– У нас есть к вам небольшое предложение. Ничего особенного, никакого контракта. Просто дружеская рука. Однако, если вам наша помощь покажется нужной и вы заинтересуетесь, мы готовы обсудить условия нашего участия, но опять-таки только в случае, если это необходимо вам.

– Какое у вас предложение?

Лили все с той же кокетливо-деловой улыбкой достала из сумочки маленькую флэшку в виде панды. Она положила ее на стол с мягким клацаньем и пододвинула к Брэдли изящным движением.

– Здесь видео. Этот молодой человек невероятно талантлив и никому не известен. Никто и никогда не видел его на профессиональной сцене, а эта запись размещена в Интернете, записана на обычный телефон, исполнение собственной песни. Запись набирает просмотры, их уже больше двух миллионов. Если парень вас заинтересует, я думаю, было бы правильным видео из сайта убрать.

– У него есть контракты? – быстро спросил Брэдли. Два миллиона – это уже очень хорошо.

– Нет, ни единого. Больше того, парень живет не в Лос-Анджелесе, но мы поможем доставить его сюда. Главное, чтобы он вам понравился, остальное предоставьте нам.

– Но, если он нам понравится, а ваше финансовое участие, предположим, мы не захотим привлекать, какая польза вам в этом?

– Вы знаете, что Памелла Аллегро женщина мировая? Сколько она пережила… – Лили снова надула губки, видимо, это был ее ход, чтобы расслабить и отвлечь собеседника, или особый способ показать, что говорящиеся в этот момент слова – предел истины, аксиома, не требующая доказательств. – Ну так вот, она стремится помочь всем. И помочь этому мальчику само по себе очень выгодно для нас, не в финансовом плане, а, так скажем, для души. Или еще из какого-нибудь интереса, который вас никак не коснется.

– Я не понимаю.

– Брэдли, – мягко сказала Лили, – если парень вам понравится, Памелла Аллегро окажет любую помощь, чтобы его проект сработал на отлично. Все, что нужно: деньги, вирус, одежда… Все, что нужно. Если вы будете заинтересованы в коммерческом сотрудничестве, то мы обсудим это. Если нет – то нас удовлетворит и тот факт, что вы оцените нашего мальчика.

Вирус? Неужели Памелла Аллегро пойдет на то, чтобы вложиться в вирус-маркетинг? Это ведь немыслимые деньги! Конечно, вирус может нести ее бренд и убивать двух зай-

цев одной рукой, но зачем Памелле Аллегро проект Коннора, от которого зависит дальнейшее компании? Не для того ли, чтобы потом выложить этот козырь на стол? Такие предложения Брэдли не мог акцептировать сам, ему нужно было поговорить с боссом.

– Хорошо, мы подумаем и сообщим вам.

– Когда?

Ах, как не проста ты, милая Лили! Брэдли почувствовал ее острые красные коготки у себя на яйцах. Она своего не упустит, можно быть уверенным.

– Как вы знаете, этот вопрос срочный. Так что, я думаю, к вечеру у меня будет результат, и я вам все сообщу.

– Ну, тогда до вечера, Брэдли.

* * *

Брэдли просмотрел видео сначала сам, потом позвал двух коллег. Вместе они трижды пересмотрели запись с видео на песни «Roberto» и «Better Then Love». Судя по всему, песни действительно написаны парнем, который их исполняет. Ни один профессионал в мире не совершит столько ляпов при написании текста, сколько их было в «Roberto». Но больше всего их поразил тот факт, что в видео отсутствует вообще какая-либо информация об исполнителе. Ник no_name, а видео называется «Roberto и Better Then Love», и все на этом. Никакой конкретики, ни ссылки на сайт или в социальную

сеть. Ничего подобного – казалось, парень просто записал песни на видео, чтобы опубликовать их здесь, без всякой цели.

Или цель все-таки была? Только он, Брэдли, своими неопытными мозгами все никак не может понять какая?

А обе песни чудные. «Roberto» со всеми своими ляпами трепала душу какой-то невероятной мелодикой, как будто она давно жила внутри и вот наконец-то сформулировалась в песню этого парня. Это как фраза Ницше: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца» – все знают, что это так, но мало кто думает этими словами. Так и с мелодией – она кажется родной, но до сего момента никогда не звучащей вслух.

– Хорошие песни, Брэдли, – сказала Элис, продюсер с многолетним стажем, также привлеченная к поиску солистов для нового проекта, увы, безуспешно. – Конечно, при других обстоятельствах я бы подождала еще пару песенок, и если уровень цепкости примерно одинаков, то связалась бы и попросила еще парочку треков, а потом бы принимала решение. Но в нынешней ситуации, как понимаешь, вывод один: надо брать, пока другие не захапали.

Брэдли был с ней согласен. А вот Майкл, второй продюсер, артиста не оценил. Он разразился долгим монологом, в печати большую часть текста заключили бы в рамочки ‹…›, после чего в качестве выжимки напечатали бы это: «Песня могла бы стать хитом, если бы не поросячий текст. Такую песню надо петь бабе. Бабам такое прощают, мужикам –

нет».

– Ой, не слушай Майкла, Брэд, – отмахивается от парня Элис. – Майкл у нас рокер, мать его, парней воспринимает только тех, у кого наросты на пятках с копыта размером и грязь под ногтями. Мужланы-недотепы вышли из моды, дорогой Микки, и скоро твои бородатые зэки превратятся в элегантных птенцов с темно-синим лаком на ногтях, поверь мне. Тонкие и ранимые мальчики с брутальной внешностью, как этот твой no_name – вот что сейчас в моде. Не сиди тут, беги к Джейкобу с флэшкой. Парня надо сцапать и приволочь сюда, пока он в моде.

Брэдли поблагодарил коллег и взял тайм-аут еще на полчасика. Ему нужно было подумать. Что говорить Коннору? Что Памелла Аллегро подкинула им хороший вариант? А это ведь действительно так: неизвестный мальчик в тренде, с хорошим материалом и удивительно модельной внешностью. На видео он в модной футболке с принтом какой-то старой фотографии моста Vincent Thomas Bridge, на запястье красная нить. Легкая щетинка, идеально ровный нос, пухлые губы, ямочка на подбородке, весьма и весьма привлекательное адамово яблоко. Фокус камеры подрагивает, выхватывая от широких плеч парня до пояса, а там угадываются весьма узкие бедра. Фигурка что надо, спрос внешности будет и у малолеток обоих полов, и у взрослых девчонок, и у геев. Молодые девчонки – от семнадцати до двадцати шести – самый пик аудитории, платежеспособные, активные и ведомые. Ту-

да же геи от пятнадцати до сорока, рано начинающие приобщаться к моде и трендам и поздно устающие от них; геи откровенно «чистая» прибыль, они любят клубиться, покупают сувенирку, ездят на концерты, где можно делать селфи гигабайтами, брать автографы и беспрестанно вирусовать Интернет постами о том, как «было круто».

Аудитория Алиши Бэнкс формировалась очень долго – практически пять лет. Ни в одном отчете маркетологов не значилась критическая цифра 70 % «старых» фэнов. Нет, нигде не упоминалось больше 32–35 %, что означает, что Алиша Бэнкс интересна и выпускает вполне качественный продукт, который может быть востребован не только преданными фэнами, но и аудиторией, которая ни разу не нюхала Алишу и ее синглы. Когда порог «стариков» переваливает за 60 %, это становится опасным и артисту тут же нужно что-то менять, иначе даже преданные фэны в нем в скором времени разочаруются и уйдут вообще все, останется 10–15 % маньяков, и все на том. Нет, 60 % – это кризис. А 70 %, которые оказались у Бритни в начале нового века, чуть не порушили американский доллар, пришлось ей бриться, чтобы напомнить о себе. Историю с негром и изнасилованием все забыли, а ничего нового Бритни в музыку не привнесла, при том, что сама певица обладает и голосом, и пластикой. Только заставить ее натужить связки (и голосовые и мышечные) давно уже за гранью фантастики. Ее помариновали, обанкротили, заставили работать, и она, о чудо, пошла на это. Выросла за

два года практически на двадцать лет, выдала несколько шикарных синглов, пару альбомов и собрала турне. Вегас, конечно, Бритни сдохнуть не даст, она может плясать там годами, но уже пора бы, конечно, вырваться в мир. Все возможности у нее в руках – успех гарантирован. Чего ждут?

«А чего жду я? – подумал Брэдли. – У меня в руках практически стопроцентный вариант, отличный кандидат, хороший голос, тело, материал. Чего я боюсь?»

Конечно, он боялся попасть впросак, затащить Коннора в аферу и оказаться ее инициатором в тот момент, когда все рухнет, конфетти осыплются и останутся руины, между которыми будут сновать палачи и искать виноватого, которым окажется он. Так уже было. Но тогда он мало волновался, ведь он был под защитой отца, Брэдли не сомневался ни в чем, ему было на все плевать. Хоть яйца мне отрежьте, отец купит новые. Все оказалось не так. Отец отрекся от него и силой воли заставил себя спрятать пушку за пазуху и не добить сына контрольным в лоб. Отец не простил Брэдли неосмотрительности, не позволил все исправить. Он взорвал весь проект, люди разлетелись в разные части земного шара со скоростью света.

И сейчас Брэдли Морган боялся, что у него в руках новый бикфордов шнур.

Брэдли обновил страницу почты, не рассчитывая получить ответ от no_name, хотя Лили гарантировала, что парень ответит. Брэдли представить себе не мог, что кто-то что-то

может гарантировать за другого, тем более незнакомого человека. Хотя, конечно, если этот no_name был чем-то обязан Лили или ее хозяйке, то тогда все становится на места. Прошло больше двух часов с момента, когда он отправил письмо, и если бы этот паренек действительно сам выложил песню в Сеть, то следил бы за отзывами и отвечал бы на письма в любое время. Может быть, это какой-то злой розыгрыш? А что, если Памелла Аллегро играет с ними? Но зачем? Черт его знает, люди, вращающиеся в шоу-бизе, порой совершают откровенно глупые и нелогичные поступки. Другой вопрос, что через время (иногда – через очень большое время), эти самые поступки обретают смысл и становится видна стратегия. Неужели он, Брэдли Морган, снова наступил на те же грабли? Неужели следующий шаг – это телеги с говном, которые вывалит на него эта старуха?

Брэдли поставил оповещение о новых письмах на свой телефон и отправился на доклад к шефу. У него было занято, и Брэдли довольно много времени провел в приемной, собираясь с духом и постоянно проверяя почту, надеясь, что оповещение его подводит, а на самом деле письмо давно пришло, просто он об этом не знает.

– Брэдли, проходи!

Брэдли вышел из оцепенения и зашел в кабинет к Джейкобу. Шеф выглядел уставшим и недовольным. Брэдли вдруг почувствовал себя виноватым: вместо того чтобы обрадовать босса хорошими новостями, он пришел ни с чем. Та жалкая

горстка артистов, которых ему удалось отсмотреть, не тянули даже на первые двадцать секунд таланта, который Брэдли увидел в ролике no_name. Разница состояла в том, что никчемные таланты были в зоне телефонного звонка, а no_name был недосягаем. И чертова Лили отказалась помочь связаться с парнем оперативно, сказав, что «все должно идти своим чередом». Кто, мать ее силиконовую, устанавливает этот самый черед?

Опускаясь в мягкое серое кресло, Брэдли неотрывно смотрит на Джейкоба и неожиданно для себя улыбается. Его улыбка тут же вызывает ответную реакцию:

– Ты нашел? Ты нашел то, что нужно нам?!

И тут Брэдли превзошел себя – он, секунду помедлив, радостно кивает и провозглашает:

– Смотрите сами!

Джейкоб получает из его рук планшет с загруженным видео no_name, включает запись и внимательно ее смотрит. Пока старый босс смотрит видео, Брэдли неустанно следит за его реакцией – как он хмурит брови, как поджимает губы и смотрит на no_name практически не моргая.

– Ты связался с ним? – спрашивает Джейкоб, когда видео закончилось.

– Почти, есть небольшие трудности, но я справлюсь.

– Какие трудности, Брэдли? Этот парень талантлив! Если это не старт продюсерского проекта, а творчество, которым парень решил поделиться с миром, то мы должны сотрудни-

чать с ним!

– Я написал ему письмо, Джейкоб.

В этот момент пропиликал телефон. Брэдли взглянул на экран и обнаружил заветное письмо с темой «RE: Offer to mister no_name».

– А вот и ответ, – говорит он с улыбкой и открывает письмо.

> Здравствуйте, мистер Морган!
>
> Позвольте поблагодарить Вас за такую высокую оценку моего творчества! Это очень приятно. Отвечаю на ваши вопросы: в настоящее время я не сотрудничаю ни с одним продюсерским центром и с радостью готов встретиться с Вами, чтобы обсудить условия сотрудничества с вашим центром.
>
> Правда, я живу в России и в настоящее время нахожусь в Москве. Если это не является проблемой, то я еще раз подчеркиваю – буду рад встретиться. Номер моего телефона в подписи. Еще раз благодарю за Ваше внимание!
>
> P. S. Меня зовут Дима.
>
> Еще раз спасибо за столь высокую оценку.

Это был удар ниже пояса. Брэдли тяжело вздыхает и от-

ключает телефон. Артист из России – это большая головная боль для всех. Это виза, разрешение на работу, сложности с оформлением документов, переезд и адаптация. Кроме того, непонятно, какой уровень английского языка у этого парня – no_name, ведь написать письмо на английском с учетом возможностей интернет-переводчиков совершенно не проблема. Вот не бывает легких путей в самом деле! Вот если бы no_name был в Америке…

Брэдли чувствует, как краснеет. Надо же так обосраться, да еще и при боссе. Он явно чувствует этот отвратительный запах фиаско, который может издать любой человек в стрессовой ситуации. Подмышки вмиг взмокают, на лбу вздуваются капельки пота… Ну чертовка Лили, держись. Дай я только доберусь до тебя!

– Увы, я только что получил письмо от нашего парня, – говорит Брэдли собравшись с силами, – сожалею, но он русский парень.

– И что? – искренне удивляется Джейкоб. – Он отказался встретиться?

– Нет, напротив. Он говорит, что у него нет никаких обязательств перед какими-либо продюсерами и он будет рад встретиться, чтобы обговорить возможность сотрудничества.

– Отлично! Это просто отличные новости, Брэдли!

– Разве? – Брэдли не верит своим ушам.

– Конечно! А что тебя смущает, понять не могу? У тебя

на лице вся мировая скорбь!

– Но это Россия, Джейкоб! Не Канада, а Россия! Ты понимаешь, с какими трудностями мы столкнемся при работе с артистом из этой страны?

– Например?

– Грин-карта, разрешения на работу для иностранного гражданина в других странах. Переезд, языковая адаптация.

– Это ты называешь проблемами? Вот что тебе нужно сейчас, Брэдли, – говорит Джейкоб спокойно, – собраться с мыслями и все хорошенько обдумать. Если этот парень нам подходит, то его Россия нам нисколько не помешает. Ты правильно сказал, это Россия! Не Китай! Поговори предварительно с ним по телефону, послушай его, еще раз подумай и, если все действительно так, как тебе кажется, – он нам подходит, – срочно вылетай в Россию и встречайся с парнем. Предупреди наших юристов, чтобы сделали предварительный контракт и были готовы начать процедуру приобретения гражданства в сжатые сроки для него. А с парнишкой обсуди сроки переезда. Твоя задача убедить его прилететь в Лос-Анджелес вместе с тобой!

– Я не ослышался, Джейкоб? Ты действительно хочешь, чтобы я все это сделал?

Джейкоб снимает очки и пальцем трет переносицу. В этот момент он показался Брэдли очень старым человеком, у которого слишком много забот, чтобы развлекаться таким образом с ним. Если Джейкоб сказал, что Россия не помеха,

значит, это действительно так.

– Ты знаешь, действительно, в жизни порой случаются люди и ситуации, которые бы никогда не случились, если бы не определенный момент. Вполне возможно, этот парнишка нам подходит по всем параметрам, и на первый взгляд это действительно так – у него шикарный голос, хорошая внешность, хорошая песня, даже две, много просмотров – и это важно, ведь его заметили люди! И я уверен, что не все так просто будет, скорее всего, в его жизни будет достаточно препятствий для нашего сотрудничества, но если все получится, это будет наше спасение. Других вариантов, как я понимаю, у нас все равно нет? А парень стоящий.

– Я прямо сейчас напишу ему! Нет, лучше позвоню!

– Так, немного остынь, возьми тайм-аут на пару часов, согласуй все с юристами. А когда будешь с ним говорить, то говори спокойно и деловито, скажи, что у тебя дела в Москве послезавтра и после всех своих дел ты с ним встретишься. Не надо говорить ему, что ты едешь в Москву за тысячи миль для того, чтобы поговорить с ним, не делай из него неуправляемого раньше времени, это и так случится. Иди, сынок, добывай свою звезду.

* * *

Брэдли еле выдержал эти два часа. Он уже успел написать письмо юристам и получить от них ответ. Запросил в фи-

нансовом отделе деньги и получил подтвержденный кредитный лимит на пятьдесят тысяч долларов, он даже успел позвонить маме и поговорить с ней. Ему удалось даже переговорить с Джоуи и рассказать ему о no_name. Брат, конечно же, сразу попросил ссылку на видео и сказал, что прилетит в Москву увидеться с братом. Когда два часа прошли, Брэдли набрал номер телефона.

– Алло.

Это был его голос. Даже по двум слогам Брэдли узнал этот голос. Легкий чистый голос, который может содержать в себе очень многое – от ноток хрипотцы до уверенного в себе баритона.

Вспомнив курсы менеджмента, Брэдли улыбнулся – ведь улыбку слышно по телефону – и заговорил:

– Здравствуйте! Могу ли я услышать э-э-э мистера Диму?

– Доброй ночи, – отвечает Дима, – вы со мной и говорите.

– Мое имя Брэдли Морган, мистер Дима, мы с вами обменялись электронными письмами, в одном из которых вы оставили свой номер телефона.

– Все верно, мистер Морган.

– Зовите меня Брэдли.

– Хорошо, а вы меня Димой, это мое имя. По крайней мере, сейчас.

Брэдли немного удивился такой фразе, но решил не придавать особого значения этой фразе – вполне возможно, что это всего лишь проблема языкового барьера, хотя, надо при-

знать, Дима уверенно говорит по-английски.

– Отлично, Дима. Я буду в Москве послезавтра по своим делам и предлагаю вам встретиться. Как только я получу подтверждение от своего секретаря о том, где я остановлюсь и во сколько у меня закончатся запланированные переговоры, я вам позвоню, и мы обговорим время нашей с вами встречи.

– Хорошо. Когда вы позвоните?

– Я думаю, завтра утром.

– Учтите, пожалуйста, разницу во времени, в Москве на двенадцать часов больше, чем в Лос-Анджелесе.

– Это что получается, у вас два часа ночи?

– Совершенно верно.

– Простите, Дима, я не хотел вас разбудить. Все, я свяжусь с вами утром до десяти утра по московскому времени. Еще раз простите за столь поздний звонок.

– Ничего страшного. Буду ждать вашего звонка, Брэдли. Всего доброго!

Брэдли положил трубку и залпом выпил стакан воды. Парень-то кремень!

Посидев немного в тишине, Брэдли набрал босса и доложил о раскладе дел: юристы подготовят договор, финансовый отдел выделил денег даже больше, чем нужно, встречу он с Джейсоном назначил и готов вылететь сегодня же. Джейкоб внимательно выслушал и одобрил действия Брэдли. Он порекомендовал ему снять номер в хорошем отеле и предло-

жил встретиться с Димой прямо в лобби, чтобы произвести впечатление.

– Надень новый костюм, сбрызнись хорошим парфюмом и очаруй его. Обязательно спроси, с кем он будет. Ты будешь один?

– Ко мне приедет брат…

– Джоуи?!

– Да… это проблема?

– Это прекрасно! Если у него будет время, попроси его присутствовать на встрече, я только за! Поразите этого русского паренька лоском!

– Договорились.

Следующий звонок был в отдел администраторов с просьбой организовать ему визит в Россию. Через двадцать минут ему сообщили, что максимально быстро он окажется в России в пять утра того же дня, в котором вылетит в четыре часа утра, время в полете исчезнет за счет разницы во времени. Брэдли попросил уладить все вопросы с визой, купить билет и забронировать гостиницу на завтрашнее утро. Он позвонил брату и поинтересовался, как быстро тот сможет добраться до Москвы. Они договорились, что жить будут в большом двухместном люксе и что все бытовые вопросы Брэдли устроит сам, только сообщит брату, куда подъехать.

Все вопросы с документами и отелем уладились быстро. Но у Брэдли осталось еще одно важное дело, которое нельзя было решить по телефону.

* * *

Лили назначила встречу в центре. У Брэдли перед отлетом оставалось не больше пяти часов, поэтому он попросил одного из юристов проехаться до места встречи с ним, чтобы провести юридический ликбез. Строгая женщина по имени Сара (в таком же строгом костюме и с цепкими глазами) неожиданно легко согласилась, и спустя минут десять они ехали на заднем сиденье джипа. Сара быстро и лаконично говорила, словно раздавала приказы, а Брэдли слушал и не перебивал. Согласно контракту, который должен был подписать no_name, «Коннор Дистрибьюшн» обязуется организовать его переезд в США и получение всех необходимых документов для осуществления коммерческой деятельности на территории США и всего мира. Ему не придется отказываться от гражданства России, но в последующем при пролонгации основного контракта он будет обязан стать гражданином США. Далее, согласно условиям контракта, ему предоставляется стартовый капитал для записи дебютного альбома и производство видеоклипов, а он должен записать альбом и передать его в «Коннор Дистрибьюшн» для дальнейшей реализации, кроме того, должен принимать активное участие в его продвижении на протяжении восьми месяцев. Если артист соглашается на условия предварительного договора, то есть переезжает и получает документы, он обязан заключить

основной контракт на условиях стартапа, изложенного выше, и дополнительных обычно устанавливаемых условиях либо возместить все расходы и неустойку пятьдесят процентов от суммы расходов.

– Насколько я поняла мистера Коннора, в предварительный контракт должна быть внесена дата переезда артиста при вашем активном участии, то есть вы должны привезти его. Мы оплатим его дорогу и снимем ему жилье только при условии, что вы привезете его. Я не знаю, каким лимитом времени вы располагаете, но я не думаю, что больше двух-трех дней.

Джип подъехал к условленному месту встречи. Брэдли поблагодарил Сару и попросил водителя отвезти ее обратно, а потом вернуться за ним. Странное место выбрала Лили для встречи, конечно. Это была большая трасса, взбирающаяся на гору. Вид в сумерках восхитительный – ночной Лос-Анджелес, залитый электрическим светом, пульсирующий, словно живой организм. Он выглядел дорого, серьезно и невероятно захватывал дух. Брэдли прогулялся вдоль дороги и наконец увидел табличку «65», которая отсчитывала километры трассы. На обочине припаркован автомобиль с откинутым верхом, пик моды. Весной в Лос-Анджелесе все ездят либо в наглухо заштопанных тачках (с врубленным на всю мощь кондиционером), либо на таких кабриолетах, наслаждаясь прохладой скоростного ветра.

Лили стояла, опершись на передний бампер и сложив ру-

ки на груди. В темноте Брэдли не мог разглядеть выражения ее лица, но почувствовал, что она улыбается. Он медленно подошел к ней.

– Не замерзли?

– Добрый вечер, Брэдли. Рада вас видеть. Нет, я люблю прохладу.

– Очень красиво.

– Да, редко удается выбраться сюда, а я очень люблю этот город. Особенно в таком виде. Ну, что расскажете? Все получается?

– Да, – ответил Брэдли, – через четыре часа у меня самолет. В Россию, оказывается.

– Ну что же… потребуются усилия, чтобы заполучить такую звезду себе в карман.

Из приемника кабриолета тихо играет музыка. Что-то мелодичное и приятное. Брэдли встал рядом с Лили и уловил аромат ее духов – такой же мелодичный и свежий. Удивительно, как ей удается это? Выглядеть одновременно откровенной тупышкой и такой умницей, деловой, красивой и определенно девушкой со вкусом? Он вспомнил, о чем думал сегодня, пока ждал письма от no_name, и невольно почувствовал покалывание ниже ремня. Возбуждение накатило на него волной, Брэдли попытался его сбить, снова заговорив:

– Что мы будем вам должны за этого парня, если все получится?

– Эх, Брэдли-Брэдли… Вы все мне не верите?

Ее голос звучал томно, будто Лили специально издевалась над уже и так возбужденным Брэдли. А может быть… Возможно, что она специально выбрала это место для встречи? Тихое, безлюдное, романтичное.

– Я верю вам, Лили, поэтому и хочу договориться на берегу.

– На берегу, дорогой Брэдли, нужно не договариваться, а заниматься сексом, – коварно улыбнулась Лили.

Брэдли показалось, что он ослышался. Но нет, фраза вполне логичная и определенная. Что же ты делаешь, Лили?

– Знаете, Лили, когда я ждал сегодня письмо от нашего парня, я постоянно себя изводил мыслью о том, что вы меня за нос водите. И почему-то всерьез думал о том, как расправлюсь с вами, причем весьма и весьма жестоко, но в сексуальном плане.

Лили молча смотрела на Брэдли, отчего ему становилось не по себе. А что, если он перегнул палку? Что, если все это – лишь плод его воспаленного долгим отсутствием отношений и секса мозга? Что, если все не так? После неприлично долгого молчания Лили заговорила еще томнее:

– Не заставляйте меня сожалеть, что я держу свое слово, Брэдли.

Ну все, хватит. Если не хотела, то нарвалась. Если «не то имела в виду», то он не виноват. Ибо нечего так разговаривать с мужчиной. Брэдли схватил Лили за талию и резким

движением прижал к себе, впиваясь бугорком на джинсах в ее мягкую юбку. Затем одна его рука сползла ниже и обхватила ее упругую попку, другой рукой он взял ее за шею и пододвинул губы Лили к своим. Ее прохладные губы пахли жвачкой. Брэдли медленно поцеловал ее, наслаждаясь каждой секундой прикосновений. Лили не сопротивлялась нисколько, не пыталась отстраниться; Брэдли задрал юбку Лили, быстро нашел тонкую полоску трусиков и стянул их.

Теперь Лили была полностью в его власти. Брэдли уложил Лили на теплый капот прямо голой попой, быстро расстегнул джинсы и без промедлений вошел в нее.

* * *

…В девять вечера, уже из машины, Брэдли позвонил Диме.

– Дима, доброе утро.

– Добрый вечер вам, Брэдли, – веселее, чем в первый раз, отзывается Дима. Наверное, он не ждал звонка от Брэдли и был рад, что ему ничего не приснилось. После случившегося сегодня на шоссе Брэдли чувствовал себя куда увереннее. Особенно после того, как Лили сказала тихо: «Только попробуй на этом остановиться».

– Я звоню подтвердить нашу встречу и обсудить с вами ее детали, – сказал Брэдли деловито. – Я заканчиваю в восемь часов вечера по московскому времени. Мы сможем встре-

титься с вами этим же вечером или лучше перенести наш разговор на утро?

– Вечером мы можем, – ответил Дима. – Поэтому решайте сами, удобно ли это вам или вы хотите отдохнуть после встречи.

– В Москву я прилетаю работать и поэтому хочется использовать день по максимуму. Мой секретарь забронировала мне номер в отеле «Свиссотель Красные Холмы», вы знаете где это?

– Да, недалеко от Павелецкого вокзала, в центре.

– Мы сможем встретиться в лобби отеля? Там есть отличный панорамный бар, называется «City Space».

– Хорошо. До встречи.

– До встречи, Дима.

* * *

Долгожданная встреча с братом прогнала усталость от длительного перелета. Дорога сожрала разницу во времени между Лос-Анджелесом и Москвой, и Брэдли прилетел в аэропорт Шереметьево во столько же, во сколько вылетел из Америки.

Джоуи был очень красивым мужчиной, Брэдли немного завидовал старшему брату, потому что проигрывал ему по всем параметрам – и в карьере, и во внешности. Белобрысый Брэдли был не совсем блондин, в волосах присутствовал

какой-то странный русоватый оттенок, сгущающийся у корней, отчего казалось, что волосы плохо прокрашены. Джоуи же был русым, свои насыщенные пшеничным цветом волосы он носил средней длины, и Брэдли казалось, что они сами изящными волнами зачесывались назад. Общие у братьев были только глаза – мамины, такие же темно-синие, почти черные, при правильном освещении они отливали глубоким морским цветом. Брэдли был выше, но худее и бледнее, а Джоуи был чуть пониже, но крепкий и фигуристый. У Джоуи совершенно очаровательная мимика, от которой в восторге все директора по подбору актеров – брат умел быть милым, улыбаться с ямочками на щеках, но мог сделать и устрашающее лицо с тяжелом взглядом исподлобья. Зрительницы были очарованы Джоуи с его первой роли в кино – любвеобильного полководца в картине американского режиссера; события в драме разворачивались в Древней Греции и сценарий предполагал очень много эротических сцен, которые принесли Джоуи всемирную популярность, хотя его роль была эпизодической.

Несмотря на то что Брэдли выслал Джоуи эсэмэс со всей информацией об отеле, Джоуи решил подождать брата в аэропорту. Они встретились, обнялись и быстро удалились с глаз долой – многие уже подозрительно посматривали на Джоуи, Брэдли знал – сериал, с которого началась карьера Джоуи, очень популярен в России. Джоуи был лицом рекламной кампании одной крупной фирмы по услугам част-

ных водителей, которые работали по всему миру и предоставляли своих водителей и машины бизнес-класса практически везде, где требовалось Джоуи, а его участие в рекламной кампании предполагало практически моментальное предоставление услуги. Пара нажатий кнопок на мобильном – и Джоуи организовал трансферт и братья достаточно быстро добрались до отеля, несмотря на ужасающие отзывы в Интернете о «страшных московских пробках». Брэдли, к своему великому стыду, совершенно ничего не знал ни о России, ни о Москве. Для него русские – народ недалекий, а Москва, скорее всего, похожа на пригород Лондона – с трехэтажными зданиями и тихими улочками. Но даже небольшой экскурс в Интернет показал, что все не так.

А вживую Брэдли очаровался Москвой. Как маленький мальчик, он смотрел на пролетающие мимо небоскребы, бесконечные потоки людей и машин, чувствовал, как город пульсирует энергией не слабее, чем Нью-Йорк. Это большой и колоритный город, наполненный звуками и тем невероятным шармом большого и суетливого мегаполиса, который манит провинциальных людей, вытягивая из них последние силы.

Отель его поразил: он не ожидал такого роскошного приема, таких высоких потолков и вообще такой красоты. Еще со школы Брэдли помнил, что Россия – страна переживших Советов, подгнивающий коммунизм, но в действительности это невероятный капиталистический город, имеющий весь-

ма нескромную цену.

Номер на двоих стоил около полутора тысяч долларов. Это был президентский полулюкс с двумя кроватями и небольшой гостиной, в которой стояли два кресла, круглый столик и плоский телевизор на стене. Брэдли быстро принял душ, решив не тратить время на сон, хотя в самолете ему не удалось поспать: он всегда мучился в самолетах, книги не читались, музыка не слушалась, не спалось, поговорить не с кем (хотя, может, это и к лучшему); из отвлекающих и относительно расслабляющих событий в двенадцатичасовом полете были три обеда, пара разносов коктейлей и медленные осмысленные походы в туалет. Переодевшись в чистые костюмы, братья спустились в лобби, заказали по стакану виски и, как в старые добрые времена, не переставая улыбаться от приятной встречи, пустились в разговоры. Им всегда есть что обсудить, и в повседневной жизни они созваниваются не реже трех раз в неделю по скайпу, глядя друг на друга, обмениваются событиями жизни, советуются и просто болтают о пустяках.

– Ты знаешь, ничего не изменилось, – сказал Брэдли с улыбкой, – все глаза по-прежнему на тебе.

– Люди просто не могут понять, что легендарный вампир может так весело обсуждать в России с удивительно похожим на себя стильным парнем!

Будучи младшим братом, Брэдли всегда равнялся на Джоуи. Его стиль очень нравился Брэдли, но он старался не ко-

пировать брата, а искать что-то свое, но похожее. Джоуи нравились строгие костюмы, тонкие галстуки, хрустящие белоснежные сорочки, лакированные ботинки или толстые свитера и синие джинсы с кожаными сапогами. В гардеробе Брэдли тоже присутствовали пиджаки, но твидовые, разных оттенков: от синего до черного; брюки он не любил, под пиджак надевал джинсы. Рубашки Брэдли предпочитал не белые, а цветные и с необычными узорами. В общем, восхищаясь братом от и до, Брэдли сумел сохранить индивидуальность и чувствовал себя вполне комфортно.

– Расскажи мне подробнее о своем деле в Москве, – попросил Джоуи.

– О, мне предстоит непростая задача. Представь на минуту: заявляюсь я, – Брэдли делает выразительную паузу и показывает на себя, мол, именно я заявляюсь, никто другой, – и предлагаю тебе бросить все, потому что в Лос-Анджелесе под тебя выделен проект, и ты станешь звездой. Ну?

– Я бы спросил, во сколько самолет, – ответил с улыбкой Джоуи.

– А я бы послал себя на фиг!

– Ну а через два года все равно прилетел бы.

– Будем надеяться, что наш потенциальный артист думает так же, как и ты. Хорошо бы было, если бы no-name, то есть Дима, обладал твоим характером, работоспособностью и желательно внешностью. Это было бы идеальным решением. Хотя нет, все, как у тебя, только добавим умение петь.

– Это да, – рассмеялся Джоуи, – от моего пения разбегаются даже самые преданные фанаты, проверено опытом.

– Джоуи, мне нужен твой авторитет и умение вести переговоры. Я не могу улететь из Москвы ни с чем, я должен заполучить этого парня.

– Во сколько встреча?

* * *

Их было трое. В пафосе не откажешь. Брэдли сразу узнал Диму, хотя двое парней чем-то были похожи друг на друга, но второй был прикован к инвалидному креслу. С ними была еще девушка, невероятно полная, но собранная и деловитая. Брэдли договорился с официантом в ресторане, чтобы им накрыли в панорамном баре на пятерых и чтобы гостей проводили к ним. Но когда портье показался в сопровождении троих важных и томных гостей, один из них вкатился на современном кресле с моторчиком – Брэдли сразу напрягся. Парни непростые, и это видно сразу. Тот, что в кресле, совсем непростой. С ним будет труднее всего. Зачесанные назад мокрые волосы, томный, как будто уставший взгляд, плавные уверенные движения рук, направляющих кресло. Необычно видеть столь уверенного в себе человека в инвалидном кресле.

Дима так же неторопливо, как и его друг, прошествовал к указанному портье месту, остановившись лишь раз, что-

бы попросить портье убрать одно кресло. Затем он медленно улыбнулся, но очень быстро стрельнул глазами сначала на Брэдли, потом на Джоуи.

– Добрый вечер, джентльмены, – медленно на идеальном английском сказал парень в кресле и протянул руку для пожатия, не удосужившись подъехать ближе, чтобы братьям было удобно ее пожать.

Первым встал Джоуи, пожал руки обоим, а затем инициативу перехватил Брэдли, пребывающий в некотором замешательстве. Он стряхнул с себя оцепенение. Все-таки это его встреча, и он должен руководить. Но в ситуацию вмешалась девушка. Она лучезарно улыбнулась, растолкала парней, протиснувшись к братьям, подергала совершенно женским, без смысла, рукопожатием каждого и представила всех и всем:

– Привет, мистеры Морганы. Меня зовут Ника, а это – Вася и Дима. – Девушка указала на своих спутников. – С вашего позволения мы присядем, очень устали добираться по пробкам. А как долетели вы?

– Добрый вечер, – почти ошарашенно сказал Брэдли, который еще не понял, устраивает ли его такой перехват инициативы. – Меня зовут Брэдли Морган, а это мой брат и советник Джоуи Морган.

– Приятно познакомиться, – ответил парень в кресле.

У Димы было твердое рукопожатие, не то что у его друга. Тот выглядел нездоровым человеком, но очень важным.

Судя по взглядам Димы в его сторону, главным в их троице был именно этот Василий. А вот назначение этой большой девушки оставалось пока непонятным. Тем временем троица расселась, Дима и Ника уселись в кресла по обе руки Василия, и братьям не осталось ничего иного, как занять два оставшихся кресла напротив гостей.

Брэдли не знал, как начать разговор. Он не был готов, что Дима явится на встречу в сопровождении парня в инвалидном кресле и большой девушки. Хорошо, что Джоуи рядом. У брата большой опыт переговорных процессов, и, видимо, схожие мысли его посетили, только в отличие от Брэдли он знал, что нужно сказать:

– Наверное, вы удивлены тем, что нас двое. Но я присутствую только как поддержка со стороны. Я не имею отношения к лейблу, в котором мой брат работает продюсером, просто мы оказались в одно время в Москве. Надеюсь, вы не против моего присутствия?

– Нет, – ответил Василий, – не против.

Брэдли смутился еще сильнее. Мало того, что Джоуи намекнул о пальме первенства на переговорах, так еще и задал скрытый вопрос о намерениях и статусе этого Василия, однако тот посчитал возможным проигнорировать оба посыла.

– Замечательно, – с улыбкой сказал Джоуи, привыкший к столь бесцеремонному общению и умеющий держать лицо.

Может быть, этот Василий адвокат Дмитрия? Или переводчик? Но нет, Брэдли сам лично общался с Дмитрием по

телефону и не чувствовал языкового барьера. Дмитрий говорил уверенно, без заиканий и протягивания букв, что часто делают люди слабо говорящие на иностранном языке, чтобы восполнить паузу в то время, пока мозг подыскивает подходящее слово. Хорошо, пусть даже так, пусть этот Василий адвокат, а кто тогда Ника? Переводчица?

Нет, нужно обязательно выяснить вопрос о назначении Василия и Ники, они ненужное звено в цепи, и надо понимать, насколько они важны и в каком русле будет строиться разговор. Видимо, Ника решила, что снова пора брать инициативу в свои руки. И, как обычно, сигналом начала ее активности просияла улыбка, после чего девушка взяла в свои руки порядок оформления заказа. Она подозвала официантов, раздала заказы со своей стороны, весьма непринужденно вписав в свой заказ пожелания Брэдли и Джоуи, братья сами не поняли, как она в две секунды выведала у них пожелания. Так или иначе, спустя три минуты светского трепа об ужасном трафике Москвы и восторгов Брэдли по поводу мегаполиса на столе перед ними стояли чашки с чаем, кофе, свежевыжатым соком и парой тарелок с легкими закусками. На столе появилась пепельница, но Вася категоричным движением отодвинул ее от себя, после чего она так же незаметно испарилась. Ника создавала уют и снимала напряжение, хотя, казалось, оно находилось только на стороне братьев Морган.

Парни оставались молчаливыми, пока Ника тянула на се-

бе правило первых десяти минут делового этикета и развлекала братьев Морган болтовней ни о чем, но когда первый кофе закончился, а трубочка Васи скользила по дну в поисках последних капель сока, Брэдли получил едва заметный пинок от брата. Сигнал к тому, что нужно начинать то, зачем мы все здесь собрались. Брэдли повторил про себя порядок подачи информации и, попросив официанта повторить заказ, начал говорить:

– Дима, позвольте выразить восхищение вашей работой, потрясающие слова, великолепное исполнение и цепляющая за душу мелодия. Очень важно, чтобы песня западала вместе с текстом в голову. У вас уже двенадцать миллионов просмотров! Это невообразимо!

– Спасибо, – ответил Дима. Голос у него был глубокий и тягучий, как мед. – Но автор песни Василий.

– Только слова, – вставил Василий, – музыку написал Дима сам.

Вот теперь по крайней мере понятно, с какого боку тут этот Василий. Значит, он пишет тексты. Собственно, очень даже неплохо! Текст действительно был глубоким, поэтичным и образным. Брэдли вспомнил, какие недочеты он выловил в тексте, совсем, вернее, не недочеты, а откровенные штампы, но говорить об этом не собирался, однако понял, что это сейчас прозвучит, ведь Ника снова одарила присутствующих своей улыбкой и сказала:

– Конечно, мы понимаем, что текст песни немного от-

личается от разговорного английского и содержит в себе несколько поэтические штампы, но мы будем работать над этим.

– Вернее, уже поработали, – вставил Вася. – Ника отлично переписала текст «Roberto» и остальных песен, и мы обязательно все вам покажем.

Ага, а вот и функция Ники. Вероятно, девушка с неплохим знанием разговорного английского. Брэдли учился когда-то в университете и помнил, что иностранные языки учат в двух плоскостях, совершенно друг от друга отличающихся – в разговорном, так называемом «бизнес-формате», и письменном, литературном. Судя по всему, Ника была «бизнес-адаптером», с одной стороны, и разговорным редактором текстов – с другой. Брэдли внимательно присмотрелся к девушке: молода, весьма симпатичная, но слишком полная. Руки вздутые, второй подбородок… Хотя одежда подобрана неплохо и со вкусом: темное платье, фиолетовый шарфик, небрежно наброшенный на плечи и скрывающий добрую половину того, что принято скрывать полным людям. Черные колготки на ногах придают форму и заметно стройнят ноги, а элегантные лодочки на каблуке прекрасно подходят к этому образу. Она сидела, скосив ноги влево, на манер деловой позы бизнес-леди, чашечку кофе держала двумя пальчиками… в общем, совершенно не выглядела девушкой, которая чувствует неудовлетворение в своей внешности. Честно говоря, она была чуть ли не единственной живой фигурой

напротив. Но Брэдли больше интересовал Дима, он не подавал никаких признаков заинтересованности. Казалось, ему совершенно безразлично все, что происходит. С одной стороны, это было неплохо (никто не хочет связываться с пищащим от восторга щенком), но с другой, конечно, это настораживало. На сцене он тоже будет еле дышать? Брэдли заметно расстроился, но не позволил себе потерять лицо. Даже если ему не удастся разглядеть в парне то, что он увидел на видео, он все равно скажет все, что запланировал, и просто уедет из Москвы, не сделав предложения. Это весьма прискорбно, потому что еще полчаса назад он был уверен, что все наконец наладится.

– Как я говорил вам, Дмитрий, по телефону, наш продюсерский центр готов предложить вам сотрудничество на следующих условиях…

Глава 6

Вася

Россия, Москва

Я оглох на оба уха или в переговорной этого шикарного отеля повисло молчание. Только что было озвучено предложение. Брат Брэдли Моргана Джоуи внимательно следит за реакцией Димы, да и Брэдли тоже. Я же наблюдаю за тем, как меняются их лица с каждой секундой.

Несмотря на успокоительные, которые мы приняли все втроем – я, Ника и Дима, – мой мозг соображает здраво и относительно быстро. В этой ситуации есть какой-то подвох, и чем скорее я пойму в чем, тем меньше шансов, что Дима наделает глупостей.

Так, включим голову и подумаем. Они предлагают ему контракт с условием, что сами будут решать все, что касается его карьеры, но вся его карьера будет строиться на его деньгах, взятых в займы. В чем проблема? Проблема может состоять в том, что продюсеры могут кинуть его, выделив деньги и сделав свою работу плохо, и получится, что Дима потеряет деньги и время. Но с другой стороны, зачем им рисковать своими деньгами, выделенными не под проценты? Ведь они ничего не заработают! Хотя нет…

– Какие гарантии есть у артиста, что ваше руководство его проектом принесет прибыль? – решил спросить я в лоб.

Брэдли несколько раз моргнул. Кажется, этот вопрос его сильно озадачил, а меня озадачило его поведение. Если это рабочая схема, то такой вопрос задавался неоднократно. И он должен быть готов на него ответить. На удивление, мне ответил за него Джоуи:

– Гарантия нужна не артисту, а продюсерскому центру. Он финансирует под возврат производство проекта и должен иметь гарантии, что деньги вернутся. Поэтому он заинтересован в том, чтобы проект сработал хотя бы «в ноль», а для этого нужно умело и грамотно управлять ресурсами.

– Но деньги вернутся в любом случае! Если проект не сработает, то деньги отдаст артист, или я понял неверно?

Джоуи как-то странно улыбнулся.

– Василий, очевидно, вы живете в России, где компании могут высудить деньги, занятые под бизнес с простого человека. В Америке это невозможно. Человека признают банкротом и прощают ему долги. Конечно, если у него нечего продать. А когда речь идет о человеке с иностранным гражданством, то тут дела обстоят еще хуже: в России никто судиться не будет, это выйдет намного дороже.

– Господа, прошу нас простить, нам необходимо посовещаться, – сказал я.

Брэдли кивнул, и они с братом удалились, оставив нас наедине.

– Что с тобой? Почему ты молчишь? – спросил я яростно у Димы. Мне было непонятно, отчего он вдруг замкнулся в себе.

– Ты им веришь? – вопросом на вопрос ответил Дима.

– Верю, ведь я проверил. Помнишь? Сегодня утром мы проверили все – и организацию, и Брэдли. Он говорит чистую правду. В центре никто с ним не соединяет, потому что он в командировке в Москве.

– Я не об этом. Ты веришь, что кто-то желает заключить контракт с нами?

– Дима, но это действительно так. Он здесь.

– Он здесь по каким-то делам…

– Нет, я думаю, он приехал специально. Помнишь, я рассказывал тебе об одной артистке? Алиша Бэнкс? Так вот, она – артист их центра, и на нее у центра большие планы, а это графики и огромные деньги. А что с ней стало, помнишь? Она упала, и никто не делает положительных прогнозов, скорее всего, ее карьера окончена, но центр должен жить дальше. Им нужен новый проект!

– Неужели в Америке нет артистов?

– Есть, как и везде. Но именно ты попал в нужное время!

– Думаешь?

– Да, я уверен в этом. Больше того скажу: учитывая их ситуацию, я думаю, мы сможем не позволить им завязать твои яйца в узел этим контрактом. Мы выторгуем идеальные условия!

– Ты считаешь, это главный вопрос?

– Да.

– А я так не думаю.

– Какой же вопрос, по-твоему, главный?

Дима, долго не думая, смотрит на меня совершенно беззащитными глазами, в которых не было ни единого барьера, даже самого маленького отступа, о который я мог бы споткнуться, возжелай я причинить ему вред. Он доверял мне полностью. Доверял сильнее, чем службе маршалов и правительству в защите своей жизни. И в этот момент я чувствовал себя самой последней тварью на земле. Я знал, в чем состоит моя задача, только не был уверен, кто это задачу мне поставил. Если бы не тот человек, который рассказал мне все и который сказал мне, что я должен сделать, верил бы я сейчас Брэдли Моргану и его брату, невероятно знакомому мне по лицу (где я его мог видеть?). Чувство исходящего предательства уже перешло к Диме, замаскировалось и отсасывало у меня силы, чтобы поддерживать эту маскировку. Я знаю, о чем он спросит. Я уже слышу этот вопрос, хотя он его еще даже не произнес.

– Вопрос в том, поедешь ли ты со мной?

Я не успеваю ответить – меня опережает Ника.

– Так, мальчики, давайте об этом поговорим позднее. Простите меня, что я вмешиваюсь, не смотри на меня волком, Дима. Я знаю, что мы знакомы меньше недели, но я сейчас все же выскажусь. В конце концов, я купила эти туфли

и натянула колготки, а это, знаете ли, почти подвиг. А если учесть, что я два с половиной часа делала макияж и добрых полчаса создаю уют и старательно таю лед этой ситуации, то имею полное право голоса. Да, Вася, можешь отъехать, потому что мне нужно закурить.

Я сморщился, но с места не сдвинулся. Ника долго ищет что-то в сумке, зажимая сигарету уголком рта. Выглядит она довольно комично – толстая сигарета шевелится в такт бормотанию: «Ну и где эта чертова зажигалка?!» – пока официант не подносит огонек к кончику ее сигаретки. Наконец она затягивается, выдыхает дым подальше от меня и внимательно смотрит на нас.

– Вы, конечно, невероятно умные парни, и браво вам за это. Но в части жизненного опыта ни у одного из вас нет ни малейшего понятия, что есть что. Позвольте, старая черепаха Ника вам объяснит, что тут к чему. Итак, первое, на что вы не обратили внимания: красавчик Джоуи. Ох, если бы я была стройнее, я бы осталась сегодня в этом отеле и зажгла бы в нем искорку русского секса. Но да не в том дело, а в том, что ни одному из вас не пришло в голову спросить: а зачем здесь этот талантливый актер? Легенда о «поддержании» брата – это не совсем правда, хотя в ней, конечно, доля правды есть, но весьма незначительная. И наша задача понять: почему Брэдли не сказал нам всей правды? Учитывая все сказанное, я сделала вывод, что Брэдли недостаточно опытный продюсер, на которого взвалили поиск проекта

под образовавшуюся дыру. И с чем такое может быть связано? Фиг знает, может быть, остальные продюсеры слишком звездные, чтобы искать, может быть, мистер Коннор надеется, что Брэдли в лепешку разобьется, но не провалит миссию, а может быть, не один Брэдли ищет и вариантов у продюсерского центра масса. И это уже плохо, ибо в таком случае мы не сможем выдавить ровным счетом ничего и к этому надо быть готовыми. В поддержание моей теории я приведу доказательство: ведь это Джоуи ответил на твой вопрос, Вася, а не Брэдли. И второе, с чем мы должны считаться: тяжелая артиллерия красавчика Джоуи. Я думаю, Брэдли должен уехать из Москвы с Димой под мышкой, иначе переговоры бы не прошли в такой спешке, в какой они проходят сейчас, и явно здесь бы не было способа давления в виде красавчика Джоуи. Они поражают лоском. Мол, смотри, за тобой приехал сам Джоуи Морган, ну разве можно отказаться от такого шанса? Это говорит в пользу того, что Брэдли крайне заинтересован в поиске артиста, но совершенно не исключает того факта, что продюсерский центр может иметь нескольких ищеек. Ведь это брат Брэдли, а не артист центра. Итак, что я предлагаю: проверить, насколько Брэдли может двигаться в условиях контракта, главные условия которого мы согласуем сейчас.

Да, Ника молодец. Ей удалось свести концы с концами. Я понимаю, что она говорит толковые вещи, но как-то не пытался проанализировать все это в таком ключе. Я был полно-

стью согласен с Никой, но Дима, видимо, метался. Действие успокоительного проходило, и он потихоньку стал беспокоиться. Я взял Диму за руку и сказал:

– Успокойся, мы не оставим тебя одного.

– Ты не ответил на вопрос. Мне плевать, какой будет контракт. Я готов даже гречку жрать и работать круглые сутки, готов даже быть рабом. Но я не смогу один.

«А я не смогу смотреть тебе в глаза там, в Америке. И я не могу бросить здесь все, что у меня есть. Мой дом, где мы жили с мамой, ее могилу. Это твой путь, к которому я тебя толкаю. Как знать, может быть, тебе придется вернуться. И куда ты вернешься, если мы поедем вместе? А если я буду здесь держать тыл, то тебе будет куда вернуться». Я понимал, что в моих рассуждениях есть какая-то подлая мысль, и мне она была неприятна, но я знал, что не могу поехать с ним. Не могу! Я должен надуть подушку безопасности здесь и ждать, что может случиться что-то страшное, от которого я должен защитить его. И еще: программа защиты свидетелей. Они не позволят, чтобы с Димой что-то случилось. Они также не позволят, чтобы я ехал с ним, я должен быть здесь – Игорь Сергеевич дал ясно понять это.

– С тобой поедет Ника, – сказал неожиданно я.

Дима смотрит на нее. Как будто видит в первый раз. Ника открыла рот, но я не дал ей сказать.

– Я не могу поехать, Дима. Я буду обузой. Я должен быть здесь. Если у вас что-то не получится, вам будет куда вер-

нуться. Я буду с вами на расстоянии, а потом, если все будет хорошо складываться, я приеду. Я не могу рисковать и ехать в Америку. А вдруг я заболею, что мы будем делать? А вдруг кончатся лекарства?

– Я понимаю, – сказал Дима.

Его голос дрожит. Ника тушит окурок, все еще немного в шоке.

– Я предлагаю нам всем обсудить этот вопрос позже, братья возвращаются. Итак, выясняем, есть ли у них еще варианты, если нет, давим. Считаем, что договорились: летят двое. Я и Дима, я в роли директора, администратора, ассистента, секретарши, как угодно. Дима один не полетит.

Ника

США, Лос-Анджелес

Если бы вы знали меня лучше, то не поверили бы во все, что сейчас происходит. Да я сама бы никогда себе не поверила, даже если бы сама себе рассказала, например, в зеркало.

Начнем с того, что мир не знал более неподходящего человека для ведения переговоров, чем я. Навыков бизнеса у меня совершенно никаких, только несколько внятных семинаров в университете по этике делового общения, но это все теория! Тем более теория с русскими преподавателями, пусть и говорящими на английском языке, но голова-то у них заточена на русский лад.

Когда вернулись братья, я поставила им ультиматум: в Америку едут двое – я и Дима. Дима не будет брать никаких займов, и права собственности на песни остается за ним навсегда, а продюсерскому центру передаются лишь на время – пять лет. Продюсерский центр берет на себя полугодовое содержание нас обоих – помимо зарплаты, оплата квартиры, еды и пошлины на все документы. Чтобы додавить, мы с мальчиками встали и ушли, оставив братьев одних обсуждать условия. Мы договорились созвониться через несколько часов, но не успели даже доехать до дома Васи, как Брэдли Морган позвонил Диме и сказал, что продюсерский центр принимает его условия, с одной лишь оговоркой: мы все вы-

летаем завтра утром.

Услышав это, я отреагировала как надо: возмутилась, что мне нужно больше времени, чтобы все обдумать, в конце концов, если я соглашусь, то элементарно собраться, подготовить визу и документы, решить вопрос с квартирой, встретиться с родителями, напоследок закатить прощальную вечеринку – одним словом, я не готова! А сама тем временем уже прикидывала, есть ли у меня большой чемодан. Знаете, чем прекрасно быть худой? В один чемодан худышки могут сложить весь свой гардероб, потому что у них вещи как носовые платки! А у меня шатры – один другого шире!

Тем же вечером у нас состоялась встреча с консулом на предмет получения мультивизы в сокращенные сроки. Я не ожидала, что это будет так быстро и так легко. От нас не потребовалось ничего, кроме личного присутствия и загранпаспорта. Консул задал нам всего несколько вопросов, а потом ознакомился с несколькими документами: в частности, приглашением на работу от «Коннор Дистрибьюшн», гарантийным письмом о финансовом обеспечении, которое составил лично Джейкоб Коннор, договором аренды квартиры, в которой указаны как проживающие в квартире я и Дима (к тому же договор предоплачен на год). Вечером следующего дня курьер привез мой загранпаспорт со вклеенной в него визой на три года.

Утром мы вылетели в Лос-Анджелес. Из-за разницы во времени (в Лос-Анджелесе на одиннадцать часов меньше,

чем в Москве) перелет в тринадцать часов занял больше суток. В девять утра, ошарашенные, раскладывали свои вещи в квартире, которую снял для нас продюсерский центр. Но об этом позже, сейчас самое главное то, что случилось на приветственном ужине, который плавно перетек в самые важные в нашей жизни переговоры.

Мистер Коннор оказался дядькой в моем вкусе. Ему было слегка за шестьдесят, о чем гордились седые волосы. И в свои шестьдесят он был красив как бог! Мужественен, ухожен и самодостаточен, самый настоящий handsome man. Идеально подобранный костюм, блестящие ботинки, дорогие часы. При виде нас он улыбнулся истинной голливудской улыбкой, громко поприветствовал, пожал нам руки и усадил за столик.

– Поздравляю, мистер Морган, вам удалось невозможное! – сказал он горделивому Брэдли.

Мы ужинали в ресторане недалеко от нашей квартиры. Брэдли так торопил нас, что я не успела прочесть название на вывеске. Естественно, я вспотела, хотя перед выходом из дома приняла ледяной душ – все-таки это Лос-Анджелес, детка, тут и вечером гребаный зной. Не переставая улыбаться (мантра преподавателей: «ваша улыбка стоит ровно столько миллионов, сколько минут она играет на ваших устах»), я уселась в отведенное для меня кресло, и начался обычный околоделовой треп: как долетели, как разместились, проблем с визой не было, понравился ли вам ЛА? К окончанию этого обсуждения (длился примерно минут пятнадцать) я была на

взводе: я стеснялась попроситься в туалет, но ситуация была практически критическая – пот капал на ресницы.

В конце концов, когда очередная толстая капля скомкала на реснице грязно-снежный ком, я решила, что пописать – это вполне естественное желание любого человека, и стесняться стоит как раз того, что моя тушь недостаточно водостойкая. Все сидящие за столом (мистер Коннор, Брэдли и я) оживленно беседовали (кроме Димы, который молча слушал), никто не заметил (или сделал вид) моих мучений. Поэтому я в конце концов плюнула на амплуа девственницы, величественно встала из-за стола и грудным голосом сказала:

– Господа, прошу простить даму, я вынуждена вас оставить на пару минут.

Я не знаю, чего я ожидала от них, скорее всего какой-то издевки, косого взгляда (мол, дома отлить не могла, что ли), но ничего подобного. Мужчины меня поразили. Они уважительно кивнули, встали (включая Диму) и проводили меня взглядом. Надо же. Удаляясь, я виляла бедрами так, словно от ширины амплитуды зависел мой гонорар. В туалете первым делом я опустошила бак с бумажными полотенцами, подтирая пот на голове и лице; затем умылась и немного подсушила голову под сушкой для рук. Входящие в общий «вестибюль» туалета дамы не обращали на мои манипуляции никакого внимания, только мило улыбались и шмыгали в кабинки. Я зачесала волосы назад, стянула их резинкой,

едва тронула помадой губы и вполне удовлетворенная своим внешним видом вернулась в зал.

Когда я подошла к нашему столу, я поняла, что первая моя ошибка была в том, что я их оставила. Пусть на несколько минут, но этого хватило, чтобы приветственное тепло погасло и воцарилось трагическое молчание. Меня приветствовали стоя, я поймала особый взгляд Брэдли. Дело плохо. Что случиться-то могло? Не мог же Дима за минуту что-то сказать такое, что все замолчали как на поминках? Я обворожительно улыбнулась и спряталась за меню, чтобы объяснить тишину. Мужчины подхватили мою идею, и мы увлеченно стали выбирать десерт. Мне пришлось согласиться на вишневый пудинг, хотя я слабо представляла себе, как буду его есть. Я ненавижу пудинг, но эта тема заинтересовала мистера Коннора, очевидно, любителя пудингов, потому что он долго перечислял все варианты, комментируя каждый, дав мне возможность подумать. Видимо, Димину замкнутость они восприняли как враждебность, потому что сдулся даже Брэдли. В глазах мистера Коннора читался упрек в адрес подчиненного: мол, что за немого ты притащил?! Когда заказ был сделан, я улыбнулась и сказала:

– Господа, прошу нас простить. Перелет дался нам крайне тяжело. В самолете Диму мутило, видите, до сих пор открыть рот не может. Но, собственно, поэтому здесь я. Я буду ртом, готовым на все!

И тут я поняла, что совершила вторую ошибку. Я спош-

лила, но решила сдержать марку, посему томно добавила:

– В пределах разумного, конечно, ах-ах-ах!

Мужчины немного оттаяли после моей шутки.

– Ах, не надо было десерта, – сказала я жалобливо, отложив меню. – Фигуру портить нельзя!

– Что вы, Ника, у вас идеальная фигура, – влез со своими пятью копейками Брэдли.

Да, я, конечно, не самый топовый объект и мало пользуюсь популярностью среди мужчин, но бывали и у меня методы съема. А мальчик в себе уверен, я смотрю. С чего бы это? Неужто решил, что похож на своего сексуального братца, от одного вида которого беременеют женщины планеты? Ничего подобного, дорогой Брэдли, хоть ты мне и по сердцу пришелся, но сейчас ты оплошал: ну кто же говорит толстухе, что у нее идеальная фигура? Все это я отобразила на своем лице и даже открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь дерзость. У Брэдли даже со мной ни одного шанса. Но вовремя вспомнила, что отвечаю здесь вообще за все, поэтому грустно улыбнулась и небрежно взмахнула рукой. Мол, не говорите глупостей, дорогой Брэдли, а на самом деле: я с тобой потом разберусь.

– Мистер Коннор…

– Прошу вас, мисс Ника, зовите меня Джейкоб, – попросил мистер Коннор с мягкой улыбкой.

Он на удивление оказался мил, и это меня насторожило так, что вспотела задница. Понятное дело, что культурные и

по-настоящему деловые люди ценят комфорт в общении со своими партнерами, но быть милыми вовсе не обязательно. Опыт жизни в России научит кого угодно: если с тобой милы – жди беды. Так, во всяком случае, говорили наши преподы, битые опытом российских бизнесменов и ловко подложенных ими камней под солому, на которую летишь почти без страха, а потом считаешь шишки.

– Хорошо, Джейкоб, наверное, Брэдли вам рассказал нашу историю и повторяться не имеет смысла?

– Совершенно верно, – кивнул Джейкоб.

– Тогда вы догадываетесь, что я не понимаю абсолютно, чем мне придется заниматься. Я не скажу, что не хочу здесь находиться. Это не так. Я здесь по своей собственной воле, и так уж сложилось, что работать мы будем вместе. Если, конечно, ваше предложение в силе.

– Наше предложение в силе, конечно, – поспешил ответить Джейкоб. – И наш сегодняшний разговор – это всего лишь беседа деловых партнеров, которые хотят узнать друг друга получше. Решение было принято с нашей стороны в тот момент, когда его озвучил мистер Морган, с вашей – когда вы сели в самолет. И мы полностью подтверждаем свои намерения.

– Отлично, я рада слышать, что на свете остались мужчины, умеющие держать свое слово. И мне приятно, что я нахожусь в их обществе, – подлизалась я. Мужчины оценили. – Я прошу прощения за неразговорчивость Димы, но, повто-

рюсь, ему было плохо в самолете, и это расставание с другом, знаете ли…

– Ничего страшного, – ответил Джейкоб, – я надеюсь, что после полноценного отдыха Дима придет в себя и мы успеем поговорить как следует.

– Брэдли рассказал мне о вашей непростой ситуации, и у меня есть несколько вопросов, позволите?

– Конечно, мисс Ника!

– Прошу, зовите меня Ника.

– Договорились!

– Итак, Джейкоб, ваш продюсерский центр возложил определенные надежды на профессиональную артистку, у которой случилась личная драма и появилась дыра в производстве. Я все правильно понимаю?

– Да.

– В связи с этим у меня вопрос: если такая ситуация произошла с профессиональной артисткой, которая давно и успешно занимается этим делом, то почему вы возлагаете надежды на непрофессионалов вроде нас?

Джейкоб тяжело вздохнул. Я уверена, он сам себе задавал этот вопрос не единожды и у него есть ответ.

– Позвольте ответить подробно. Мы в самом начале нашего совместного делового пути, и мне совершенно не хочется скрывать от вас то, что скрывать необязательно. Ситуация с Алишей Бэнкс нас ввергла в шок, это правда. Есть много бизнес-процессов, с которыми вам только предсто-

ит познакомиться, поэтому сегодня примите на веру: у нас очень сложная ситуация, очень острая, требующая неотложных мер. Мы сделали все, чтобы реабилитировать проект Алиши, но, увы. Я люблю эту девушку как свою дочь, мы многое пережили вместе, и до сих пор я пытаюсь помочь ей всем, чем только могу, но правда такова: она никогда не вернется на сцену. Ее проект закрыт. Однако бизнес не может позволить себе расслабляться, проект был длительным и под него было взято множество обязательств, которые теперь не могут быть исполнены ввиду отсутствия артиста. Это очень сложно понять, не видя всей ситуации целиком. Нам нужно срочно закрыть дыру в производстве, при этом совершенно не важно, какой целевой аудиторией. Это может показаться странным, но нам нужен уровень артиста, а не его целевая аудитория. Молодые исполнители, стартапы, выведенные в тренды искусственно, имеют два пути: либо они зажигаются и долго и очень ярко горят, либо быстро сгорают. Тлеющий вариант затопчем мы сами, так как поддерживать его слишком дорого и трудно. Сейчас в нашем распоряжении готовые, отточенные инструменты для огранки вашего алмаза, и мы искали именно вас, самородок, талант. Нам не нужен коммерческий проект, собранный по кускам быстро и заточенный под определенную аудиторию, хотя, быть может, это было бы легче. Но я умею ценить и уважать тех людей, которые приносят нам деньги. Наш зритель не просит копию Алиши, не просит и замен. Мы должны выйти на рынок с

абсолютно новым проектом, уровень которого будет не ниже. Нам нужно солнце, потому что вокруг мрак. Понимаете?

– Кажется, да, – ответила я, жалея, что не захватила с собой диктофон. Мне с трудом удается понять, что говорит Джейкоб, потому что говорил он быстро, проглатывая окончания слов. Но общий смысл я, кажется, уловила.

– Позвольте следующий вопрос: что будет с нами, если ничего не получится?

– Во-первых, такой вариант невозможен, – серьезно ответил Джейкоб. – Да, у нас мало времени. Да, у вас мало опыта. Но мы здесь для одной цели: сделать Диму звездой. Мы применим весь свой опыт, а вы потратите все свое время для того, чтобы это получилось.

– И все же…

– Что вы хотите услышать? Что я найму бандитов и убью вас? Этого не будет. Если провалится все, то у меня будут очень большие проблемы и мне будет совершенно не до вас. Я буду пытаться спасти центр и его артистов, судьба которых зависит от благосостояния компании. Я думаю, не сильно преувеличу, если скажу, что судьба центра зависит от успеха нашего с вами предприятия.

– Будем считать, что я поняла, – ответила я, чтобы не показаться совсем уж тупой, хотя, видит бог, я ничего не поняла, но задать откровенный вопрос: мы денег должны будем или нет? – я не решалась.

– Тогда давайте следующий вопрос!

– У меня больше нет вопросов, я думаю, они появятся, когда мы начнем подписывать документы.

– Ника, у нас нет времени на это ерунду. Вы подпишите контракт на условиях, которые обсудили в Москве, и мы приступим к работе. Я бы вообще не подписывал с вами ничего, оставив это на потом, когда утихнут страсти, но юридически я не смогу запустить проект без надлежаще оформленных документов.

– А если нас что-то не устроит? – напрягаюсь я.

– Нас тоже может что-то не устроить, но мы на все закроем глаза, Ника. На все, как и вы. Мы ступаем на очень тяжелый путь и пройти его сможем, только доверяя друг другу. У нас нет времени строить кирпичный мост, безопасный и прочный; мы не можем позволить себе засесть над бумагами и вылизывать каждый пункт.

«Мягко стелите, Джейкоб, а вот не твердо ли будет спать?» – подумала я. Задница зазудила, я почувствовала, что вот он, подвох. Нужно настоять, дожать, закрутить эту гайку и отказаться напрочь от сотрудничества на доверии, но я почему-то хотела просто верить Джейкобу.

Брэдли спокоен и уверен в себе.

Дима молчит.

Я потягиваю прохладное и правда чудное вино (Джейкоб не обманул!). Думаю, а не затягиваю ли наши задницы в пропасть, из которой потом не выберемся?

Дима все еще был подавлен отказом Васи поехать с ним.

Он воспринял это как предательство и никак иначе. Я бы тоже, наверное, так считала. Васин поступок по отношению ко мне был чистой подставой, за которую надо бы устроить темную, но я уже влезла во все это по самые серьги, и назад нельзя. Да и к тому же нравится мне все это, черт возьми. Нравится! Может быть, поэтому я так хочу верить Джейкобу, несмотря на нестерпимый зуд в попе?

Испустив вздох раненой слонихи, я перевела взгляд на Диму и вдруг заметила в его глазах нечто такое, чего раньше не было. Он готов. Он ждет решения от меня, а я жду, что он будет распоряжаться своей (и моей) жизнью сам, но именно в этот момент я должна принять командование на себя навсегда. Отныне я должна решать все, я сама должна взять на себя эту ответственность, а Дима покорно пойдет за мной.

Осушив бокал, я поставила его на стол, раздавила языком о небо последние капли божественного винца и торжественно сказала:

– Ну что, босс, у меня последний вопрос: когда начинаем?

* * *

Первую ночь в Лос-Анджелесе мы не спали. Нет, не надо ничего такого думать – мы даже не пили. Дима молча лежал в кровати, а я листала контракт, пытаясь сообразить, где здесь подвох. Он был огромный – страниц сто! Сна не было ни в одном глазу ни у меня, ни у Димы. Но Диму совсем не

интересовал контракт, и меня это возмущало.

– Дима, почему тебе совсем не интересно, на что подписываешься?

– Ты ведь смотришь контракт? – безразлично спросил Дима.

– Ну это я. Я немного тупенькая, может быть, я чего-то упущу.

– Ника, я думаю, у нас нет выбора. Чтобы ты там ни нашла, ничего исправить уже нельзя. Мы могли сделать это в Москве, здесь ничего не получится.

– У нас не было возможности смотреть контракт в Москве.

– Я знаю. Так к чему сейчас читать эти бумаги?

– Я все-таки почитаю…

– Твое дело.

Дима был раздавлен. Он сказал Васе, что все понимает. Что ни в чем его не винит, не видит ни в чем предательства. Дима соврал Васе, что просто расстроен, что все так быстро и что им необходимо расстаться. Но в самолете Дима плакал у меня на плече и молчал. Он не говорил, что на самом деле произошло и что между ними было. Я подозреваю, что не все так просто. Они не просто друзья, у них есть какая-то одна тайна на двоих. И эта тайна не позволила Васе уехать, а Диме настоять, чтобы Вася поехал с ним. Что это может быть? Я чувствовала себя некомфортно, поскольку была в деле, а всей правды не знала. Может быть, это к лучшему, может

быть, так и надо, но мне было некомфортно. А когда девушке некомфортно, она начинает потеть – и я потела на протяжении всего перелета в Америку, а когда самолет приземлился – еще пуще, ведь в Лос-Анджелесе был чертов зной.

Квартира, которую для нас сняли, была двухкомнатной – по комнате на каждого, и большая зона кухни, где стоял плюшевый диван. В этой кухне-гостиной мы и провели первую ночь, каждый занятый своим.

Под утро мне удалось немного покемарить, а Дима не спал совсем. Я уже почти спала, когда услышала, что Дима говорит по телефону. Наверное, с Васей. Я слышала только слова Димы, но сквозь полудрем, возможно, что-то придумалось. Но слышала я примерно следующее: «*Я понимаю, что они сделают… И не виню никого, это моя жизнь, и да, она будет такой… Мне нужно было уехать одному или вообще никуда не ехать… Ни ты, ни Ника на это не соглашались… И ей нужно все рассказать, возможно, она захочет уехать. Она просто не знает всего… И что, что он сказал, что у нас нет выбора? Это у него нет выбора, а у нас он есть. Вернее, у вас. Ты свой сделал, осталось сделать Нике. Послушай, я ни в чем тебя не виню, но тебя ведь нет здесь? Возможно, и Ника не захочет…*» Напугаться я не успела – заснула, а под утро у меня уже не было возможности обдумать Димины слова. Я решила, что поговорю с ним вечером.

Вчера на ужине были поставлены сроки – две недели. Брэдли, как держатель проекта, сказал:

– Учитывая особую важность запуска проекта, на весь подготовительный период для нас оборудован штаб, который располагается прямо в производственном цехе центра, это за городом. Весь наш персонал будет там, все члены команды, чтобы процесс был непрерывным. Там мы будем работать над запуском: записывать песни, снимать видео, делать фотосессии, репетировать. В этом цехе огромный съемочный павильон, и целые две недели он принадлежит только нам, – сказал Брэдли, потирая руки.

– Две недели?! Так мало?!

– Ты что, Ника, это очень много. Я думаю, у нас будет готово все к запуску через неделю. Даже не так – в течение этой недели.

– Но сегодня вторник.

– Скажи спасибо, что не пятница, – улыбнулся Брэдли, – на самом деле нам много не нужно. Лишь записать три песни, снять два видео и подготовить одно живое выступление. Все.

…Работа началась ровно в десять утра. Брэдли заехал за нами в восемь, мы с Димой стояли у подъезда, я курила, а Димка нервничал. Я порывалась купить ему памперсы, но он сердито бурчал, что со своим желудком справится. Нет, он не отравился, просто боится.

Поесть мы не успели. Я хотела выглядеть хорошо (помню, как Брэдли смотрел на меня совершенно другими глазами), а Дима хотел спать. Поэтому до самого часа «Х» мы занима-

лись кто чем – я красила глаза, а Дима полоскался в ванной.

Когда мы приехали в студию звукозаписи (небольшое и неприметное здание со входом со двора через теплотрассу по железным ступеням вверх-вниз, и вот она – дверь), Брэдли тут же развел бурную деятельность: администраторы еле успевали подносить кофе в высоких картонных стаканах, куски пиццы, и мы наконец позавтракали.

Студия звукозаписи в моем представлении всегда была небольшим заплесневелым, захламленным полутемным помещением с микрофоном за стеклом, возле которого становился артист, надевал наушники и начинал петь. А по «эту» сторону стояли люди и тупо смотрели, как человек рвет связки. Но в этой студии все было иначе.

Она была просторной, в ней были окна, выходящие на побережье, в ней было много света и пахло свежестью и кофе. Аквариум был довольно просторный и на вид комфортный. Микрофон тоже был, а артиста еще не было, он как раз стоял у меня за спиной, и я отчетливо слышала, как у него бурчит в желудке. Комната разделена на две части, одну из которых занимал аквариум, а вторую – огромный стол, в который мы практически все и уперлись, войдя. На столе (во всю длину комнаты!) стоял огромный пульт, усыпанный разнообразными лампочками, кнопками и вертящимися головками, а к нему стекались компьютерные экраны. За пультом сидели двое юрких парнишек, которые с улыбками встретили нас и тут же завалили Диму вопросами:

– Как будешь петь? Отрываясь от структуры или целиком?

– Что пишем сначала?

– Кто бэки запишет?

– После аранжировки забежишь перепеть?

– Куда выстраивать хор?

– Минусовку сразу делать?

Мы с непониманием уставились на них.

– Так, парни, остыньте, – сказал Брэдли, выставив ладони вперед. – Мы только зашли. Как скажете, так и будет. Позвольте представиться: я – Брэдли, продюсер; это Дима – артист, и Ника – наш директор.

– Боб и Том, – ответил один из парней. Судя по тому, что при произношении «Том» он указал на себя, он был Томом. Второй, получается, Боб. Жаль, не Джерри.

У Тома была серьга в ухе, а Боб был рыжим. В целом они неплохо смотрелись вместе, работали слаженно и болтали без умолку одновременно. Брэдли показал парням тексты, и они практически в один голос сказали:

– Так мы слышали эти песни.

– Отлично, – подытожил Брэдли. – Мы думаем, что в песне должно быть много живых инструментов. Поэтому, когда будете делать аранжировку и сведение, некоторые сэмплы нужно поменять на запись живых инструментов.

– Без проблем организуем, – сказал Том.

Боб и Том, как два брата-акробата, склонились над распечатками текстов. Я заметила на экране одного ноутбука

замершего Диму во время исполнения «Roberto», а на другом – скользящую кривую красную линию на черном фоне. Что-то мне подсказывало, что это электронная диаграмма песни.

Парни все смотрели в тексты.

– Так чего мы ждем? Начинаем? – спросил Брэдли.

Услышав вопрос Брэдли, они на секунду замерли и хором прокричали:

– ПОЕХАЛИ!!!

Началась месиловка. В колонках загрохотали какие-то сэмплы, в которых я с удивлением уловила мелодию «Roberto». Боб и Том показали класс – их быстрые руки залетали над пультом в чарующих и замысловатых движениях.

Я засунула в рот кусок пиццы и уселась на диван.

– Начнем с куплетов, они в целом хороши, – сказал Том. Боб кивнул, соскочил со своего кресла и пригласил Диму в аквариум. Мне стало страшно. Я, как зачарованная, с куском пиццы во рту смотрела, как Дима натянул наушники, поставил перед собой распечатку текста и сказал в микрофон:

– Я готов…

Эта вакханалия длилась несколько часов, под конец я угадайте что сделала? Верно. Уснула. Разбудил меня громкий возглас одного из ребят, я распахнула глаза, сделала вид, что так все и должно быть: кусок пиццы во рту, холодный кофе, я немного помятая. Ох, как я была на себя зла: ну нельзя же так! И для чего я тогда выряжалась все утро? Пиджак измят,

кофточку сжевала подмышка, а про юбку я вообще думать даже боюсь. Нет, это просто издевательство какое-то. Чего я отрубилась-то, как маленькая? И Брэдли, молодец, конечно, хоть бы разбудил. Засранец. Видел же, что женщина храпит, значит, заснула в такой момент ответственный! Позор-то какой, господи!

– Врубай, Том, – услышала я.

Мы что, сейчас песню услышим?! Я была не готова. Совершенно не готова! Но Том включил запись. Музыка. Электронный синтезатор. Димин сэмпл. Все осталось прежним, но вот голос… Я не узнавала его. Судя по лицу Димы – он тоже не узнал себя.

Тот магический посыл, который я слышала каждый раз, когда прослушивала «Roberto» – я додумывала сама, потому что в треке его не было. А теперь это звучало. В тончайших, ненавязчивых гитарных сэмплах, изящно встроенных Томом в основу песни. Эти сэмплы своим волшебным звуком пронизывали всю песню, заставляли звучать ее так, что щемило сердце. Когда я услышала Димин голос, уверенный, великолепно сведенный с музыкой, я опять не смогла сдержать слез. Та обреченность, которую так хотел услышать Вася, остро зазвучала в конце куплета, а потом обреченность оборвалась гитарной вставкой, и громыхнул припев. Боб усилил мощь голоса, раздвоив его и сделав эхо в конце строчек. Вся мощь чувств, вложенных Димой в запись песни, была в сто раз увеличена с помощью эффектов, и вот –

я уже рыдаю в голос, спрятав лицо в ладонях, а «Roberto» звучит из студийных колонок, а Брэдли хлопает в ладоши, обнимаются со счастливым Димой, кто-то победно вскидывает кулак.

Куда подевалось то видео с жалобным стоном над синтезатором?

Теперь «Roberto» – это мощный трек, произведение искусства, восхитительная запись!

* * *

Удивительно, но после записи Дима чувствовал себя на подъеме. Едва мы приехали домой, как он засел за синтезатор, сообщив, что я могу забыть о его присутствии. Забыть пришлось надолго, так как он работал над мелодиями для разных песен: Васька ночью скинул тексты и теперь работа за Димой.

Я же наконец-то добралась до электронной почты и разобрала все письма, которыми меня засыпали ребята из центра. Это действительно были разные планы, сценарии, концепты. Я с удовольствием рассматривала зарисовки, картинки и документы, но не понимала, какое отношение имею ко всему этому. Что это за план-макеты? Что за бесконечные файлы с одинаковым названием «Бриф» и цифрой рядом? Что все это означает? Графические картинки, прикрепленные к письмам, мне нравились абсолютно все, но это не были

Димины снимки, это были какие-то люди с разными выражениями лиц, в разных одеждах и позах. Никаких пояснений не прилагалось. Наверное, это стандартные документы, и я обязана в них разбираться, но, позвольте… я не понимаю.

Я долго ковырялась в документах, пока наконец не догадалась позвонить Ваське. Учитывая, что на часах было начало восьмого вечера, то у Васьки уже полседьмого утра, он проснулся и, скорее всего, в рабочем состоянии. Я скинула ему письма и попросила со мной связаться в скайпе. А через пару секунд последовал видеозвонок.

– Привет, Ника!

– Привет, Васька. Ты получил от меня бумаги?

– Как я понимаю, некогда объяснять, но разобраться надо?

– Да, без тебя тут никак.

– Думаю, вместе справимся. Давай начнем с писем ребят из производственного отдела. Это три первых письма, тут говорится о видео. Итак, смотри, концепты сценариев, насколько я понимаю. Есть несколько зарисовок, из которых нужно выбрать интересный сюжет. Тут есть приписка, что раскадровка текста – вопрос креативщиков и будет is determined in the process, то есть, как я понимаю, все будет делаться живьем. Никаких постановочных кадров, только то, что придет в голову режиссеру во время работы. Так?

– Видимо, мне кажется, тут все так делается. Я-то думала, нам пришлют несколько коробок с разрисованными листоч-

ками, на которых будут позы и выражения, которые мы отберем для клипа, а потом снимем.

– Наверное, так и будет, но не сразу. Никто же не знает, как Дима выглядит в кадре.

Об этом я не подумала.

– И что ты предлагаешь? – спросила я.

– Ммм… дай я дочитаю… А ты как относишься к тем сценариям, что предложены? Третий, по-моему, весьма неплох. Называется «Crush».

– Я тоже о нем думала, но… Слегка как-то депрессивно? Нарезать в капусту все, залить огнем, льдом и отчаянием? Смотри, тут рухнувший самолет, какие-то зеркальные лабиринты, преисподняя…

– А песню мы такую и написали, во всяком случае, с таким ощущением. Это же все больно, страшно и неприятно. Я думаю, подать такую песню через такие видеоряды и нужно. Сильно выглядеть должно, если, конечно, со спецэффектами не опозориться.

– А вдруг? Может, лучше возле окошка с томным лицом спеть?

– Ника, так даже в советские годы делать перестали.

– Твоя правда, – вздохнула я.

Два оставшихся сценария, которые прислали производственники, мы не одобрили. Один был на манер фэнтези – Дима в образе дракона летает и похищает прекрасных девственниц, пока не видит прекрасного парня, которого цепля-

ет. Этот парень разрушает все фэнтезийное мироустройство, дракон становится хорошим, и они вместе летят навстречу рассвету, оставляя позади себя разрушенные города и села. Ерунда. Второй сценарий был «у окошка», где Дима должен был страдать три с половиной минуты у окна, за которым лил дождь, со вставками прогулки на природе, по городу, трассам и каким-то крышам, где на лицо будет хлестать дождь, над головой летать вороны, а где-то мелькать то ли мужской, то ли женский зад. В общем, «Crush» был из предложенных самым лучшим. Не отрываясь от Васьки, я в одно ухо спела Диме три идеи, и он, не поднимая пальцев от клавиш, согласно кивнул на «Crush».

Следующий блок вопросов состоял из графика съемок и прочих атрибутов.

– Я думаю, Ника, это как раз раскадровки. Но, опять-таки, никто не знает, как Дима выглядит в кадре. Вполне возможно, ему не подходят эти ракурсы и потребуются другие. Тут дело будут делать фотографы.

– Зачем же тогда нам отправили эти фото?

Я рассматривала фотографии. Полуобнаженные мужчины, по одному и несколько на кадрах, в трусах, без них, в майках, натянутых до паха, с поворотами головы в разные стороны и так далее. Все они были прекрасны, но ни на одном кадре я не видела Диму. Таким, каким знаю его.

– Думаю, для атмосферы, это, наверное, то, что мы должны выбрать. В каком стиле будут фото. Смотри, их можно

разделить на несколько видов – готика, позитив при плохой погоде и… я бы называл эти три последних фото явным нарциссизмом.

С последней трактовкой Васьки я была согласна. У парня на последних трех фото взгляд был устремлен только на его тело, преимущественно на те его участки, где округлые мышцы напряжены и смазаны капельками пота. А сколько любви было в этом взгляде! Эротично!

– И чего делать с атмосферой?

Васька, недолго думая, объявил:

– А ничего не сделаешь, в принципе тут все однотипно. Когда будут кадры, будет видно, что получилось лучше. Так же, как и с видео. Не думаешь?

– Тогда я письменно дам ответ только по сюжету клипа, да? А по поводу всех этих концептов скажу, что определиться не можем, так как сами понятия не имеем, что будет лучше выглядеть в кадре. Достаточно обоснованно или некорректно?

– Я думаю, вторую часть твоего письма лучше сдобрить доверием и упованием на профессионализм специалистов.

– Ты прав. Так и сделаю.

Остальное мы даже смотреть не стали. Производственные схемы расположения декораций, костюмы и прочее – зачем? Везде было указано is determined in the process соответственно, все будет определяться на месте.

Я вышла на балкон покурить, где Димка заботливо поло-

жил на стеклянный столик пепельницу, пачку сигарет и зажигалку. Я поставила планшет на стол и затянулась.

– Как там Димка? – спросил Вася.

– Да хорошо. Сегодня записали «Roberto», он очень переживал, но все прошло так хорошо, что по приходе домой Дима тут же сел за рояль.

– Присматривай за ним, ему сейчас непросто.

– Знаешь, Вась, мне иногда кажется, что тому, кто пишет наши судьбы, надо руки оторвать.

– Почему?

– Все, что сейчас происходит, как в плохом романе. Все так сумбурно. В жизни никакой логики, последовательности, описания… Одни события.

– Ситком-шоу, – улыбается Васька, – в жизни всегда так, ты же знаешь.

– Нет, все не так. Когда я попадала в свои передряги, у меня было столько поводов подумать, столько мыслей и размышлений. А сейчас все некогда. Я даже город не могу посмотреть. Мне даже рассказать тебе нечего. Я тупо не знаю, где мы живем. В каком-то районе. Пару раз ездили на встречи на авто, не видели ни побережья, ни Голливуда, ничего. Сидим тут, работаем.

– Все наладится, вы же только третий день в Америке. И потом не забывай, когда ты попадаешь в свои беды и передряги, то думаешь только о себе. Со вкусом и основательно. А теперь вас двое, нет, даже трое. И вам некогда слишком

много времени уделять мыслям и переживаниям. Все наладится, вольется в колею, потерпи.

– Ладно… как у тебя?

– А как у меня?

– Ну, как ты живешь? – спросила я. Мне было искренне интересно, как Вася там без нас, как родной город.

– Ищу себе помощника.

– А как справляешься пока?

– Пока нанял сиделку на пару недель, в принципе нормально. Она приходит утром, убирается, готовит и все такое… А дальше я сам. Но ассистент нужен, работы много, мало что успеваю.

– Беспальцеву уволили?

– Нет, все еще работаю над этим вопросом. Вот как раз сейчас займусь очередным ее опусом.

– А в остальном как?

– Очень скучаю. Одиноко.

– Приезжай к нам, – предложила я с улыбкой, выпуская струйку дыма. – Некогда скучать будет.

– Это точно, – отвечает Васька, и его довольная мордочка расплывается в улыбке. – Но я думаю, что вам и без меня суетно. Когда будет все попроще, я, может быть, и свалюсь на вас со своими проблемами.

– Ты хотел сказать, с помощью? – вмешался неожиданно Димка. Я вздрогнула – совершенно не услышала, как он закончил играть и вышел на балкон. Теперь он стоял у меня

за спиной, я увидела его лицо в маленьком квадратике внизу экрана планшета.

– Ну как сказать, – улыбнулся Васька.

Парни переключились на историю с музыкой, а я пыталась сосредоточиться на написании письма. Я решила не мешать им и уткнулась в телефон, чтобы составить сообщение. Первое, с чем я столкнулась, так это с тем, что совершенно не понимала, кому отвечать и что писать. Ведь, наверное, каждый отвечает только за свое направление, не ставить же всех в каждое письмо! На всякий случай я все же решаю нажать на кнопку «ответить всем». Я написала все именно так, как мы и договорились с Васей. Не успеваю я выйти из почты, как телефон пиликает. Это что, уже ответы?

«Ника, привет! Спасибо за доверие, со сценарием все понятно, расписываем «Crush». Брэдли, подтверди бюджет. Скажи, кто будет отвечать за финплан? Мне нужны цифры, чтобы понимать. Мисс Тони, вы организовали балет? Я не помню, чтобы вы были на митинге, поэтому прошу вас включиться сейчас и ответить». Отыскав глазами адресата, я понимаю, что письмо от Парвати. Надо же, а я думала, она просто тетка у монитора.

«Привет всем, балет в сборе, проблем никаких. Завтра мы готовы начать репетировать. Танец тоже готов. Мне тоже понравился «Crush», я рада, что мы с Джейсоном в этом плане дышим в унисон. Насчет красных трусов и шорт – кате-

горически нет. У моих парней идеальные ноги, не хотелось бы их светить полностью, все-таки, это прерогатива концертов. Поэтому длинные штаны, на крайний случай – трусы с балахонами, чтобы ноги не показывать полностью. Мне тоже нужен финплан».

Видимо, подписываться в этом обществе не принято, решаю я, снова пытаясь понять, от кого поступило письмо. Ага, Тони.

Я пребываю в легком недоумении. Надо ли мне отвечать, и если да, что писать? Спасибо?

«Привет всем, за финплан отвечаю пока я, потом видно будет. Мисс Тони, у вас бюджет стандартный, но я думаю, можно заключить контракт на троих постоянных парней, отберите по своему вкусу завтра на репетиции, хорошо? Лучше вас никто этого не сделает. Остальных – на аутсорсинг. По дизайну одежды – это лучше спросить у Ники и Димы, как они смотрят на такую одежду в принципе. Сэм, твой бюджет в рамках контракта «А», Коннор сегодня подписал ведомость, посмотри в базе. Там твои законные $13 000. Брэдли».

– Не поняла, – ошарашенно сказала я, вчитываясь в письмо, – у нас съемка клипа стоит тринадцать тысяч долларов? Так мало?

– Это мало? – оторвавшись от разговора с Васей переспро-

сил Дима.

– Или много? – раздался Васькин голос.

– Меньше полумиллиона рублей. Что можно снять достойного за полмиллиона рублей? Меньше даже? Какую графику?

– А там будет графика? – снова удивился Дима.

– Ну а как же? «Crush».

– Ника, я думаю, это деньги на фактические затраты, а не полностью на все съемки. Многое же будет сделано иждивением центра. Насколько я знаю, у Коннора неплохое производственное оснащение. То есть за многое платить не нужно.

Об этом я тоже не подумала, но Васька, видимо, прав. В затраты включают все, но ведь они и так сами по себе текут – оплата зарплат сотрудников, электричество, аренда, прочее. А есть люди, которых нанимают на проект, опять же закупают реквизит. Возможно, оплачивают кому-то сверхурочные. Видимо, тринадцать тысяч долларов – это и есть сумма «сверх расходов», которая должна быть заложена в бюджет.

«По поводу одежды ничего сказать не могу. Сами ничего не знаем. Вроде бы никаких отрицательных эмоций не вызывают ни шорты, ни трусы. Поэтому, на усмотрение мисс Тони. Ника», – ответила я всем.

Финальное письмо пришло от Парвати:

«Коллеги, все согласовано и все хорошо. Если нет возражений по поводу бюджета, то не забудьте, что завтра с утра

начинаются репетиции для съемок видео. Диму должны привезти к мисс Тони к 11.00 утра, форма одежды – спортивная. Ника, Брэдли, организуете? Ника, ты нужна в офисе на подписании финансовых документов, чтобы бухгалтерия начала переводить деньги. Брэдли, за тобой еще три пакета спонсоров, я давно не видела по ним результатов».

То есть это нормально – оставить один день для подготовки танцев?

Что вообще происходит?

* * *

Дима пропал без вести на целые сутки. Я, бегающая по инстанциям продюсерского центра с пачкой документов, не сразу заметила, что Димы нет в офисе. Да и как мне заметить это, когда центральный офис, где я носилась, располагался в Голливуде, а наша штаб-квартира с репетиционным центром, куда мы утром отвезли Диму, – на отшибе цивилизации. Я моталась с водителем, которого мне выцыганил Брэдли, от одного офиса к другому, не переставая печатать ответы на вопросы, сыплющиеся на электронку. Это просто с ума сойти, сколько деталей люди могут решить с помощью пальцев.

Слава богу, что для решения этих вопросов не требовалось встречаться ни с кем. Брэдли, получая от меня пись-

ма, позвонил и сказал, что встречи с маркетологами и менеджментом возьмет на себя, там мне присутствовать необязательно, так как решать там ничего не нужно. В любом случае финальные отчеты придут на почту.

У меня остался только один вопрос: как в этом дичайшем потоке писем контролировать решение вопросов? Оказалось, достаточно легко. Просто я не знала, а все остальные прекрасно знали, что система ставит задачи в программе управления делами, и в случае неразрешенной в срок задачи приходит напоминание на почту. Осталось научиться пользоваться системой управления и ставить задачи, но на первоначальном этапе Парвати, соизволившая позвонить по этому вопросу, обещала все взять на себя и вносить задачи в график самостоятельно. Поэтому я, поблагодарив ее, поехала по делам в офис.

Мне нужно было согласовать все этапы запуска проекта: от финальной версии сингла (девятнадцать виз руководства, включая визу Коннора) до бюджета, двухтомного проспекта, сшитого и запаянного со всех сторон. В финансовом отделе трудились две чудесные женщины, с которыми мне удалось пообщаться более или менее спокойно. Женщины сказали, что не подтвердят бюджет, пока не ознакомятся со всеми статьями. Оказалось, что для этого совершенно не нужно расшивать документ, достаточно отсканировать штрих-код на обложке, и вся информация поступит им в компьютер. Они знакомились с документом не больше десяти минут (ну раз-

ве можно оценить бюджет за десять минут?), после чего обе расписались на обложке, и я отправилась в штаб-квартиру с согласованными документами.

Димы там не оказалось.

– А где Дима? – спросила я Брэдли, корпящего над каким-то длинным документом.

Он поднял на меня осоловевшие глаза. Видимо, не только я с утра бегала по инстанциям центра и решала вопросы. Он тоже не совсем понимал, где находится и чем занимается.

– О, ты уже здесь? Его забрала мисс Тони, хореограф, они спустились в павильон, где репетируют танцы. Честно говоря, я не помню, чтобы мы согласовывали сценарный план с танцами. А ты?

– И я не помню, – ответила я.

– Отлично.

Кажется, он даже не услышал, что я ему сказала.

Да, я совсем забыла упонямуть, что к нашей штаб-квартире приставили персонального администратора. Оказалось, что постоянного рабочего места у нас не будет. Мы всегда будем базироваться в каких-то помещениях, находящихся на территории конкретного производственного отдела. Единственное, что будет ездить везде с нами, – это наш администратор. Не отнимая много времени сегодня утром, он уточнил, что бы мы хотели видеть в своем рабочем пространстве, и сказал, что изучит расписание наших «штаб-квартир» и организует помещения по образу и подобию. Судя по

всему, в нынешней штаб-квартире мы проведем не меньше недели, так как от нее рукой подать до студии звукозаписи, а через дорогу – фотостудия, где будем снимать фотографии промо. Так что, вполне вероятно, что недель будет даже две.

Не знаю, действительно ли Александр (так его звали) работал один, но когда я в четвертом часу приехала из центрального офиса, то вошла в совершенно другое помещение, которое не стыдно было именовать штаб-квартирой. Обустроенное и обжитое помещение, в нем захотелось остаться и спокойно поработать. Столов четыре, и они стояли в центре комнаты квадратом. Над каждым нависала лампа. За Брэдли, который вчитывался в какой-то длинный документ, громоздилась офисная техника. Был и диван, который стоял около стены, смежной с окном, рядом два кресла, между которыми Александр воткнул стеклянный столик, а за него – фикус. Откуда-то взялся высокий шкаф со стеклянными дверцами. В него же была понапихана куча каких-то книг, папок и пачки бумаги для принтера. На тумбе рядом стояла большая плазменная панель, а под ней – стереосистема. Больше всего мне понравилась «бутылочная доска», утянутая разноцветными нитями, которые удерживали разные листочки с информацией. Я, открыв рот, потрогала листочки на доске. «График выпуска синглов», «график съемок в павильоне», «график сессий в студии». На всю доску был разложен планинг-календарь, датированный, но незаполненный. Возле доски стоял кулер с горячей и холодной водой,

рядом – небольшой сервировочный столик с кофемашиной (таких монстров я никогда не видела), вазочка с печеньем в хрустких бумажных обертках.

Обалдевшая от всего этого, я приготовила кофе (благо сообразила, как завести этот чудо-агрегат) и вместе с кружкой спустилась в павильон, оставив невменяемого Брэдли в одиночестве.

Мисс Тони, похоже, гоняла Диму весь день без перерыва. Худощавая девушка мексиканской внешности, чем-то напоминающая Габриэль Солис из «Отчаянных домохозяек», она упруго двигалась и хлесталась плеткой. Она раздела Диму до трусов: оставила его в боксерах и кроссовках. Помимо трусов и кроссовок, на нем были наколенники, а локти перетянуты эластичным бинтом. Кроме их двоих в зале больше никого не было.

Когда я вошла, Дима терпеливо повторял движения за мисс Тони под счет «раз-два-три». Трусы промокли насквозь. По нему было видно, что он получал удовольствие от репетиции или что у них было, пока я не вошла? Заприметив меня, мисс Тони сказала Диме немного отдохнуть, а сама подошла поздороваться.

– Здравствуйте, я мисс Тони, хореограф, – сказала она с милой улыбкой. От нее пахло жаром и легким ароматом жасмина. Мне понравилось.

– Я Ника, директор Димы.

– Очень приятно, Ника. Не хотите присоединиться?

– О нет, спасибо. Я немного понаблюдаю и отправлюсь дальше работать.

– Хорошо.

В этот момент подоспел Дима. Видимо, отдохнувший.

– Да вы никак готовы, мистер? – игриво спросила мисс Тони.

– Готов! – оптимистично заявил Дима.

– Отлично, встаньте позади меня, возьмите меня за талию и просто стойте, я присмотрюсь.

Дима прикоснулся к ней, и мисс Тони тотчас уперлась своими бедрами ему в пах. Даже я почувствовала там жжение! Да уж, непростая жизнь у артистов, коль приходится работать с такими хореографами. Мисс Тони откровенно соблазняла бедного мальчика своими фигурными бедрами, водя ими по его телу. Вернее, по той части тела, что ниже пояса. Она закинула руки ему за голову, крепко вцепилась в его шею и, повиснув, раздвинула ноги.

– Повернитесь, чтобы я видела нас сбоку, – скомандовала она.

Дима повернулся. Судя по комплекции, мисс Тони практически ничего не весит, поэтому Дима без труда вертелся с ней на шее. Увиденное мисс Тони, видимо, понравилось, она довольно улыбнулась и скомандовала:

– Отлично! Теперь выставьте ногу… Не туда, мистер, а между моих ног. Скромность не для этого танца. Вот так, блестяще!.. Смотрите, если приглушить свет, то я стала секс-

гигантом!..

«О боже!»

На этом я удалилась, оставив «секс-гигантов» резвиться.

* * *

…Девять «восьмерок» были готовы ближе к ночи. Мы с Брэдли зашли за Димой в репетиционный зал, перед тем как отправиться в центральный офис для участия в презентации, организованной Парвати на энтузиазме. В сопроводительном письме значились два вопроса: 1) решение вопроса с бюджетом проекта на первый месяц; 2) решение вопроса с присутствием в социальных сетях. Я ничего не понимала ни в первом, ни во втором, но с Брэдли мы решили подтвердить свое участие, чтобы потом не выглядеть глупо. А вдруг нам это действительно нужно и важно? Касаемо бюджета, как я понимаю, вопросов не было никаких – все за счет заведения, а о зарплатах написано в контракте. Что еще тут обсуждать? Скорее всего, какие-то коммерческие вопросы, на которые мы никак повлиять не сможем, но в курсе надо быть. А присутствие в социальных сетях – что это вообще такое? В зале были какие-то парни в трико и вытянутых майках, под потолком витал запах сладкого табака, пота и мужских тел. И жасмин, конечно же, духи мисс Тони. Никто не обращал на нас внимания, пока Брэдли не помахал мисс Тони рукой, тогда нас тотчас усадили на пол и велели смотреть танец. Из

динамиков лился «Roberto» в записи. Как все быстро, боже мой.

Мы послушно сели и как с первых аккордов открыли рот, так и остались с разинутыми до самого финала. Получилось просто невообразимо хорошо. Мисс Тони удалось наполнить грустью этот танец, пониманием и принятием себя и своей сексуальности. Она прониклась песней, и у нее отлично вышло. Дима старался как мог, и его ободряла улыбка мисс Тони – профессионала, которого он признал сразу. Она разбила «восьмерки» на два такта: слабый и соблазнительный для куплета и мощный и двигательный для припева. Она просила его петь и танцевать, Дима задыхался. Тогда она перетянула ему диафрагму эластичной лентой, и дышать стало действительно легче. Во всяком случае, так сказал Дима.

– Нам нужно еще полчаса, три репетиции с балетом, хорошо? Передохните, мистер, я пока поработаю с ребятами.

Дима подбежал к нам. Он улыбался и светился, хотя было видно, что очень устал. Он просто сел возле меня, привалился ко мне и закрыл глаза. Отдохнуть ему дали недолго, за это время мисс Тони вернулась с пятью парнями и начала с ними работать. Парни, повинуясь какому-то слабовразумительному жесту хореографа, не стесняясь, разделись до трусов, перетянули суставы и выстроились в шеренгу. У них были идеальные тела. Дима со своим блеклым, но фигуристым телом не входил ни в какое сравнение с ними. У танцоров были накаченные торсы, руки, идеальные и безволосые

ноги. У Димы волосы были и на груди, и на животе, и на руках-ногах. Он сложил руки на груди и улыбнулся.

Мисс Тони взяла плетку и приказала всем повернуться задом, спустить трусы. Парни повиновались, Дима и Брэдли залились краской, а я неожиданно для себя зашлась сексуальным стоном.

– Мисс Домбровская? Есть предпочтения? – с лукавой улыбкой спросила мисс Тони и шлепнула одного танцора по ягодице.

Я словно одурела от вида накаченных задниц, захлопала в ладоши и, плотоядно улыбаясь, ткнула пальцем в чью-то откровенно пошлую задницу со словами:

– Ну вот этот персик я б надгрызла!

– Элиот, выйди из шеренги, – приказала мисс Тони.

Элиот, обладатель персика-задницы, сыграл бедрами, подтянул трусы и повернулся с улыбкой.

– Эл, ты работаешь с артистом.

– Да, мисс Тони.

– Остальные – сзади. Парни, смотрим, а потом работаем. У нас всего полчаса!

Мисс Тони врубила музыку, поманила к себе Диму, и они два раза подряд станцевали девять «восьмерок», то есть комбинацию движений, укладывающихся в ритм песни, если разбить ее на равные части по восемь ударов в ладоши. Как раз выходило, что на припев танцевалось три «восьмерки», на куплет также три, одна на бридж и две дополнительные к

финальному куплету.

Парни внимательно смотрели, а Элиот то и дело бегал то вперед, то назад, улавливая одному ему понятные движения. Я не видела ничего сложного в танце, но когда мисс Тони и Дима закончили, Элиот сказал:

– Мисс Тони, я не понимаю связку в финале. Вы специально ее смазали? Она нечеткая.

– У Димы не получается четко ее выразить, подстраивайтесь, – бросила она и скомандовала: – Начинаем!

За Диму встали четыре парня, ободряюще ему улыбнулись, а Элиот пристроился рядом.

– Помните, что рука у меня тяжелая, мальчики, – предупредила мисс Тони и щелкнула плеткой, словно Карабас на кукол.

Мне нравилась эта тетка. Она молодец, умела держать в узде липовыми инструментами. Ну не станет же она их бить!

Но тут я ошиблась. Первый свой шлепок получил по заднице Дима – мощный, обжигающий. Он не успел повернуться ровно и повалился на Элиота. Тот его, конечно, раскрутил, но «восьмерку» пришлось танцевать заново. Второй мисс Тони влепила Диме уже по рукам, когда он их не убрал за спину в припевочной «восьмерке». Последующие я уже не считала, только каждый раз вздрагивала, представляя, какой силы этот удар, если я слышу его даже сквозь песню. Но когда Дима с Элиотом делали движение «просунь ногу между моих ног», я всерьез обеспокоилась за достоинство Эли-

ота: мисс Тони обустроилась у Элиота между ног и от души шлепала его по бедрам, заставляя выгибать их все больше и больше. Элиот был намного больше мисс Тони, и я видела, как Дима держал его с трудом, за что получил щелчок по спине с грозным:

– Горб убрать!

* * *

Следующее утро началось с совещания и одного сюрприза. В переговорной комнате в нашем штабе на диванчике, поставленном вместо трех или пяти складных стульев, роскошно раскинув белесые волосы из парика, восседала ОНА. Памелла Аллегро, женщина, держащая небосвод мира моды. Хозяйка модного дома «Allegro». У меня помутнело в глазах. Я видела фото этой чудотворной женщины, я восхищалась ею и боготворила! Но даже не представляла себе, насколько она страшная! Мать моя женщина! Это же просто ужас! Сухая пергаментная кожа, надутые, будто воспаленные герпесом губы с ярко-лиловой помадой, ресницы а-ля Буренка. Худощавые, но жилистые руки прикручены к телу плечами, словно грубыми болтами. Куцая грудка под сеточкой стянутой кожи. Элегантное платье из последней коллекции, темно-синее с открытыми плечами и глубоким декольте и с поясом из каленого стекла. Как я хотела это платье! Но, увы, последний размер в коллекции я могла натянуть на

себя в двенадцать лет. Босоножки со стеклянными бретельками и прозрачной подошвой… Боже мой, это дива Памелла Аллегро!

– Здравствуйте, мои дорогие, – сказала Памелла.

О боже, какой голос! Волшебный, неповторимый, с ненавязчивой хрипотцой, словно дива слегка простудилась. Я слышала не одно интервью Памеллы и знала, какая тяжелая выпала на ее долю ноша. Муж-подонок, проблемы со здоровьем… Но она была для меня образцом нравственности и силы духа.

– Памелла! Добрый день! Рада знакомству с вами! Я – Ника!

Кажется, я проговорила это в полуобмороке и с каменным лицом, потому что мозг отказывался давать команды мышцам. Но когда Памела встала и подошла ближе и – представьте себе! – обняла меня (легкий сладкий парфюм! «Маленькое черное платье» или «Шанель № 5»?), я увидела свое отражение в зеркале. Улыбаюсь. Слава богу! Дима топтался у входа. Конечно, он никогда в жизни не слышал о Памелле Аллегро и не знает, кто она. И судя по его сконфуженному виду, он не понимает, почему я ее обнимаю. И боится, что Памелла полезет с объятиями к нему или съест его. Не полезет, ибо это фишка Памеллы – она обнимается только с теми, кто говорит «добрый день!» в любое время суток! Остальные – не в теме.

– Рада познакомиться, дорогая. Я – Памелла, – сказала

Дива.

– Памелла, познакомься, это наш Дима.

– Наша новая звезда, я полагаю? – томно проговорила Памелла и протянула Диме сухую лапку.

Дима пожал ее с недоверчивой улыбкой и кивнул.

– Готовы приступить? – раздался голос Парвати сзади.

Я снова принимаю чувство реальности и обвожу взглядом комнату. Так, Дива затмила собой около семи человек, не считая нас троих и саму себя. Кроме Коннора я больше не знала никого, но, как заранее объявил Брэдли, никого знать и не нужно. Людей настолько много, что далеко не факт, что мы еще хоть раз встретимся. Как в прошлый раз на встрече.

Но двоих профурсеток я знала. Виолетт и Дженнифер. Я получила от них не один десяток писем и даже слазила к ним в профайл в системе коммуникации между сотрудниками центра, где были их фотографии. Обе блондинки, молодые, стройняшки, в общем, они из той категории, которая презрительно осматривает мое тело и прощает себе лишнее пирожное на ночь. Виолетта откровенно косила под Бритни Спирс, а в Дженнифер были видны попытки отчаянной индивидуальности, но без особых изысков. Девушки были одеты в деловые костюмы, Виолетта – в строгий черный, а Дженнифер – в переливающийся серебристый. Естественно, обе на высоких каблуках и с изящными планшетами в славных корках, по которым постукивают десять цепких коготков.

– Я приветствую всех на презентации проекта Джейсона

МакКуина (такое сценическое имя взял себе Дима), прошу рассаживаться, – сказала Парвати. Ее темные волосы были стянуты в хвост так туго, что глаза казались притянуты к вискам.

Мы с Димой и Брэдли уселись по левую сторону, напротив окна. Возле Брэдли на свой диван села Памелла, мистер Коннор расположился по левую руку от нее, тоже на диванчик. С другой стороны стола сидели неизвестные нам четверо – двое мужчин и две женщины.

Дженнифер и Виолетта остались стоять возле проектора, который располагался на другом краю стола от нас. Парвати уступила пальму повествования девчонкам, уставившись в проектор так, словно на него транслировалось завещание ее покойной тетушки-миллиардерши.

– Дорогие друзья, мы рады приветствовать мистера МакКуина и его команду. Позвольте представить: Джейсон МакКуин, – торжественно объявляет Дженнифер, и Дима кланяется всем под ободряющие взгляды, – далее мисс Домбровская, директор артиста, и продюсер артиста – Брэдли Морган. Позвольте представить вам нашу специальную гостю – Памеллу Аллегро, дизайнера, стилиста и потрясающего человека.

Памелла изящно встает и дарит реверанс.

Инициативу перехватывает Дженнифер:

– Дорогие друзья, позвольте представить вам команду продюсерского центра и наш совет директоров. Мистер

Джейкоб Коннор, генеральный продюсер.

Джейкоб улыбается и машет всем рукой. Следом Дженнифер представляет Томаса Гримма, генерального директора «Коннор Дистрибьюшн мьюзик», звукозаписывающей компании, входящей в холдинг «Коннор Дистрибьюшн». Это весьма молодой человек, мне кажется, не старше меня, даже сидя в кресле, он был выше всех. Долговязый, с длинными волосами и внимательными глазами за круглыми очками. Он удостаивает всех открытой улыбкой, которую тут же стирает с лица. Мне он показался человеком довольно странным и… опасным.

Справа от него – миссис Ванесса Руби, генеральный директор «Live World Company», оператора мировых турне артистов разной величины, так пояснила Дженнифер. Это была очень взрослая и ухоженная женщина, в стильном деловой костюме серого цвета с идеальным маникюром и аккуратной строгой прической. Весь ее вид означал деловитость и собранность.

Следующий директор – Ллойд Френкли из «Intervideo Production», компании, занимающейся производством видео любого уровня – от рекламного ролика до кинофильма. Ллойд, как и Томас Гримм, молод, но в отличие от Гримма откровенно забавен. Он был в кепке, солнцезащитных очках и футболке. Тщедушный, как цыпленок. Услышав свое имя, он делает губы трубочкой и с шумом втягивает воздух.

И последняя, кого представила Дженнифер, – Саша Ло-

уренс, начальник юридического и финансового департамента «Коннор Дистрибьюшн». Честно говоря, я ожидала на встрече финансистов и юристов, но, во-первых, не думала, что это будет один человек, а во-вторых, не ожидала на этом посту фотомодель; скорее, мне представлялась взрослая деловая женщина вроде Ванессы Руби, но никак не хрупкая блондинка с именем Саша Лоуренс.

– Итак, все друг с другом знакомы, теперь приступим к презентации нашего проекта. Презентация состоит из трех частей. Первую и последнюю представляю я, а вторую – моя коллега Виолетта. Итак, приступим.

На экране появилась презентация. Общий маркетинговый план заключался в продвижении Джейсона МакКуина, или, как он именовался в презентации, – «проект», – через Интернет. Главное преимущество продюсерского центра – наличие собственных раскрученных интернет-сайтов, включая поисковик, социальную сеть и модный глянец.

План заключался в масштабной и быстрой раскрутке артиста. На календаре, изящно выполненном в сине-серых тонах, Дженнифер изобразила период «полной тишины», когда об артисте не будет ни слова, далее начинается мощная бомбардировка. Девять инструментов продвижения единовременно в полную силу.

План был рассчитан на текущий месяц. В нем должен выйти новый сингл, в поддержку которого будет организован промо-тур с выступлением на ключевых площадках, имею-

щих большой отклик, о которых будет сообщено дополнительно. На протяжении всей промо-кампании частные выступления запрещены, артист работает только на имидж.

– Как правило, в этот период поступает очень много предложений как в «Live World Company», так и напрямую продюсеру, – отметила Дженнифер, – мы настоятельно рекомендуем отказываться от любых предложений, так как они будут экономически несостоятельны. Понятно, что хочется заработать деньги, но отказ стимулирует в дальнейшем больший спрос. Артист отправится в турне не раньше, чем через три с половиной месяца.

Альбом должен выйти не позже чем через четыре месяца. Перед альбомом выйдет два сингла, и один – одновременно с альбомом, этот сингл станет ведущим. Поэтому песню необходимо выбрать особенно тщательно, подготовить идеальный план продвижения.

– Именно поэтому лид-сингл будет написан лучшими авторами с учетом мировых трендов, – сказала Дженнифер, – сейчас материал отдан в работу, и я думаю, что к середине следующей недели у нас будет готовый текст.

Далее начался финансовый план. Я была шокирована теми суммами, которые услышала. Когда я увидела на экране «план девяти пунктов», я предполагала, что суммы будут большими, но что настолько… Одно только участие в показе модного дома «Allegro» обойдется в полмиллиона долларов, кроме того, мы заплатим за то, что Дима будет лицом кам-

пании на протяжении года. Надеюсь, что так будет не всегда, и скоро платить будут нам.

Оказывается, нет.

Памелла заявила, что хочет эксклюзив на лицо Джейсона МакКуина в рекламе любой одежды на три года, первый год оплачивает продюсерский центр, а два последующих идут в счет взаимозачета за одежду, которую «Allegro» будет предоставлять МакКуину и всей его сценической команде для туров, выступлений и так далее.

Я открыла было рот, чтобы сказать категоричное «НЕТ», но Дженнифер перехватила инициативу и сказала:

– Спасибо, Памелла, отличное и щедрое предложение, мы его принимаем.

В зале раздались аплодисменты. Я посмотрела на Брэдли вопросительно, он нахмурил брови, перестал хлопать и написал на планшете в блокноте фразу: «Обычно мы платим за это $1 млн». Тут захлопала я и решила больше не пытаться изменить этот мир.

На этом Дженнифер закончила и передала слово Виолетте, которая тут же загрузила новую презентацию. Облик артиста.

Общая концепция на первую эру (под которой понимается альбом и тур в его поддержку) – атмосфера мрачной и стеснительной порочности. Темные тона, идеальные фигуры, преимущественно темно-синий цвет, черно-белые фотографии, томные взгляды и легкая эротика.

На примерных образцах фотографий нам показали, как будет выглядеть (концептуально) образец идеального плаката Джейсона МакКуина: черно-белое фото до пояса, полностью обнаженное, слегка опущенная голова и отведены глаза, рельефные руки и грудь, белая надпись JASON MCQUEEN. Я бы назвала эту концепцию «гомо-эротическая».

Сайт уже был разработан, и на презентации мы увидели его фото. С фотографией на главной странице обнаженного человека в трусах «Allegro», который лежит в нижней части экрана на белых буквах JASON MCQUEEN, а над ним располагается серый квадрат с информацией, справа от которого – квадратики логотипов социальных сетей, где есть страничка Джейсона. Слева всего три слова – about, video и tour.

Скажу сразу, что сайт мне понравился и вопросов не вызвал. За исключением одного: что мы напишем в легенде, то есть на загадочной страничке about. Эти вопросы я пишу в планшет Брэдли. Надо бы научиться пользоваться этими вещами, как блокнотом с ручкой, это и вправду удобнее, во всяком случае, на встречах, где приглушен свет и не всегда есть стол, куда можно облокотить все письменные принадлежности.

Далее Виолетта рассказывает о том, как будут выглядеть альбом и синглы.

«Сингл – это издание в электронном виде и издание на физическом носителе (компакт-диск), куда помещена запись песни и официальные ремиксы» – написано на презента-

ции. В качестве обложки альбома Виолетта предложила черно-белую фотографию на темно-сером фоне нижней части спины, куда немного захватить объективом попу. И тут же показала этот шедевр.

В принципе мне понравилось, за исключением одного: мне показалось это слишком пошлым.

– Буклет будет раскладываться, и когда человек приобретет диск и распакует его, то сможет получить полный постер с телом Джейсона, например, вот так…

И она показывает сложенный вчетверо снимок какого-то несметного самца. Фото было черно-белым, полностью обнаженным и снятым сзади. Полностью голая задница, что ли?!

В качестве обложек синглов Виолетта представляет несколько вариантов: обложки без фото вообще, только с надписями на все пространство, или фотографии лица в разных ракурсах и большую надпись тонкими буквами в нижней части обложки.

– Фотосессию назначим на завтрашнее утро в павильоне в Голливуде, – сказала Виолетта. – Я приглашу трех фотографов, и мы выберем те работы, которые нам понравятся больше всего.

На этом она заканчивает и передает слово Дженнифер.

«ЛЕГЕНДА» – гласила надпись на следующей презентации.

– Я не буду комментировать этот шедевр, смотрите сами.

И появляется небольшой текст.

* * *

«Джейсон МакКуин сын эмигрантов из России, родился и вырос в Лос-Анджелесе. Его родители погибли, у него нет никого и ничего, кроме музыки. Ему чуть больше двадцати, и он рожден для того, чтобы быть на сцене».

Да уж.

И это шедевр? Я бы придумала куда лучше. Драмы однозначно мало, как хоррора и саспенса, о которых молила, о которых я просила всевышнего. Такую легенду я могла бы сочинить, сидя на унитазе! Но я смотрю на этот текст с точки зрения редактора, а не продюсера. Я присмотрелась к директорам: Джейкоб довольно кивал, Руби и Гримм одобрительно похлопали. Брэдли улыбался. Неужели это их устраивает?

Я скашиваю глаза на Диму. Он был шокирован. В этих небольших строчках было больше правды, чем вымысла. Наверное, он думал, что легенда будет куда более лживой.

– Мы настоятельно рекомендуем не вдаваться в подробности личной жизни до момента появления на сцене. Джейсон вправе рассказывать обо всем, что происходит с ним сейчас, но ни в коем случае ничего, что было «до». Это должно оставаться неизвестным. Поэтому такую информацию мы не раскрываем. Когда придет время, мы представим ее, но сейчас не время. В любых интервью продюсеру и директору артиста надлежит заранее обсудить стоп-лист, в которых про-

писать: никаких вопросов о прошлом артиста, никаких вопросов о будущем, только настоящее. Это правило гарантирует саспенс, то есть интригу, и отсутствие ложных ошибок.

– И еще одно: по поводу сексуальной ориентации артиста, – продолжает она, – никаких однозначных ответов, но мы настоятельно рекомендуем взять за основу бисексуальную ориентацию, что позволит зацепить обе аудитории: и девушек, и парней, и сразу же отсечь нетолерантные целевые группы, которые, как показывает практика, мало образованы, бедны и скупы на отзывы и не представляют для нас никакого интереса.

Я бросила быстрый взгляд на Диму. Он был безмятежен.

В общем, загадочное мероприятие подошло к концу, и мы толком не успели перекинуться и парой слов. Я помахала Памелле, которая в очередной раз обняла меня и сказала, что будем держать связь и очень скоро встретимся, и унеслась об руку с Коннором, который даже не улыбнулся на прощание. Люди поскручивали провода и разошлись. Почта привычно запиликала, поясняя, что заполняется новыми сообщениями.

Брэдли увел нас из офиса, мы отправились в ближайший ресторанчик, где легко поужинали с бокалом вина, и Дима отчалил домой, оставив нас с Брэдли наедине.

Я, честно признаться, не совсем поняла, зачем он это сделал. Мы заказали еще вина. Наедине с Брэдли я не чувствовала себя женщиной – я еще помнила, как он отозвался о мо-

ей маленькой стокилограммовой проблеме на ужине с Коннором. Не сказать, чтобы я была сильно обижена, но внимание мое этим своим небрежно брошенным высказыванием привлек. И теперь мне хотелось не просто, чтобы он признал свою неправоту, а чтобы… ну, больше того, понимаете? Короче, сложно это. Сама не могу понять – ну не хочу же я в самом деле, чтобы Брэдли в меня влюбился? Это было бы забавно и, возможно, пролило бы бальзам на мою тушу.

В моей голове крутились разные мысли, и ни единой – правильной.

– Ника, а у тебя в России был возлюбленный? – неожиданно спросил Брэдли.

– Что за вопрос? – ощетинилась сразу я. Мне кажется, я даже тряхнула вторым подбородком от возмущения.

– Ну, мне интересно, – ответил он. – Нужно быть очень отважным, чтобы приблизиться к такой женщине, как ты.

Может быть, это хмель ударил в меня. Я вообще на алкоголь слабенькая. Пью мало, редко. Вот меня и выкашивает первой. Завидую бабам, которые могут сидеть прямо, когда мужики-собутыльники уже попадали под стол. Я вот не такая. Никогда компанию не поддержу – первой в голову стрельнет, первой драку разведу. Первой потом усну.

– Интересно ему, значит, – тихо сказал я, в груди уже клокотало. – Мало было в тот раз, когда ты пошутил по поводу моей «идеальной фигуры»? Теперь ты решил уточнить, сколько героев-мужчин посчитали меня женщиной, достой-

ной ласки? Это хочешь узнать? Тебе как ответить? Посчитать только тех, с кем у меня был секс? Чего глаза удивленные сделал? Да, у меня был секс, представь себе. И не с самой собой. Так что? Посчитать только их или еще тех, которые до постели не добрались? – спросила я уже довольно громко. Да, меня понесло. Наверное, усталость. Или легкий хмель от винца. Не знаю точно. Но меня было не остановить. – О, я знаю, что тебя обрадует! К черту всех этих мужиков, которые не дошли до постели, и тех, кто туда добрался! Давай я скажу, сколько мужиков меня отшили из-за того, что я толстая. Хочешь узнать?

Я допила бокал вина, поставила его на стол и встала. Меня пошатнуло, Брэдли вскочил и придержал меня. Я вдохнула, совсем того не ожидая, его запах. Господи, ну почему так? Почему все мужчины, которые разбивают мне сердце, пахнут так потрясающе? Легким бризом, уверенностью в себе, свежестью? Почему всегда так?

– Ника, пойдем, я отвезу тебя домой, – осторожно сказал Брэдли.

– Не надо, – сказала я твердо. Пожалуй, даже тверже, чем держалась на ногах. – Спасибо, но я сама. Рассчитайся, пожалуйста, а я пойду умоюсь.

В туалете я плескала водой в лицо и проклинала себя. Ну что я несу, господи?! Ведь не зря все говорили – в Америке другой менталитет. Может быть, Брэдли просто по-дружески хотел со мной поговорить, а я решила, что он соби-

рается меня унижать. Ну почему у меня голова так построена? Почему я сразу решаю, что все мужики априори считают меня непривлекательной из-за того, что я толстая? Почему я первым делом думаю, что меня хотят обидеть?

Потому что меня всегда обижали.

Но здесь, в Америке, я с собой так не позволю. Ведь я же просто супер. Я супердетка! Я целая вселенная, умная, у меня потрясающее чувство юмора! Я богиня в сексе, и я преданная. Отличный друг, буду прекрасной матерью… Я все это говорю себе в зеркало, а в ответ мне сама я, самая обычная, такая же, как и всегда. Ровно такая же, как и тогда, когда мне в лицо плевала мордовка. Ровно такая же, которую бросил мужчина, ради которого я пошла на убийство – аборт. И кого я обманываю?

Я вышла из туалета другим человеком. Когда такое показывают в фильмах, всегда говорят – она оставила там свое сердце. Наверное, я оставила в этом туалете свое сердце. Больше никто не проникнет в него, больше никто не разобьет. И даже ты, Брэдли Морган, будь ты трижды самым сексуальным мужчиной на планете.

Меня не шатало – перед выходом я сунула два пальца в рот и потом тщательно прополоскала его. Мне стало легче, особенно после пяти выпитых черпаков ледяной воды из ладошек.

Брэдли ждал меня на улице. Уже стемнело. Куда идти – я не знала.

– Я отвезу тебя, Ника, – сказал Брэдли. Выглядел он встревоженным.

– Я ведь сказала тебе, что доберусь сама, – ответила я и подняла руку, чтобы поймать такси.

Брэдли опустил мою руку твердо, но не сильно.

– Послушай, ты совсем неправильно меня поняла, – сказал он. – Пожалуйста, не обижайся. Давай поговорим, только ты выслушай меня.

– Брэдли, дорогой, я все услышала, и я сегодня очень устала. Давай закончим этот разговор? Желательно закрыть эту тему раз и навсегда. Я поняла, что ты хотел сказать мне. Я не в твоем вкусе. Можешь расслабиться. Я не буду делать тебе знаков внимания. Хотя мне казалось, я и раньше их не делала. Но впредь буду осторожнее. Вот на этой машине я поеду, – сказала я и улыбнулась. Возле нас остановился большой красный джип с желтой шашечкой на крыше. За баранкой сидел обаятельный негр, который улыбался во все данные природой белоснежные зубы.

Чуть сильнее, чем было нужно, я выдернула свою руку и села в машину. Брэдли продиктовал таксисту мой адрес (спасибо, а то я и не знала, если честно), попросил меня открыть окно.

– Ника, сейчас ты не хочешь разговаривать. Но прошу тебя – не делай выводов, дай нам шанс все это обсудить.

– Брэдли, хочешь я тебя поцелую, чтобы ты отстал?

Вот тут разозлился он. Пока я пыталась сфокусировать

взгляд шальных глаз, он приблизил ко мне свое красивое лицо с легкой щетиной и слабым ароматом своих потрясающих духов и прошептал:

– Иди ты к черту!

– С удовольствием, – ответила я и скомандовала негру: – Едем, шеф!

Брэдли отпустил дверь, и машина тронулась.

Я снова заплакала, тихонько, закрывая рот ладошкой, чтобы не взреветь белугой.

Игорь

Игорь ненавидел запасные варианты. Но почему-то всегда так получалось, что запасной вариант обычно становился генеральным планом, но, как водится, до мельчайших деталей разработан не был. Он ведь запасной, к чему его прорабатывать?

Проект Димы Грановского раскручивали. Ему дали псевдоним – Джейсон МакКуин, подписали с ним контракт. Игорю были неизвестны детали стремительного взлета Саши Лаврова, его интересовало – как долго ФБР сможет держать все в тайне? Игорь был уверен, что недолго. И знал, что у ФБР нет запасного плана. Спасти Сашу Лаврова будет просто некому. Все разбегутся, оставив его на съедение Наркобарону. Даже Вася Ковалев и тот умыл руки. Хотя так отважно сопротивлялся, пытаясь отстоять за Сашей право выбирать самому… Ну что, ему дали иллюзию выбора. Игорь надеялся, что Саша Лавров принял эту иллюзию за чистую монету.

В день, когда на радиостанциях зазвучала песня Джейсона МакКуина, в ведомственной клинике, где Саше Лаврову делали операцию, повесилась медсестра. Поскольку женщина работала в больнице очень много лет и принимала непосредственное участие в реабилитации Саши Лаврова, Игорю об этом доложили. Игорю эта новость не понравилась, и он

поехал на место.

Объяснить трагедию не смог никто – ни родные, ни коллеги. Следователи допрашивали весь персонал по нескольку раз, дело было очень важным и острым – медсестра была с допуском к государственной тайне и знала много такого, чего обычные люди не знают.

– Я не скажу, чтобы наши сотрудники жаловались на зарплату, – сказала главврач клиники, – у нас очень большие доплаты. Скорее всего, это никак не связано с работой, а, наверное, связано с личной жизнью. Аллочка у нас одинокая, наверное, не захотела больше жить одна.

Главврач пустилась в пространные рассказы о личной жизни медсестры, но Игорь был уверен: эта дама сейчас насочиняет таких страданий, лишь бы никто не думал, что Алла Бережная повесилась не из-за личной жизни. Игорь был сам одинок и не видел поводов из-за этого совершать самоубийство. В конце концов, семейная жизнь и любовь – не главное в этой жизни.

Прошло четыре дня, Аллу Бережную похоронили. Расследование ее суицида было завершено. Признаков насильственной смерти обнаружено не было. На пятые сутки после смерти Аллы песня Джейсона МакКуина возглавила все хит-парады планеты. Слова песни звучали из каждого угла, телевизора, радио, в рекламе, в торговых центрах. Эта песня облетела мир и завоевала его.

Хит МакКуина играл у него в приемнике, когда Игорь

ранним утром приехал к Ирине с твердым намерением прекратить отношения и уехать, уехать, уехать, не оглядываясь. Он не хотел объяснений, скандалов и еще чего-нибудь, он просто хотел поставить точку, чтобы можно было двигаться дальше. Да, когда она привела в дом парня, Игорь ушел. Но ведь было понятно и без слов, что этот появившийся в ее жизни и, возможно, в постели человек – всего лишь способ вызвать ревность у Игоря. И хоть у него был полноценный повод больше не появляться в ее доме, Игорь хотел поставить точку.

* * *

Все пошло наперекосяк прямо с порога. Ирина встретила его со слезами на глазах и едва Игорь вошел в квартиру, кинулась к нему в объятия и долго рыдала, не в силах совладать с собой. План «А» смылся вместе со слезами. Они давно друг друга знали, и Игорь не мог просто так отстранить ее и сказать: «Между нами все кончено». Нет, он так не мог, хотя это сильно его удивило и привнесло какую-то легкость. Как будто святой отец грехи отпустил.

Или он сам себя простил – ведь еще месяц назад он не стал бы даже задерживаться ни на минуту. Слезы Иры – вполне себе обыкновенное дело, и терпеть он это не обязан ни при каких обстоятельствах. Но что-то изменилось, и Игорь вдруг осознал, что правильно именно так, а не иначе.

Он впустил Иру в свои объятия и даже погладил по голове.

– Что у тебя случилось? – спросил он.

– Папа… папа умер…

Игорь зажмурился. Почему именно сейчас? Неужели невозможно отложить это горе, отсрочить его? Избавить его от этих слез, от утешений и всего, что сопутствует? Мысли, весьма привычные и обыкновенные, которые следовали в его голове по давным-давно проложенному маршруту, вдруг показались ему кощунственными, неправильными, жестокими и отвратительными.

– Ира, мне очень жаль, – сказал он вполне искренне. – Что я могу сделать для тебя?

– Остаться, – сказала она. – Я не могу одна. Я боюсь. Я боюсь сойти с ума… Папочка, его больше нет…

– Тише-тише. Я побуду с тобой, – согласился он.

И она расплакалась еще пуще. Игорь ногами стянул ботинки, помог Ирине забраться в кровать, лег рядом. Она прильнула к нему и плакала-плакала-плакала. Игорь говорил какие-то слова утешения, гладил ее по голове и все видел как со стороны – это совершенно не он. Он сам себя не узнавал. Практически каждый день Игорь сталкивался со смертью и давно привык к этой костлявой и неразборчивой старухе, ее зловонному запаху и слезам, которые она вокруг себя густо сеет. Он зачерствел к ней и чувствам, которые она вызывала у окружающих, считая их ненастоящими, как действие наркотиков. Смерть недолго задерживалась в одном

доме, но всегда оставляла за собой право возвратиться в самый неожиданный момент. Нужно забыться и дождаться, когда она уйдет и в доме снова будет солнце. А сейчас все по-другому. Отца Иры он, конечно же, не знал. Но несколько раз она рассказывала, что человеком он был хорошим, и Ира была сильно привязана к отцу. Для нее это горе. Покойному отцу уже все равно, горе осталось у живых: у его дочери, сына и жены.

– Когда похороны будут? – спросил Игорь.

– Я не знаю… Мама сказала, что послезавтра, но ведь он умер только сегодня ночью… Так все быстро. Я не готова, Игорь, не готова…

– Но ты должна, – сказал он, впустив в голос немного жесткости, присущей прежнему Игорю, который бы просто позвонил подруге Ире и попросил ее приехать, а не остался бы сам. – Ты должна быть сильной и достойно проводить отца в последний путь. Это твой долг.

Ира кивнула и снова уткнулась в его плечо. У Игоря зазвонил телефон.

– Я могу услышать Игоря Сергеевича Романова? – спросил вежливый женский голос. Игорь сразу узнал его: Светлана Ивановна, психиатр из клиники.

– Здравствуйте, Светлана Ивановна, – ответил Игорь. – Слушаю вас.

– У меня произошло ЧП, – сказала она, – я могу по телефону сказать?

– Не стоит, я скоро буду. Вы на работе?

– Да. Жду вас. Это и вправду важно.

– Я вас понял.

Он положил трубку и взял ее снова. Нельзя оставлять Ирину одну. Через полчаса приехала подруга Иры, Лера, жгучая брюнетка, прочно привязывающая свои глаза к мужским ширинкам. Вот и сегодня первым, на что она посмотрела, был Игорь, вернее, та часть тела, что располагалась ниже пояса. И только после она заметила сжавшуюся в жалкий клубок Иру.

– Мне нужно идти, – сказал Игорь, – но я приеду вечером.

– А завтра? – с надеждой спросила Ира.

– И завтра тоже приеду, – сказал он.

В клинику Игорь приехал около трех часов дня. Светлана Ивановна встретила его в холле и по дороге в ее башенку сказала:

– Я не проверила сразу. Только сейчас поняла, что нужно было это сделать давно! Боже мой, столько времени упущено! Игорь Сергеевич, мне кажется, все пропало. Все псу под хвост.

– Да что случилось?

– Мне кажется, я рассекретила Сашу Лаврова.

– Что вы сказали сейчас?

– Вернее, не я. Я не знаю кто. Но думаю, это сделала Аллочка.

Они зашли в кабинет, и Светлана Ивановна показала Иго-

рю свой шкаф. Там стояли толстые картонные папки. На корешках – номера.

– Я не подписываю папки именами пациентов. Только номера. У Саши Лаврова был номер 5478–00, возьмите эту папку. Вам нужна перчатка?

– Да, пожалуйста.

Он надел синюю латексную перчатку и взял папку. Она была очень легкой, потому что оказалась пустой.

– Что у вас было в папке? У вас нет доступа к профайлу Саши Лаврова, к тому, где содержатся данные о его новой личности. Что вы могли рассекретить? Вы даже не знаете, как он выглядит – он общался с вами в бинтах!

– Я вас умоляю, опровергните мои слова. – Ее голос дрожал, на глазах были слезы. – Скажите, что я ошиблась. Тогда ошибутся и они. Скажите, что это не так.

– Да что сказать вам? – разозлился Игорь.

– Саша Лавров – это ведь не Джейсон МакКуин?

Глава 7

Ника

США, Калифорния, Лос-Анджелес

Если вам вдруг подумалось, что все, чем мы тут занимаемся, – это пытаемся разобраться в своих любовных страданиях, то вы жестоко ошибаетесь. Да в шоу-бизнесе всем плевать на то, что ты там чувствуешь. Дома и в офисе мне удавалось делать вид, что между нами с Брэдли ничего особенного и не произошло. А он, видимо, был на меня зол как тысяча чертей. Да и черт с ним пока что.

В общем, наш разговор с Брэдли по душам законсервировался, позволив нам всем двигаться дальше. Эта ситуация, конечно же, вернется, ведь рано или поздно из погреба достают даже самую позапрошлогоднюю банку с огурцами. Во всяком случае, я (если уж быть совсем откровенной) рассчитывала на продолжение этого разговора, но инициатором быть точно не хотела. В конце концов, я девушка и не хочу ничего решать, хочу новое платье, или как там говорят в Интернете?

Но мой эмоциональный фон тот разговорчик подпортил. Я перестала ощущать реальность происходящего. Вроде бы все решения принимались совместно, строились планы и

прогнозировались дальнейшие шаги, но вот мы с Димой стоим в съемочном павильоне, а вокруг люди – три фотографа, которых я знаю в лицо, но даже намека в голове об их именах нет. Одни щелкают затворами, другие щипают Диме брови, раздевают и одевают его… Все, как во сне, сумбурно, без логики и остановки. Я потеряла нить времени и не представляла, сколько это сумасшествие будет продолжаться, но внезапно все закончилось. Кто-то попрощался, кто-то просто ушел, щелкая затвором. Брэдли сказал, что фотосессия окончена. Я думала, все будет куда гламурнее, а не так, словно мы грузились в отходящий поезд.

Съемочный павильон «Connor Production Center LA» находился в пригороде Лос-Анджелеса, на приличном расстоянии от Голливуда, там же мы вчера расположили штаб-квартиру, куда громадьём свалили все вещи, так как нам сказали, что в ближайшие сутки едва ли удастся уехать домой. Сам павильон был огромный и едва ли по размеру уступал стадиону на пятьдесят тысяч человек. Зачем занимать такую громилу, объяснил Брэдли. Во-первых, в небольшом съемочном павильоне нет возможности выстроить сразу пять-шесть съемочных площадок, а значит, уйдет значительное время для переустройства. Во-вторых, производственный отдел «Connor Production Center LA» запросил материал для монтажа декораций не позже трех суток до начала съемок, чтобы успеть смонтировать павильоны, и подготовил все павильоны для съемок в один день. Опаздывать

нельзя. Ну и, в-третьих, такой команды профессионалов, как в «Connor Production Center LA», не найдешь больше нигде.

Огромный павильон был разбит на четыре отсека, которые мы не успели обойти, как нас потащили в гримерные комнаты. Вернее, потащили Диму, а мы увязались, словно прикованные к нему. Это была небольшая комнатка, огороженная высокими шторами. Внутри был диван, большое зеркало со столиком для инструментов гримера и несколько кресел. Возле входа располагалась стойка с костюмами.

В гримерку заходили часто. Первой оказалась мисс Тони. Она была одета в узкие джинсы и топ, все серо-нейтрального цвета. Смуглое лицо светилось здоровьем и оптимизмом, и Дима волей-неволей улыбался при виде ее. Но когда он увидел в руках мисс Тони плетку, то улыбка потихоньку сползла с его лица, но мисс Тони его успокоила:

– Вас, мистер МакКуин, я бью только в своем зале. Ни в коем случае не на виду. Все ошибки, даже если они ваши, будут отрабатывать мальчики. Наверное, вам не успели сообщить, поэтому донесу до вас я: в клипе будет шесть частей. А это значит, что будет шесть эпизодов, шесть костюмов, шесть образов. То есть вам придется станцевать шесть раз минимум, если никто не совершит ошибку в моем шедевральном танце. Переодевайтесь, сделаем первую репетицию, заодно настроят все камеры и свет. У вас не больше десяти минут.

Когда она вышла из нашего шатра, Брэдли сказал:

– Помни, что ты артист и профессионал. Ты вправе остановить съемки, если плохо себя чувствуешь или что-то не хочешь делать. Но запомни, что остальные так же профессиональны и могут сделать то же самое. Кроме того, у всех есть время, оплаченное и личное. Никто не станет тратить личное время на нас. Оплаченное время до часу ночи, дальше – личное желание каждого. Поэтому сначала снимаем все и со всеми, а потом – тебя одного. Ни с кем знакомиться не нужно, только если они сами не предложат. Не старайся запоминать имена, это неважно, ты больше не увидишь этих людей. За исключением мисс Тони, танцоров и нас с Никой.

Димка кивнул. Я достала телефон и начала фотографировать все подряд: Димку на стуле, себя на диване, даже выглянула из шатра, сделала пару кадров съемочной площадки.

– Зачем ты делаешь фото? – спросил Брэдли.

– Для истории и твиттера, – ответила я. – Это же инсайдерская информация, за которую душу продает половина поклонников. Через определенное время.

В шатер вошла милая пухлая женщина в джинсовом комбинезоне в синий горох. На мне было легкое хлопковое платье в такой же самый горох, и женщина поприветствовала наше сходство милой улыбкой.

– Здравствуйте, мистер МакКуин и все остальные, я миссис Поттер, костюмер, – ласково представилась она. – Как видите, дом «Allegro» отправил нам костюмы для съемок, как я поняла, мисс Аллегро прислала вещи на глаз, так что

их нужно подогнать на вас. Встаньте, пожалуйста, на этот пуфик, я сделаю свою работу.

Дима послушно встал. Женщина подала ему кожаные черные брюки, Дима с кряхтением их надел. Действительно, немного великоваты. Миссис Поттер с зажатой иголкой в зубах беззастенчиво шарила у Димы в брюках, поправляя выкладки и швы. С нежным кудахтаньем поглаживая Димин зад, она со всего размаху всадила ему в задницу иглу, Дима вскрикнул.

– Ну надо же, какие мы нежные! Прошу прощения! Снимайте это, надевайте другие брюки, вот эти, красненькие.

Дальше прошло без уколов, и вскоре все брюки были подогнаны и висели на руках миссис Поттер, которая удалилась с ними куда-то в глубь павильона.

– Внимание! Всем артистам выйти в первый павильон.

В комнату вбежала мисс Тони.

– Мистер МакКуин, сколько вас ждать? Где ваши брюки? Черные, первый эпизод зеркальный! Быстро!

Хлыщ!

Ударив плеткой по полу сильнее, чем требовалось для произведения эффекта, мисс Тони так же поспешно убежала. Дима схватил с вешалки черные брюки, но тут в комнату ввалилась необъятная женщина.

– Я Габи, – сказала она. – Не трогайте ничего, садитесь в кресло. Макияж!

– Но мне нужно идти на площадку!

– Не волнуйтесь, без вас не начнут, – сказала она.

Дима сел.

– Закройте глаза и не открывайте их, пока я не разрешу.

Уверенными движениями Габи растерла на лице Димы тон, наложила легкие тени, легкий блеск на губы натурально-розового цвета, тонко подвела глаза и брови. Наверное, ее смутили некоторые волоски на бровях, потому что она вооружилась пинцетом и хорошенько прошлась по бровям и ресницам. Дима кривился, но молчал.

– Открывайте глаза, мистер МакКуин, все готово, – сказала она.

Дима открыл глаза.

– Посмотри на меня, – велела я.

Дима повернулся ко мне лицом, и тут я увидела в его глазах дикий страх.

– Все отлично, – сказала я. – Не бойся, все будет хорошо.

– Ты будешь рядом?

– Конечно. Идем.

* * *

Сначала снимали самый зрелищный момент, по словам мисс Тони, – сцену в зеркальной комнате. Две плоскости из неровно поставленных зеркал свели под прямым углом, на манер треугольника, только без гипотенузы. Свет сочился из-под зеркал, оттуда же вытекал дым. Брэдли сказал мне,

что зеркала с обманом. И словно в подтверждение его слов в один момент они стали прозрачными, а за ними полыхнуло пламя.

Я посмотрела на монитор, который находился напротив наших стульчиков за камерой режиссера. Я не узнавала Диму. Я видела его в гриме, с серьезным лицом – когда он шел на площадку. Но то, что я видела на экране, очень смутно напоминало мне человека, которого я прижимала к груди на высоте десять тысяч метров еще меньше недели назад.

Дима обладал неплохими данными. Ровное лицо, без изъянов, аккуратный нос, выразительные синие глаза. Красивые брови, черные волосы, густые и волнистые. Его нельзя назвать бедняшкой, но в сравнении с той же мисс Тони Дима был альбиносом.

После всех макияжных манипуляций его лицо стало еще более бледным, глаза темными. Серый цвет радужки приобрел свинцовый оттенок, в них полыхала ярость. Брови ему выщипали до идеальных контуров, а губы стали бледно-сиреневыми.

– Ну он и соска, – по-русски сказала я.

– Что, прости? – спросил Брэдли.

– Красивая картинка, говорю, – ответила я.

На площадку вышли парни мисс Тони, гуськом за ней. Дима встретил их, открыв рот. Парни были в одних трусах-боксерах из такого же материала, что и Димины брюки. Им надели парики, точь-в-точь повторяющие его прическу – зачес

элегантными локонами назад. Только Димина голова отливала серебром, а парики парней были насыщенного черного цвета. С их лиц стерли брови, оставили только подводку глаз и розовые губы. Такие же бледные лица, бледные тела.

– Над мальчиками поиздевались, а? – хихикнул Брэдли, – они тут с утра. Обесцвечивались. Теперь Дима со своей естественной бледностью выглядел негром. Парни были просто белыми.

– Мистер МакКуин, лучше, чем сейчас, уже не будет. Прикройте глаза, выставляем свет.

Я аж подпрыгнула! Зачем же так пугать – мне показалось, что голос раздался с небес. Я хихикнула и быстро оглянулась – не видит ли кто моего конфуза, но всем было не до меня. По павильону носились люди, по-деловому переговаривались в рации, что-то куда-то тащили и постоянно говорили.

Я снова уперла взгляд в монитор, стараясь понять, чем кадр отличается от реальности. Конечно, многим: в реальности все, что за кадром, выглядело убого и индустриально – какие-то тросы, световые кабины, арматурины и поднятые вверх тормашками декорации, какие-то тряпки и прочие атрибуты сценической площадки.

В кадре не было вообще ничего лишнего.

Идеальное пространство. Идеальная вселенная.

Даже сквозь закрытые наглухо глаза мощный свет слепил Димку. Он долго привыкал к лупящему прямо в мозг свету,

а когда привык и даже смог различить, откуда же сочится эта пытка, открыл наконец глаза.

Парни мисс Тони отлично работали. Пока выставлялся свет, они не стояли столбом, а разминались. Все парни были как один – красавцы, накаченные и с упругими попками. Загляденье просто.

И тут я увидела ЕГО. Да-да, мой сладкий персик.

Элиот. Он единственный был в узких плавках. А еще на нем была маска-очки: темная полоска с прорезью для глаз. На сцену выбежали девочки в футболках и джинсах и быстро повязали остальным парням черные ленты на глаза, а на тело пшикнули масло и энергично растерли. Я позавидовала девчонкам: хорошая у них работа, растирать мужские тела лосьоном-м-м… Когда экзекуция закончилась, парни замерли. Нет, правда, они смирно стояли, вытянув лица, и ждали сигнала. Никакой реакции. Я сконфуженно прищурила глаза на шорты, в надежде обнаружить признаки возбуждения, но не заметила ничего. Хорошие танцоры, наверное.

Свет потух. Наверное, сейчас Дима смог различить десятки людей, стоящих по ту сторону камер, и увидеть меня. Я помахала рукой. Никакой реакции.

Камер было не меньше пяти – три стояли напротив него, две были подвешены в воздухе.

– Уважаемые члены съемочной группы, мы начинаем. Дубль первый эпизода первого «Зеркало». Дым, пожалуйста…

Самым сложным оказался финал. Режиссер кричал на парней, потому что хотел видеть в их лицах эмоции. Мисс Тони хлестала Элиота, как сидорова козла, Дима потел, ему постоянно подправляли лицо… Наконец, режиссер сказал, что первый эпизод «отмучен», через полчаса съемка второго, и распустил всех перегримироваться.

Следующая сцена звалась «Огненной», и в ней не участвовали парни из балета, только парень в плавках, чью попку я вчера собиралась надгрызть. Весь эпизод состоял в их танце с подсовыванием ноги на фоне горящих факелов, обломков и все того же неуемного дыма. Эта сцена была кульминационной и показывала героя песни «Roberto», охваченного пламенем страсти и караемого огнем правосудия общественного мнения. На съемку отводилось всего двадцать минут, грим занял чуть меньше.

Когда ему смыли макияж, я вздрогнула: такого блеклого лица я не ожидала увидеть. Куда делись глаза? Ресницы? Где Димины губы?.. Уверенными движениями Габи нарисовала все заново, усилив тени на глазах, отчего Дима стал еще более угрюмым. Одежду миссис Поттер подобрала темно-синего цвета. Ну, из одежды, естественно, только брюки. Из той же кожи, но синие. Также их натерла. Отличием от костюма в первом эпизоде стало еще ожерелье-фенечка глубоко-синего цвета, которую она туго повязала на шее.

– Тебе не кажется странным, что все с тобой такие вежливые? – спросила я по-русски, пока пухлая Габи работала

с его волосами.

– Ну… я артист.

– Зазнался, что ли?!

– Да нет, я думаю, это связано с положением на площадке. Это дисциплина и субординация.

– Ну, возможно, и так.

Дима едва успел допить уже остывший чай, когда в гримерку снова ворвался Брэдли со сценарием в руках.

– Пора, – сказал он.

Дима вздохнул и посмотрел на себя в зеркало. Я знала, что он там увидит: удручающий вид человека, на котором лежит бремя серьезного выбора. Мы вышли из гримерки, прошли по коридору. Павильон с зеркалами уже разбирали. Нас встретил Элиот, который поменял свои трусы на огненно-красные, и повел нас к месту съемки. В руках была такого же цвета маска.

– Там будет жарко, – предупредил он и открыл дверь в коридорчик, откуда предполагался выход на площадку.

Да уж. Жар полыхнул нам в лицо, не успели мы войти. Прогревались трубы, выставлялся свет, что-то верещало и пищало. Сцена была еще меньше, завалена какими-то невменяемыми обломками чего-то, напоминающего останки самолета, во всяком случае, я разглядела дымящееся крыло самолета в треть реальной величины, обугленные кресла и перевернутую тележку с обгарышами пластиковых бутылок. Вокруг были натянуты светло-зеленые полотна, перед которы-

ми торчали трубы. Дима остановился перед сценой – оттуда пахло горелым и сильно пекло.

– Мистер МакКуин, мы постараемся все снять быстро. Там жарко.

…Съемки закончились во втором часу ночи. Оставшиеся эпизоды сняты без форс-мажоров. Элиот отработал на заднем плане еще один эпизод («Авария»), а потом его отпустили – остальное Дима снимал один. Я включилась в работу так неистово, словно снимали мое видео. Я была на подхвате, подкиде, поддержке и всяческого рода других «под», в конце концов, это я барахтала огромным веслом воду в эпизоде с бассейном крови («Суицид»). Окрашенная в алый цвет вода была прохладной, и Дима, как ребенок, с наслаждением брызгался, а потом на камеру дрожал под кровавым дождем. На его руки наклеили отвратительно реалистичные порезы, кровоточащие густой кровью. Под водой плавали парни из балета в телесного цвета трусах. Дима сидел в бассейне тоже в одних трусах. В этом клипе одежды будет мало. Пятый и шестой эпизоды снимали уже ночью – между одиннадцатью и двумя часами. Пятый («Лабиринт») снимали в пустом квадрате, стены которого возвели из светло-зеленой материи. Дима метался внутри, снимали сверху. Буквально минут двадцать. Пару общих планов с его отчаянием, несколько крупных со слезами. Режиссер объяснил, что этот эпизод будет наполнением и переходом по всему клипу. Шестой («Выбор») сняли на фоне окна, затянутого зеленым полотном. За

окном будет ночной и дождливый Нью-Йорк, куда «Roberto» отправится строить новую жизнь. Пятый и шестой эпизоды были просто картинками, в них не было пения, и Дима был этому рад – за первые четыре он так наорался, напелся, что уже не мог говорить. Я-то думала, он просто открывал рот, а оказалось – пел, чтобы вены вздувались. Это было для меня открытием. Когда все кончилось, мы (он прямо в костюме из последнего, шестого эпизода, а я мокрая от пота) повалились на пол и долго улыбались, а вокруг кто-то хлопал.

И где-то в промежутках этого счастья я наконец услышала: «Стоп! Снято! Всем спасибо!»

* * *

– Спит, как ребенок, – сказал Брэдли шепотом, улыбаясь.

Я сама была готова расплакаться от умиления. Дима спал, свернувшись калачиком на диване в нашей квартире. Мы только-только вошли, он сразу рухнул на диван и уснул. У Брэдли было вино. Я и вино – нехорошая компания, но да черт с этим. Я взяла два бокала, штопор, и мы ушли ко мне в комнату. Дима сказал, что отпразднует все как-нибудь потом, а сейчас он будет спать, и мы с Брэдли уважали его выбор.

– За победу, – сказал Брэдли, и бокалы звякнули.

– Это не совсем победа, – сказала я отпив вино. Вкус был потрясающим: с небольшой кислинкой, насыщенный и без

примеси спирта. Я-то в этом разбираюсь – когда живешь на кредитках, поневоле станешь разбираться в вине, ведь столько поводов напиться!

– Мы превзошли все ожидания Джейкоба, – сказал Брэдли. – Он невероятно доволен. Мы сделали все, что от нас требовалось для старта. Теперь начинают работать люди на продвижение, песня уже штурмует хит-парады. Впереди несколько месяцев выступлений, и самое главное – это пять концертов на дне рождения радиостанции. Это очень волнующе.

– Это верно, – сказала я, улыбнувшись, словно чуть-чуть придурочная. Да чего там чуть-чуть, мне в голову уже ударил вязкий хмелек, и я была готова к откровенному разговору. – Могу я задать вопрос? – спросила я, допивая третий бокал.

– Конечно, задавай.

– А ты по девочкам или по мальчикам?

У Брэдли на лице весело запрыгали искорки. Я хихикнула. Оставшийся здравый смысл говорил мне, Ника, хватит, но что-то меня ничего не останавливало.

– А тебе бы как хотелось?

– Все зависит от того, насколько я тебе нравлюсь, – ответила я, – если бы я тебе совсем не нравилась, то мне бы хотелось, чтобы ты был по мальчикам. Тогда это хотя бы объясняло причину твоей антипатии ко мне.

– А если нравишься? – спросил Брэдли и вдруг сделался серьезным.

Меня это рассмешило.

– Ты чего такой серьезный стал?

– Я задал тебе вопрос.

– Ты или вино в тебе?

– Между прочим, это ты четвертый бокал наполовину пригубила, а я пью только второй.

– Ты меня спаиваешь! Если бы мне в этот момент показали меня же саму со стороны, я бы сгорела от стыда! Женщины, дорогие мои, ну не выглядим мы сексуально, когда пьяны. Сексуальность под градусом должна быть обоюдной! Только так и никак иначе. – Брэдли был чуть тронут алкоголем, тогда как я просто распласталась и чувствовала себя бесформенной теплой кучкой. Которую хоть бери, хоть неси (если унесешь). В тот момент мне было плевать, что я вешу чуток за восемьдесят, что у меня проблемы с фигурой, что я не очень симпатичная. Мои бывшие мужчины в один голос оспаривали последний факт, умолчав про первые два. Мол, Ника, ты очень симпатичная. Но я не верю мужчинам, имеющим доступ к телу. Не верю! И если обычно я могла брать харизмой, то хмель ее убил напрочь, и брать мне было нечем. Брэдли был трезв, представляете, какая катастрофа?!

– Ты не дослушала меня в прошлый раз, – сказал Брэдли, – сделала кучу выводов. Теперь, когда ты расслаблена и обессилена вином, я хочу все-таки с тобой поговорить.

– О чем? – спросила я.

– О том, что между нами происходит.

– А что происходит между нами? Ничего. И ничего не может происходить. Мы просто работаем вместе.

– Ты же знаешь, что это не так, – ответил он мягко.

– О, нет-нет-нет, – сказала я, – на это не поведусь. И на эту удочку не попадусь.

– Да с чего ты взяла, что я шучу?

– Потому что я такая, – сказала я и отдала ему бокал. Едва моя голова коснулась подушки, я начала засыпать, но все же досказала свою мысль: – Я такая веселая, такая смешная. Со мной нельзя крутить любовь, со мной можно только шутить. Для другого я не создана. Если ты собираешься остаться у нас, то спи в комнате Димы. Она прямо и налево.

Дима

Насладиться триумфом никто не успел. Нас захлестнули репетиции, а моих менеджеров – Нику и Брэдли – деловые переговоры, встречи и прочие занятия. Мы даже не отпраздновали как следует выход сингла, его успех…

«Roberto» превзошел все наши ожидания.

Премьера состоялась на радио за несколько дней до начала съемок видео, а спустя две недели – и само видео. Я не очень понимал, как происходит размещение трека на радио, но Брэдли объяснил нам с Никой. Все зависит от того, с какой радиостанцией состоялся договор на премьеру. Радиостанции крайне редко идут на такие сделки, потому что они бесплатные и не стоят никому и ничего, исключая одно: в случае успеха радиостанция получает колоссальную прибыль, так как имеет гарантированное право на следующую премьеру и так далее. Естественно, такое событие анонсируется загодя, под это дело приглашаются рекламодатели… Ну, это не столь важно. Важнее другое: если радиостанция ставит трек, это автоматически дает правообладателю право разместить его в общей радийной базе. Все радиостанции выкладывают в эту базу свои суточные плейлисты, на основании которых другие радиостанции подбирают себе треки для эфира. А я-то думал, что мы будем ездить с диском по офисам и просить программных директоров слушать нашу

музыку. Но все проще – когда одна крупная международная радиостанция подала информацию о том, сколько раз за сутки проиграла премьера – пятьдесят шесть раз, – этим же утром десять крупных федеральных радиостанций поставили трек к себе в эфир, а через три дня у нас было уже пятьдесят тысяч эфиров. И это число росло с каждым днем. Если бы «Roberto» поставила небольшая региональная радиостанция, то до суточного показателя мы бы шли недели три, а может быть, не пришли бы и вовсе. Но нас поставили на «Energy».

Интернет активно продвигал продажи сингла в цифровых магазинах, которые позволяли скачивать песню прямо на телефон и слушать ее почти моментально. Насколько я понял, этот ресурс – главная торговая площадка сингла. Продажи впечатлили офис. Нас информировали постоянно: сингл продается отлично, в рейтинге мы номер один, но цифр не показали. Позже Брэдли выяснил, что интернет-магазины электронной музыки дают сведения один раз в месяц, тогда же отчисляют прибыль.

К дате премьеры клипа у нас было почти полтора миллиона эфиров. И мы по-прежнему были номером один в интернет-магазинах. На мой сайт заходили сто тысяч человек в день, а счетчик последователей в социальных сетях перевалил за полмиллиона. Люди писали мне письма, и первые несколько дней я отвечал, пока меня не затянула пучина репетиций перед шоу для «Energy».

Премьера клипа проходила сразу в пяти ночных клубах Лос-Анджелеса, все начиналось с девяти вечера и до семи часов утра. В каждом ночном клубе нас ждали к определенному часу, а когда мы приезжали, начиналась презентация. Ведущий говорил много приятных слов, играли ремиксы на «Roberto», а потом показывали клип. На этом все – живых выступлений в клубах запланировано не было. Тут же образовывалась сумбурная автограф-сессия и десять минут (строго) на фото с поклонниками. Я подписывал фотографии со своим изображением (на которое без слез не взглянешь – ну отродясь у меня раскосых глаз не было!), фотографировался с девушками и парнями, потом охрана отталкивала народ, и под аплодисменты мы ехали в другой клуб. И так – всю ночь.

Утром газеты пестрили фотографиями с премьеры.

Блогеры писали гадости: «*Джейсон МакКуин может только задницей вилять. Я ездил на все презентации (все пять), но нигде этот красавчик не раскрыл рта*». Я был разгневан такими отзывами, но Ника меня успокоила:

– Если бы мы выступали, то главная тема была бы про то, как ты выступил. Не нужно перетягивать внимание с видео на лайв, это все-таки разное. Будем делать все правильно, твой первый лайв – юбилей радио. Готовься и ни о чем не думай.

И она забрала у меня планшет, пообещав держать в курсе.

Больше всего я боялся, что кому-то это видео понравится.

Потому что мне оно не нравилось совершенно. Я не чувствовал себя причастным к ЭТОМУ. Я совершенно не понимал, кто все эти люди и чего они хотят от моих глаз. Как я должен реагировать на себя на экране? Я не нравился себе ни в этих образах, ни с этими движениями, ни даже с этой песней. Я был разочарован ужасно, у меня упало настроение. Я практически впал в депрессию.

Но Ника и Брэдли были в восторге, как и Васька. Ему нравилось все, что касалось меня, и я понимал, что объективной реакции от него мне не дождаться. Да и от Ники с Брэдли тоже. Поэтому я шерстил Интернет.

Боже, что я нарыл. Прочитав все, на что у меня хватило терпения, я налил себе неразбавленного джина и выпил залпом. Судя по всему, это все. Полный провал и фиаско. Я не нашел ни единого положительного отзыва. Критиковали все – начиная от песни, сюжета, моего внешнего вида (отдельно – по каждой части тела) и заканчивая хронометражем и операторской работой. Все было настолько отвратительно, насколько могло быть.

Ну и что тут праздновать?

Но наутро я получил огромный букет цветов от центра и три тома сшитых рецензий на видео – от профессиональных журналов и блогеров. Это был бальзам на душу! Я читал эти строки в перерывах между репетициями, перед сном, во время еды и в каждую свободную минуту.

С каждой строчкой в моем сердце теплело.

– Хейтеры всегда так делают: они закидывают дерьмом все, что делается. Ведь это так просто – обосрать. Не переживай, с видео мы не опозорились. Оно великолепно, – успокаивала меня Ника.

* * *

Сет-лист выступлений на праздновании дня рождения радио «Energy» состоял не из трех песен, как планировалось раньше, а из пяти номеров:

1. «Better Then Love»
2. «Roberto»
3. «Cruel Love»
4. «Poker Face» (Lady Gaga cover)
5. «Roberto» (remix)

Мы долго думали и решили, что двадцатиминутное выступление – идеальный вариант для нас. Больше мы просто не сможем (нет материала), а меньше – невыгодно. Концертный директор радиостанции утвердил сет-лист и пообещал, что публика к нашему выступлению будет разогрета. Заглавную песню – мой суперхит – даже на первоначальном этапе предлагалось исполнить дважды. Версию под пианино и радийную. Но, учитывая, что это open air, то есть выступление под открытым небом, от идеи пиано-версии мы отказались, и решили ускорить программу ремиксом. Все силы на ремикс бросили именитые диджеи продюсерского центра, мы про-

слушали все сорок пять вариантов и в конце концов выбрали один.

Этот ремикс не похож на обычную клубную песню, и с радиоверсией он не имеет ничего общего, разве только слова и основной сэмпл. Остальное – полностью новая музыка, электронная, зажигательная и невероятно подвижная. Мисс Тони разработала отдельный танец, и когда мы его увидели в полном исполнении, было решено сделать эту песню финальной и поработать с залом. Диджей сделал «круг» перед финальным припевом, где повторяется один и тот же сэмпл и мой электронный голос. Согласно идее, в этот момент я должен заставить толпу танцевать невероятно забавное движение и повторять кусок припева поверх электронного голоса и зацикленного сэмпла. Эти куски – танца и припева – до глупости просты и легко запоминаются, что позволяет предполагать, что зал с задачей справится. Все танцоры и я будем беспрестанно повторять «круг» до тех пор, пока половина зала не присоединится. А потом выйдем на финальную дорожку и завершим шоу. Фейерверком.

Остальные песни – «Better Then Love» и «Cruel Love» – у нас существуют только в виде демозаписи, но если «Cruel Love» в принципе готовый блокбастер, то «Better Then Love» совершенно сырой вариант, не отработанный и не имеющий своей специфики. Мы даже голос толком не писали для нее, работали под демозапись. Парни Сэма обещали к генеральным репетициям подготовить финальный трек, но пока мы

еще не видели ничего.

Кавер на Леди Гагу – выбор радиостанции. Мы предложили им на выбор несколько песен (среди которых была Мадонна и ее нетленная «Sorry», а также Тимберлейк, Бейонсе и Бритни Спирс), но они выбрали Гагу. И мы сделали шикарный кавер, изменив электронику музыки на более подвижную, оставив в оригинале динамику припева, чтобы не расстраивать поклонников. Коннор обещал уладить все дела с продюсерами Гаги и правами на песню.

Всего концертов было пять:

20 мая – Токио,

25 мая – Сидней,

27 мая – Лондон,

28 мая – Париж,

29 мая – Москва.

Все площадки, за исключением Москвы, это стадионы. В Москве будем выступать на площадке ВДНХ. План сцены и порядок выступления везде одинаковы: сцена в форме огромного треугольника, выступаем везде в финале, около одиннадцати часов вечера.

Перед нашим выходом сцену немного преобразуют: первая песня «Better Then Love» имеет весьма специфические декорации (зеркальные лабиринты), и появляюсь я в огромном стеклянном кубе из-под потолка. Чтобы не запутаться в лабиринте, мы должны ориентироваться только по рисункам на полу. Отражения соврут и недорого возьмут, а в резуль-

тате могут пострадать носы и аппаратура.

Фон за зеркалами – огнеупорный, а несколько зеркал – это огромные экраны, на которых будут демонстрироваться кадры упавшего самолета при исполнении песни «Roberto». Она будет исполняться в своем радийном формате практически в полном соответствии с оригиналом, исключая видоизмененные танцы; далее идет «Cruel Love» – обычное исполнение с зажигательным танцем, без спецэффектов и выкрутасов. Зато на «Poker Face» мы оторвемся – на сцену выбегут три дюжины переодетых в Леди Гагу (костюм из фольги, белый парик и дискостик[1]) танцовщиц, и вместе мы порвем вселенную. А когда закончим с этой песней, я демонстративно уйду, и пусть меня зовут. Финал, по заявлению режиссера постановки, должен быть не просто мощным, а взрывным. Лабиринты уберут, останутся только экраны, на которых появится мое лицо, и начнется речетатив под быструю музыку. Толпа начнет разжигаться, и в самый пиковый момент мы выпрыгнем из-под сцены под хлопушки-дым-огонь и прикончим это шоу.

Памелла разработала идеальную линейку костюмов. Первые четыре номера я исполняю в ярко-красных джинсах и такой же майке, плетенной из кожаных лоскутов, на ногах – берцы в тон всему костюму. На «Poker Face» полагается май-

[1] Дискостик (Disco Stick, *англ.*) – концертный атрибут Леди Гаги, созданный ею вместе с ее креативным директором «Dada» (Matthew Williams). Он сделан из дробленого акрила, лампочки и палки с батарейками. Толстые длинные трубки служат для защиты.

ку снять. А финальный трек мы работаем в хрустально-белых костюмах спортивного вида – удобные брюки, белая футболка, куртка и такие же белоснежные кеды.

В костюмах мы еще не репетировали (как сказала Памелла, их нужно беречь), но на последней репетиции будем в них, а также на двух генеральных в Лос-Анджелесе и на одной в Токио.

На репетицию в Нью-Йорке мы не попадаем, а ведь там репетируют практически все. Режиссер постановки руководит процессом по скайпу, и скорее всего живьем мы увидим его только в Токио…

* * *

…Шум толпы был невероятным. Меня трясло и, кажется, пробрало на понос. Парни весело шептались рядом, а я смотрел в щелку кулис, пытаясь сосчитать количество рядов на стадионе «QVC Marine Field» в Токио. На меня уже повесили всю аппаратуру, и выступление должно было начаться не позже чем через десять минут. Вот он, режиссер постановки, Уильям Шолберт, высокий седовласый мужичок с лицом наивного ребенка. Он протянул мне руку, я поздоровался, и он потянул меня за собой. Мы поднялись по лесам, одна лестница, вторая, третья, восьмая.

– Все, сынок? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Все хорошо.

– Ты уже там был, репетиция прошла просто отлично. Не испугайся фейерверков и слушай меня внимательно в своем ухе. Весь мир смотрит на тебя. И у тебя все получится, верь мне.

Я очень хотел верить его словам. Каждый из пяти концертов будет транслироваться на сайте радиостанции в прямом эфире, а потом выйдет в записи – нарезанный из кусков из разных городов. Хорошо, что об этом нам сказали в самолете Лос-Анджелес – Токио. Если бы мы знали о съемках и прямой трансляции раньше, то с ума бы сошли.

Работники сцены помогли мне забраться в куб и закрепить пояс безопасности. Я ни на ком не мог сосредоточить свой взгляд, меня трясло. Это мое первое выступление в жизни.

Глухой стук – крышка над головой закрылась. Открыть ее можно только снаружи. Слава богу, клаустрофобия – не мое.

– Минута до начала, – услышал я голос Уильяма у себя в ухе, отчетливо, успокаивающе. – Джейсон, ты в порядке?

– Все ок, не переживайте, – бодро ответил я.

А в голове крутилась только одна мысль: как незаметно блевануть? Если бы мы репетировали этот спуск несколько раз, то, может быть, я бы не чувствовал себя так. Но на репетициях я просто выходил, а на генеральной меня спустили один раз, но в зале было светло, и в глаза мне не били софиты. Все не так было. Сейчас я не контролирую ничего – ни момент, когда все начнется, ни момент, когда меня впервые

увидят зрители, которых на стадионе было около двухсот тысяч. А тех, кто смотрит прямую трансляцию, – миллионы.

Я услышал раскаты грома, предвещающие начало шоу и громкие возгласы радийщиков, объявляющих мой выход на японском языке. Я разобрал только имя. Ведущие орали не своими голосами, толпа взрывалась криками и аплодисментами. Я почувствовал, что теряю сознание. Под куполом вдруг стало жутко душно, я захотел приоткрыть крышечку… Но руки тряслись, как у алкоголика наутро. Жутко тошнило. Кабина пришла в движение, медленно поехав вниз, я услышал отдаленный сэмпл «Better Then Love». Господи, а как начинается эта песня?!

Мои ноги залило темно-синим светом, который поднимался все выше и выше.

Я услышал голос Уильяма:

– Песня начинается со слов «I wonder this could be love».

Точно.

Я заулыбался – все будет в порядке. Или нет? А дальше что петь? Что петь дальше, боже мой?! Меня охватила паника, я снова попытался приподнять крышку, растопырив ноги. Зрители кричали так громко, что я практически не слышал музыку. И с каждой секундой их крики становились все громче… Господи, да я же оглохну!

Свет скользнул по шее, и тут я понял, что меня уже увидел весь зал.

* * *

– Я даже не поняла, что произошло! – заорала Ника.

– Я сам в шоке! – кричал я в ответ.

Это действительно так было. В минуту, когда я осознал, что меня уже видят около двухсот тысяч человек (по утверждению Ники, она насчитала все двести двадцать тысяч), я чуть было не потерял сознание.

На видео было видно, как я медленно начал вращать тазом, прямо в камеру, от чего толпа завизжала еще больше. Музыка набрала обороты, и я приземлился на пол, Паша открыл купол, и я вылез оттуда с первым куплетом песни. Дерзко, ярко и совершенно без страха – вот как я скажу вам. Если не верите, посмотрите видео.

Японцы визжали, и я видел их – они были счастливы и подпевали, как могли. Я подходил к краю сцены в свои тридцать процентов ситуативной активности и махал им всем, посылал воздушные поцелуи и стряхивал на них свой пот. Мне по-прежнему это даже противно смотреть, но на видео видно, что чувства в тот момент были явно другие.

После первой песни я сказал, что жутко боюсь и невероятно волнуюсь, а потом заорал: «*К черту страхи, включайте музыку!!!*» – и снова понеслось. Впечатление от моего первого в жизни выступления точно такие же, как от секса. Ты все чувствуешь, многое можешь контролировать, но как

будто смотришь запись, как будто не ты под софитами, как будто не вокруг тебя горит огонь и взрываются петарды.

Ника утверждала, что она оглохла. Она стояла очень близко: между зрителями и самой сценой, в окружении охраны. Они с Брэдли не сводили глаз с меня, боясь, что я рухну без чувств, но я их впечатлил. Да я сам себя впечатлил, черт возьми. Каждый мой поворот сопровождался ободряющей улыбкой Паши, который, видимо, знал, как я боюсь.

На «Roberto» зал пел даже без моей просьбы. От счастья я расплакался и низко поклонился зрителям. Они орали как оглашенные. А когда вылетели Леди Гаги и мы начали «Poker Face», неистовство просто перешло все границы. Я почти не слышал музыку, но слышал каждое слово Уильяма.

«Дальше от края».

«Подними глаза в камеру 43, левее, левее, стоп! Секунду улыбнись в нее, отлично!»

«Сейчас замри, крупный план».

«Подпрыгни еще раз, не успели снять во весь рост».

«Пошли поцелуй прямо в камеру 19, правее, правее, отлично. Молодец!»

Когда мы ушли со сцены после кавера, японцы не умолкали ни на минуту. За сценой я орал как ненормальный, разделся до трусов и визжал матом! А Габи быстро надевала на меня белый костюм и поправляла лицо. Меня хлопали по спине танцоры, обнимала Ника. Брэдли, кажется, рыдал на плече, а у меня в крови бурлил адреналин.

В конце концов я появился на экранах, и японцы снова завизжали. Начался речитатив, мы заняли свои позиции, и спустя ровно тридцать секунд платформа подо мной пришла в движение, я резко взмыл в воздух и благополучно приземлился на сцену. На экране это выглядело невероятно, а я помню, как испугался, когда не увидел перед собой ничего – меня ослепил свет софитов, от которых я отвык за время переодевания. Но мои закрытые глаза толпа восприняла как знак: все послушно зажмурились…

«Круги» пошли на ура, и мы ровно десять минут танцевали целым стадионом, а когда вышли на финальную черту, я готов был умереть от счастья.

В этот момент, уверен, я жил за троих, и эмоции у меня были – за маму, папу и Лизу…

Завершающую песню я отработал почти на последних силах, и фейерверк с высоко поднятой рукой встречал как на костылях. Я не чувствовал ни ног, ни тела. Все одеревенело. Я понял, что просто упаду, а фейерверк все бил, японцы визжали… И тут Паша, Роберт и Лион подхватили меня и, как именинника подкидывая, понесли за сцену. Я орал в микрофон слова благодарности и прощался, чтобы обязательно вернуться…

* * *

Гастроли – это какой-то кошмар. Времени нет совершен-

но ни на что. Все сжирают дорога и обустройство быта. Теперь мне понятно, что такое «бытовой райдер» и почему стоит так подробно его расписывать.

Если раньше я читал жуткие статьи в Интернете по поводу несусветных замашек артистов, то каждый раз думал, что у звезд с головой не все в порядке. Оказывается, другого выхода просто нет!

Артист полностью зависит от тех людей, которые организовывают концертное выступление. Причем абсолютно во всем: проживание, еда, вода, бытовые условия, передвижение, обустройство концертной площадки. Все это делают промоутеры, пригласившие артиста. Если артист будет заниматься этими вопросами самостоятельно, не получится ничего. Просто не успеют, не смогут и все провалится. Вроде бы все понятно, но к чему золотые унитазы и свежесрезанные розы?.. Пиар? Ведь условия бытовых райдеров облетают новостные ленты в считаные секунды. Может быть, но не все там правда, и дело совсем в другом.

Все, как известно, познается в сравнении. Человеческий фактор есть везде, даже в космосе, где люди вообще не живут. Собственно, это и есть ответ на вопрос: к чему излишества? С одной стороны, это, конечно, имидж. Когда артист в туре (а это минимум полгода), с него никто не снимал голливудского блеска, роскоши и прочих атрибутов шикарной жизни. Все это нужно демонстрировать: артиста встречают у аэропорта (а он вдруг сел в раздолбанную «девятку»), прово-

жают до гостиницы (а он подъехал к пятиэтажке, где ему сняли посуточно хату), фотографируют в окнах ресторана его обед (а он по-быстрому отстоял в очереди в «Макдоналдсе» и умял три гамбургера), поклонники прорываются в гримерку (а там обедают гастарбайтеры, пол устлан газетами), после концерта артист быстренько покидает площадку (без охраны не успевает добежать до такси, и каждый зритель высказывает ему свое мнение по поводу концерта и берет на память кусочек тела). Но на самом деле это не главное.

Главное состоит в том, что лишь шестьдесят процентов от райдера выполняется, остальное «забывается» либо «выполнить невозможно». И, заявив человеческие условия, вы получите «девятку», съемную хату и обед в «Макдоналдсе». Вот и получается, что чем больше заявишь, тем больше шансов получить хотя бы половину из списка. Среди артистов ходят страшные легенды, когда Мадонну на самом пике карьеры поселили вместе с танцорами, и в результате никто не успел ни помыться, ни выспаться. И на концерте все отчаянно зевали, воняли, а сама Мадонна была настолько не в духе, что оторвалась на всех работниках за кулисами и накричала на поклонников, толпившихся у сцены. Или, устраивая тур одной диве по России, в гостиницах не было горячей воды и отопления, в результате все чихали и гундосили, а потом зрители возмущались, что артистка выглядела пропитой.

За время гастролей артист подвергается космическим нагрузкам, здоровье истончается, и он рискует подхватить да-

же самую элементарную инфекцию, поэтому страховые компании активно включились в процедуру согласования бытовых райдеров, ведь от этого зависит не только здоровье артиста, но и наступление страхового случая. Перед отправкой в тур каждый артист обязательно проходит медицинский осмотр и подвергается всевозможным процедурам, профилактикам и получает кипу предписаний: как и чем питаться, как и сколько отдыхать, и так далее. Все это учитывается в бытовом райдере.

На самом деле артисту в туре нужно очень мало: поесть и поспать. Шикарные свинг-вечеринки и круглосуточные дискотеки – абсолютный миф. Все совсем по-другому. Все не так.

Из Токио в Сидней мы летели десять часов. Всего на дорогу ушло шестнадцать часов, шесть из которых – предполетная подготовка и постполетный перформанс (сборы, выселение из гостиницы, дорога в аэропорт, паспортно-визовый контроль, посадка, высадка, паспортно-визовый контроль, дорога из аэропорта, заселение в гостиницу).

На следующий день после концерта в Токио до двенадцати часов мы спали как убитые. Потом долго приходили в себя, в три часа подъехала машина в аэропорт, и в семь вечера мы вылетели. Прибыли в Сидней мы в шесть утра по времени Австралии и только в половине десятого утра зашли в номер. Душ, еда и несколько часов отдыха перед первым саунд-чеком на «Allphones Arena», стадионе, построенном

специально к летним Олимпийским играм 2000 года. Репетиция закончилась только во втором часу ночи, и мы без ног отрубились в номере. На следующий день предстояло привести в порядок костюмы, сделать последние приготовления к шоу и хорошенько отдохнуть. Естественно, никто отдыхом не занимался: выяснилось, что в Австралии танцевальный коллектив под «Poker Face» разучил совершенно не тот танец, который нужно, и танцоры спешно уехали в репетиционный зал готовить ребят к выступлению.

И все это время постоянная суета, нервозность и повышенный тон разговоров. Я смог расслабиться и перевести дух только тогда, когда за пять минут до выхода на сцену оказался в своем куполе. А еще через семь минут началось шоу, и я снова был без сознания на протяжении всего времени. Роберту и Паше удалось натаскать австралийских мальчиков (хотя мы просили девочек!) для вполне вменяемого танца, но Ника сказала, что режиссер света издевался над нами как мог. Я постоянно был в тени, «пушка» не успевала за мной, и экраны трансляции практически всегда были пустыми.

Но зал был в восторге. Такого неистовства, как в Токио, не было, но Брэдли, собравший информацию у коллег, сказал, что подобного больше не будет нигде и никогда. Японцы – самые откровенные и самые ответственные.

Но адреналина в Сиднее мне хватило с лихвой – зрители лезли на сцену, и я богом клянусь, что слышал хруст кости в руке у одного парня, которого охрана стащила со сцены,

когда он в полуприсядке был готов прыгнуть на меня, стоящего на коленях прямо перед ним. После концерта нас повезли в гостиницу и сказали, что у нас три с половиной часа на приведение себя в порядок. После нам предстоял долгий перелет.

В аэропорту Сиднея мы оказались в шестом часу утра, а в семь вылетели и прибыли в аэропорт Хитроу в восемь вечера в тот же день, в гостиницу – в одиннадцатом часу. Время перелета – двадцать два часа, девять из которых возвращается временем, так как в Лондоне на девять часов меньше, чем в Сиднее. Сказать, что мы измаялись в самолете, – не сказать ничего. Половину пути я читал тексты и сообщения от Васи, составлял письма и делал пометки об их отправлении по возвращении на землю, а потом мы обсуждали концепцию альбома, смотрели фотографии и наброски дизайна грядущего сингла, сценарии для клипа и другие производственные вещи. Самолет был большим, и летели в нем все артисты, которых радиостанция пригласила выступать на своем юбилее. Все спали, исключая нескольких звезд, которые, как и мы, занимались рабочими вопросами. Курить хотелось нестерпимо и в душ. Никто ни с кем не общался. Даже приветами не обменивались ни в самолете, ни в гостинице, ни на сцене. Зато охотно фотографировались у рекламных стен и обнимались как родные. Это все было странно для меня, необычно и настораживало. Неужели так будет всегда?

Перед тем как отрубиться в гостинице в Лондоне, Ника

сказала:

– Я хотела посмотреть Биг-Бен, но черт с ним. Может быть, когда-нибудь…

Наша репетиция начиналась в восемь утра, и к десяти мы были свободны. Мы наспех перекусили под строгим взором Роберта, назначенного мисс Тони главным (чтобы артист ел не больше пяти тысяч килокалорий в день, а танцоры – не больше трех тысяч!), а потом спали до семи вечера. В полвосьмого мы всем составом погрузились в автобус и приехали на площадку – «O2» арена, одна из самых больших в Лондоне. Нике удалось из окошка автобуса все же увидеть Биг-Бен, а также несколько двухэтажных автобусов – визитных карточек Лондона. Больше интересного в окнах не было ничего. Меня опять донимала стресс-диарея, и я мучительно ждал возможности закрыться в кабинке туалета.

Выступление в Лондоне оказалось самым слабым из трех случившихся. Сознание не выключилось, и я несколько раз запнулся в текстах, а под финал Роберт еле поймал меня, буквально в последнюю секунду я чуть не навернулся со сцены, с самой «вершины» сцены-треугольника. Покидали Лондон мы упавшие духом, хотя и Ника, и Брэдли уверенно твердили, что шоу вышло просто превосходным. А Паша честно и откровенно сказал, что бывало лучше и будет в Париже, там публика более приветливая и завалит нас аплодисментами еще до того, как мы успеем выйти на сцену.

В Париж улетели ночью, летели всего час, но в гостинице

были только в семь утра. До часу дня отсыпались, пытаясь восстановить не столько силы, сколько моральный дух. Мы тихонько дожидались своей очереди выхода на сцену. Репетиций больше не было. Оставалось всего два концерта. Сегодня в Париже и завтра в России.

В кубе я совсем поник. Почему-то в четвертый раз мне было одиноко, страшно и жалко себя. Я с трудом сдерживал слезы, чувства были самыми скверными, и я совсем раскис, а когда купол пополз вниз, я почувствовал облегчение: наконец-то все закончится.

Стадион «Зенит», один из самых известных во Франции, похожий на гигантский воздушный фонарик из-за тканевой облицовки и эффекта «надутости».

Паша, танцор из нашей группы, был прав.

Не успели зрители меня увидеть, как я почти оглох от дичайшего крика. Уже потом мне сказала Ника, что четверть трафика на фейсбуке – французы, и больше половины подписчиков они же. А радио «Energy» в Париже крутило «Roberto» не меньше двадцати пяти раз в день. В общем, здесь нас ждали, и ох, как хорошо ждали!

После успешного выступления мы отправились в гостиницу, где немного выпили, чтобы расслабиться, и отправились все спать. Завтра в десять утра мы должны были вылететь в Москву.

В гостиницу в Москве мы прибыли в шесть вечера. Но отдохнуть не получилось. Мы спешно собрались и поехали

в «Олимпийский».

За два дня до шоу нам сообщили, что в Москве из-за погодных условий концерт перенесли в «Олимпийский». Не знаю почему, но я был этому даже рад.

Глава 8

Игорь

Россия, Москва

– Осталось последнее выступление, Игорь, поверьте мне, все будет хорошо. Никто не догадался, – пыталась успокоить меня агент Томпкинс. – Нет смысла сейчас все кардинально менять.

– Это невозможно отыграть назад, – ответил Игорь, – вы поймите. Вы, наверное, не услышали меня? Давайте повторю еще раз: Наркобарон знает, что Джейсон МакКуин – это Саша Лавров. Вы так не можете поверить в провал вашего гениального плана, что отказываетесь смотреть в лицо фактам? Тогда примите этот факт так: это мы виноваты в том, что его рассекретили. Мы! Не ваш план рухнул, это мы его порушили. Наша система гнилая, не ваша! Нам нужен план «Б»! Запасной вариант!

Он был готов говорить что угодно, лишь бы Саше Лаврову дали шанс жить. Если ничего не предпринять, его ведь убьют! Да, это на нашей стороне произошла катастрофа. Это у нас была утечка – медсестра Алла Бережная была подкуплена людьми Наркобарона и вынесла личное дело из кабинета психиатра. Они рассчитывали, что там будет информа-

ция о новой личности Саши. Но там были всего лишь диски с записями. Музыкальными записями. Это – больше, чем информация о личности. Потому что мелодия, записанная на диск, сейчас играла по всему миру – она стала песней «Roberto».

Бюрократическая машина заработала в полную мощь. Информацию следовало не просто передать, а довести до сведения нужных лиц. А делается это очень непросто – позвонить или написать что-то в отношении лица, помещенного под программу защиты свидетелей, нельзя. Необходимо передать информацию по защищенным каналам связи. На это ушло несколько дней, которые Игорь провел почти в агонии – каждый день он смотрел сводку новостей и читал в Интернете отчеты о выступлениях МакКуина в разных странах на юбилее радиостанции. И каждый раз боялся, что увидит новость о гибели артиста.

Когда ему сообщили, что информация принята и доведена до сведения всех заинтересованных лиц, Игорь сначала было почувствовал облегчение, но потом понял, что этого недостаточно. Он остро чувствовал необходимость спасти этого парня. Ему это было нужно сильнее, чем всем остальным. Ведь у него, у Саши Лаврова, нет никого. Нет ни единого человека на земле, который бы смог заступиться за него. Даже родной отец поставил свое дело и призвание выше жизни сына. И если Игорь не защитит Сашу Лаврова – кто это сделает?

И он, в нарушение процедуры, на свой страх и риск, позвонил агенту Томпкинс, курирующей проект Саши Лаврова. И услышал то, что услышал.

– Клэр, – сказал он твердо, – у вас, как и у нас, должно быть несколько планов. Скажите, у вас есть план «Б», который спасет жизнь Саше Лаврову?

– Послушайте, Игорь, – в ее голосе послышалось раздражение, – это не ваша юрисдикция, не вмешивайтесь. Вы не сторона сделки. Все условия согласованы и все риски были озвучены и приняты.

– Но не им.

– Что?

– Саша Лавров не принимал этих рисков! Он не знает, что готовы пустить его в расход в случае рассекречивания!

– Вы не правы. А даже если бы и были правы, то должны знать, что есть вещи, о которых лучше никому не говорить, – ответила Клэр. – Во многом успех операции зависит от того, насколько хорошо люди держат рот на замке. Очевидно, у вас, в России, люди совсем не умеют держать язык за зубами.

– Очевидно, у вас, в Америке, никто не совершает ошибок и совершенно нет коррупции, – рявкнул Игорь, – и, очевидно, у вас, в Америке, людей не считают за людей и в любой момент могут пустить в расход.

– Игорь, что вы такое говорите? Конечно, у нас есть запасной план. Только сейчас я не вижу оснований включать его. Да, этот план подразумевает спасение Саши Лаврова. Но

это крайний вариант, после которого Саше придется исчезнуть уже навсегда. Мы не сможем снова внедрить его… И я уже не говорю о том, что в таком случае Наркобарона мы не возьмем.

– Что значит, не возьмете… Подождите, – сказал он, оглохнув. Натурально – уши просто перестали слышать что-либо, кроме буханья сердца. От удивления Игорь аж рот раскрыл. Ему с трудом удалось вернуть себе дар речи: – Я понял. Я все понял. Это не Наркобарон подкупил медсестру… Это сделали вы.

– Что вы несете, Игорь?

– Славная комбинация, да? Вы подставляете бедную медсестру, заставляете ее думать, что с ней связался Наркобарон. Чем вы угрожали ей? Расправой? Нет, я думаю, вы угрожали ей какими-то грехами, которые нарыли про нее. Угрожали отобрать у нее работу и дали денег, чтобы она вынесла эти чертовы диски. Работа – это все, что есть у бедной женщины. Наверняка после того как все было исполнено, вы сказали ей, что все равно сообщите все в органы и ее начальству – это в вашем стиле. А потом сами передали диски цыганам. Те бы, конечно, не догадались подкупить медсестру в ведомственной клинике, они бы никогда туда даже не сунулись… Ну как же я сразу не понял? А почему вы просто не отправили диск с записью песни МакКуина цыганам? К чему такие сложности: подкупать медсестру, отправлять мелодию, в которой они должны угадать мировой хит? Ну, конечно,

это же еще очевиднее – вы любите создавать иллюзии. Любите, чтобы люди думали так, как вы для них спланировали. Вы хотели, чтобы они сами догадались, чтобы сами попались на крючок. Мол, мы даем лекарство, а побочные эффекты не наше дело, да? И Саше Лаврову вы дали такую «пилюлю» – мы спрячем тебя, обеспечим безопасность. Но не сказали, что спрячете его в костюме мишени!

– Игорь, это очень серьезные обвинения. Рекомендую вам выбирать выражения.

– Послушай меня, агент Томпкинс, – заорал Игорь, – это я тебе крайне рекомендую сейчас немедленно связаться со своим штабом, чтобы они забрали Сашу Лаврова и увезли. Ему нельзя выходить на сцену. Его убьют прямо там!

– Это невозможно, – отрезала агент, – шоу скоро начнется. И оно состоится. А после мы обсудим варианты и решим, что будем делать.

– То есть так, да? Этот день – на живца – сегодня? Вы сегодня будете брать подельников Наркобарона? Вы что, всерьез думаете, что Наркобарон сам явится на шоу посмотреть на Сашу Лаврова? Да он не придет! Будут какие-то его торпеды, нанятые для убийства!

– Мы не ловим никого на живца, – ответила агент, – у нас есть оперативная информация, что сегодня в «Олимпийском» действительно будет Наркобарон.

– Придет своими глазами посмотреть на триумф?

– Что-то вроде того.

– Вы сумасшедшие. Вы позволите убить Лаврова прямо на глазах у этой скотины?!

– Игорь, Наркобарона схватят, как только он покажется. Все под контролем.

– Вы просто… Вы… – У него не было слов, чтобы высказать, что он думает о всей этой ситуации.

– Игорь, не вмешивайтесь. Вы не поможете, вы только помешаете. Ваше лицо засвечено, вас все фигуранты знают. Вы спугнете всех!

– Заберите его оттуда. Уведите его.

– Нет, этот вопрос закрыт.

– Тогда его заберу я, – решительно заявил Игорь и бросил трубку.

«Я никогда таким не был, – недоумевал Игорь, – я не люблю людей в принципе, их любить не за что. Вокруг – одно предательство, ложь, преступления. Люди друг друга убивают, грабят, насилуют… Это делают и с родными, с близкими, с друзьями и любовниками, с незнакомыми людьми! Так что же я вдруг так переживаю за этого Сашу Лаврова? И еще Ирина… Мне всегда плевать было на нее и ее проблемы, а я уже третью ночь с ней сплю в одной кровати, глажу по волосам и успокаиваю: ведь ей не к кому прийти со своим горем. Не к тому же парню, которого она привела, просто чтобы вызвать мою ревность. Вот я и скорблю вместе с ней. Сегодня, когда ей стало легче, я ушел, на всякий случай конкретизировав, что мы – расстались. Но остались друзьями. Наверное,

я даже смогу дружить с ней. Что со мной происходит? Что?»

Игорь Сергеевич Романов никогда не был силен в самоанализе. Но даже он без труда нашел ответ на свои вопросы. Всему виной Марина. Та женщина, рисковавшая своей жизнью ради бомжа. Человека, который был отторгнут обществом, который в социуме признан абсолютным нулем. Ей было не плевать на него, Марина была готова довериться профессионалам-саперам, и пусть они ошибутся. Даже если цена этой ошибки – ее собственная жизнь. Марина верит в людей, в то, что есть такие же, как и она сама, – самоотверженные, готовые костьми лечь ради исполнения своего долга.

Ее поступок перевернул мир Игоря с ног на голову. Он сам не понял, как она посадила ему в голову простую мысль: на этой планете есть люди, которые верят в свой долг, которые делают свою работу с риском для своей жизни. Есть люди, которые не оставят тебя в беде, будь ты хоть никому не нужным бомжом. Это зерно проросло и сейчас дало плоды. Теперь Игорь знал, что есть люди, которых можно любить, потому что есть за что.

Игорь завел двигатель и поехал в спорткомплекс «Олимпийский», где должен был выступить Джейсон МакКуин. В Москве не было ни единого района (за исключением, наверное, замкадья), где не было бы транспаранта или баннера с лицом МакКуина и сообщения, что сегодня в спорткомплексе «Олимпийский» состоится концерт в честь юбилея радио-

станции «Energy», на которой выступит восходящая звезда мировой поп-сцены.

Когда Игорь приехал в «Олимпийский», то практически сразу увидел своих – некоторые ребята из штата ФСС в штатском возле входа. Это был обычный штаб контроля – Игорь показал удостоверение, и его проводили в диспетчерскую, организованную в «Олимпийском».

– Кто главный? – спросил он у ребят возле пульта управления.

– Я, – ответил человек в форме, – подполковник Самойлов Николай Степанович.

– Здравия желаю, – ответил Игорь, – майор Романов Игорь Сергеевич. Я из главного управления, пришел на помощь.

В штабе все было тихо. Работали камеры слежения, диспетчеры контролировали месторасположение всех объектов наружного наблюдения. Под контролем находились концертный зал и все двенадцать тысяч человек; сцена, закулисье и все двести сорок три человека в нем живущие; крыша и все балконы спорткомплекса были оцеплены и взяты под видеонаблюдение.

Шоу уже началось – Игорь видел, как на сцену под бурные овации опускается куб, в котором, очевидно, находился Саша Лавров. Закулисье просматривалось идеально. Вот только… Что это? Игорь наклонился поближе, практически прислонился лицом к экрану. То, что он увидел, означало, что он опоздал. Игорь, опустившись на стул, взялся за серд-

це. Наверное, впервые в жизни его волновала жизнь совершенно чужого человека.

В диспетчерскую ворвалась агент Томпкинс. Она удивленно посмотрела на Игоря и тут же – в камеры.

– Камеры врут, – сказал Игорь, – этого человека за кулисами не может быть, он на сцене.

Игорь показал пальцем на человека, который, нагнувшись над тазом, содрогался всем телом. Это был Джейсон МакКуин, им показывали запись.

– Перезагрузите камеры! – закричала агент, – срочно всех оперативников за сцену!

Установленные камеры на балконах и крыше – требование федерального законодательства, и никто их, разумеется, не обновлял. Подключили и смотрели так, как будто им можно верить. Оказалось, что нет. На протяжении всего концерта они смотрели запись, сделанную ранее на аналогичных концертах, и не распознали подвоха потому, что отблески света были. Когда к выступлению начал готовиться МакКуин, наверное, пустили реальное видео, записывая его параллельно. А потом включили повтор – никто этого не распознал. Сейчас все камеры показывали только повторы.

Каким образом произошла замена объектов демонстрации, выяснит следствие, но результат один: контроль потерян. И теперь убийца, нанятый Наркобароном, может находиться где угодно.

Времени на проверку всех объектов не было совершенно,

а шоу уже началось, и Джейсон МакКуин был на сцене – исполнял свою первую песню.

– Клэр, вы сильно рискуете, – сказал Игорь, – сейчас же отзовите Сашу. Наркобарон, если он в зале, пришел на шоу. МакКуина убьют прямо на сцене, для зрелищности.

– Все под контролем. Уходите отсюда, – велела агент.

– Вы не можете мне приказывать, – рявкнул Игорь.

– Подполковник Самойлов, прикажите майору Романову покинуть территорию.

– Подполковник, – сказал Игорь, обращаясь к Самойлову, – сейчас на сцене убьют человека. Агенту это нужно, чтобы задержать Наркобарона и обвинить его в убийстве американского гражданина. У них есть доказательства, что это сделают люди по приказу Наркобарона, и им этого достаточно, чтобы начать уголовный процесс против него. Только это им и нужно, а дальше они заключат сделку и отпустят преступника, если он сдаст верхушку. Но почему это должно быть ценой жизни Саши Лаврова?!

Подполковник повернулся к агенту Томпкинс и сказал:

– Это правда?

В это время Джейсон ушел за кулисы готовиться к следующему номеру. Перезагруженные камеры отрубались одна за другой, но та камера, что была под сценой, показывала, как переодетый Саша Лавров встал на подмостки, которые должны вытолкнуть его на сцену. Игорь схватил рацию, лежащую на столе.

– Задержать артиста, не дайте ему выйти на сцену.

Камера показала, как оперативники, дежурившие под видом работников сцены, бросили все свои дела и устремились к ступеням.

– Отмена приказа, – сухо скомандовала агент Томпкинс в свою рацию, – действуем по плану номер два.

Она отключила рацию и повернулась к подполковнику:

– У вас есть судебный приказ, вы знаете что делать. Вам отдали приказ содействовать нам, а не мешать. Возьмите майора Романова под стражу.

Игорь увидел, как на сцену вылетел Джейсон МакКуин, зал взвыл.

Игорь выскочил из диспетчерской и побежал в обход. Его попытались задержать оперативники, посланные подполковником Самойловым. Игорь бежал со всех ног – на свет, звук. Он успеет, он должен успеть.

Саша должен жить.

Эпилог

На улице было тепло. Игорь стоял возле служебного входа, вокруг было много полиции, ограждение, за которым – толпа возбужденных людей, телевидение. В машине «Скорой помощи» сидела полная девушка, закутанная в плед, и плакала навзрыд так, что разрывалось сердце. Игорь знал, что это Ника Домбровская, директор и подруга Саши Лаврова. Девушку успокаивал симпатичный мужчина, тоже со слезами на глазах. А рядом сидел щуплый инвалид в коляске, спрятав лицо в ладонях и сотрясаясь всем телом, – Вася Ковалев.

Неподалеку один из журналистов, видимо, вышедший в прямой эфир, говорил:

– Все произошло внезапно, и никто сначала не понял, что случилось. Зрители подумали, что это – часть программы, однако когда музыка прервалась и артист упал на сцену, стало понятно, что в артиста выстрелили… Так как Джейсон МакКуин являлся гражданином США, его тело увезли соответствующие службы. У следствия пока нет никаких версий, предполагаемого убийцу не задержали, но… как всем известно, момент убийства запечатлен на камеру, концерт шел в прямом эфире и транслировался по всему миру на интернет-портале. Поимка убийцы – дело времени, «Олимпийский» оцеплен. За моей спиной вы можете видеть продюсеров МакКуина – Нику Домбровскую и Брэдли Моргана.

Никто из правоохранительных органов не согласился дать нам комментарии, менеджер погибшего артиста также ответил отказом. Мы соболезнуем. Такой стремительный взлет и такая трагедия… Я буду держать вас в курсе событий.

Игорю хотелось закурить. Сигарет не было. Он увидел, что Ника Домбровская достала толстые сигареты, и подошел к ней.

– Могу у вас попросить сигарету? – спросил Игорь.

Ника протянула ему пачку, дала зажигалку и спросила:

– Когда я смогу получить тело Димы?

– Я не знаю, – честно ответил Игорь, – он гражданин США, и это не наша юрисдикция.

– Что произошло? – спросил кто-то сзади.

Игорь повернулся. На него смотрели острые как бритва глаза Васи Ковалева. Он пытался справиться с собой, но тело давало сбой – плечи содрогались, губы дергались. Игорю было жаль этого парня. Жаль всех – и больше всего Сашу Лаврова.

Когда Игорь прибежал к сцене, было поздно. Он увидел, как Саша Лавров пытается глотать воздух, ставший слишком твердым для него; как расплывается неправдоподобно большое красное пятно по его спине; как ослабевшие пальцы все еще пытаются держать микрофон, но он все равно падает на железный рельс, по которому ездит тележка с камерой.

– Сашу раскрыли, – сказал Игорь Васе, – вот что произошло.

– Почему никто ничего не сделал? – спросил Вася. – Почему его не спрятали? Почему, ответьте мне! Или это как раз тот случай, о котором вы говорили? Тот самый риск?

– Василий, – сказал Игорь, – вы не виноваты в смерти Саши. Виновных накажут. И это не только Наркобарон. Очень многих призовут к ответу.

Он должен был это сказать. Поступок Васи Ковалева был истолкован им неверно – сейчас только до Игоря дошло. Вася просто развязал Саше руки. Чтобы тот в любой момент мог исчезнуть без последствий. Когда у тебя на руках инвалид в коляске, сделать это сложнее.

– Кто такой Саша? – неожиданно спросила Ника Домбровская.

Человек, обнимающий Нику, был насторожен. Он не понимал русскую речь и думал, что происходит какой-то конфликт. На бейдже у мужчины было написано «Брэдли Морган, организатор». Игорь поднял руки, демонстрируя безоружность. Брэдли немного успокоился, принял более расслабленную позу, но продолжил обнимать Нику и гладить ее.

– Это имя Димы, настоящее имя, – сказал Вася. – Ника, ты многого не знаешь. И если Игорь Сергеевич не возражает, я могу тебе сейчас это рассказать. Вы ведь не возражаете? Ника была его другом, она имеет право знать.

– Тайны кончились, – ответил Игорь. – Всего вам доброго. Примите мои соболезнования.

Игорь бросил окурок на землю, затоптал его и пошел в

сторону ограждения, чтобы убраться отсюда. В этот момент подъехала машина и из здания вышла агент Томпкинс. Деловая, собранная, взволнованная. Она прошла мимо него, Игорь схватил ее за руку и спросил:

– Ну что, агент, операция прошла успешно?

– Более чем, – ответила Клэр и одним резким движением освободила руку.

– Тогда пойдите и скажите это тем молодым людям. – Игорь указал в сторону друзей Саши.

– В этом нет необходимости, – сухо ответила агент.

Она подошла к машине, открыла дверь, но на мгновение обернулась и посмотрела на Игоря. Она явно что-то собиралась сказать, но передумала, села в машину и уехала. Игорь проводил Клэр ненавидящим взглядом, а потом, нырнув под ленту ограждения, прошел через толпу и достал мобильник.

– Алло. – На том конце линии послышался женский голос.

– Ты никогда не говорила мне, что я могу позвонить тебе, если у меня будет дерьмовый день, – сказал он, сразу перейдя на «ты». – Но я звоню.

– У тебя что-то случилось? – взволнованно спросила Марина.

– Да. Случилось.

– Мне очень жаль, хоть ты не объяснил, что именно. Но если позвонил, значит, что-то серьезное, – ответила Марина. – Хочешь, я приеду?

Игорь рассмеялся – он давно не слышал своего смеха. На-

столько давно, что даже забыл, как этот самый смех звучит.

– А что ты будешь делать, если скажу, что хочу? Прилетишь на самолете?

– Так хочешь или нет? – ответила вопросом на вопрос Марина.

– Очень… очень хочу.

– Ты, наверное, забыл, что я в отпуске? Я прилетела из Германии, и сейчас просто гуляю по Арбату. Мой самолет завтра. Так что могу приехать – говори куда.

– А ты можешь остаться?.. – спросил он совсем уж не своим голосом.

– Остаться? Ты имеешь в виду насовсем?

– Да.

– Но, Игорь… Ради чего?

– Ради меня.

Марина молчала всего несколько секунд, но для Игоря это были самые мучительные секунды в жизни.

– Ради тебя – могу.